

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ

НОВЫЙ
РОМАН
ОТ АВТОРА
ЛЕГЕНДАРНОГО
«ОДИССЕЯ»!

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев
Мальтийский крест

«Звягинцев Станислав»

2010

Звягинцев В. Д.

Мальтийский крест / В. Д. Звягинцев — «Звягинцев Станислав»,
2010 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 978-5-699-46133-2

Судьбы двух реальностей, – нашей, со всеми выкрутасами российской демократии, и альтернативной, где Россия – могущественная Империя, способная адекватно ответить на вызовы азиатско-африканского «Черного интернационала», – неожиданно оказываются переплетены гораздо теснее, чем предполагали Шульгин, Новиков, Левашов и их соратники по «Андреевскому братству». Акции антикоррупционной «Черной метки» в первой, заставившие президента страны со всем вниманием отнестись к предложениям этой загадочной организации, и разборки в Одессе, во второй, обратившие на себя внимание Императора, походят друг на друга не только по конечным целям, но и... по составу участников, появления которых на «театре возможных действий» и представить было нельзя. Однако иногда невозможное становится возможным, неся с собой грядущие перемены...

ISBN 978-5-699-46133-2

© Звягинцев В. Д., 2010

© Звягинцев Станислав, 2010

Содержание

Том 1. Полет валькирий	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	59
Глава 6	70
Глава 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Василий Звягинцев Мальтийский крест

Том 1. Полет валькирий

Глава 1

Лихарев вылетел из тренировочного лагеря Дайяны на самом большом из имевшихся там флигеров. С собой он взял семерых девушек выпускной группы – полное отделение. Работы предстояло много, с меньшим количеством он просто не управился бы за разумное время.

Новиков с товарищами безусловно навели на базе достаточно шороха, чтобы дуггуры призадумались. Едва ли немедленно повторят попытку вторжения. Рано или поздно наверняка повторят, но не в ближайшие же сутки! После тяжёлого боя с неожиданными и громадными потерями положено привести расстроенные ряды в порядок, проанализировать ошибки, оценить ситуацию, наметить новую тактику. Кем бы они ни были, наспех такие дела не делаются.

А Валентин пока успеет удалить из архивов машин кое-какие опрометчиво оставленные там данные, в нужную сторону перенастроит уцелевшие программы, чтобы попытавшиеся с ними работать «посторонние» получили несколько малоприятных сюрпризов, ну и перегнать в посёлок ещё семь флигеров, загрузив их всевозможной боевой техникой, а главное – гравиакумуляторами, которые весьма пригодятся для грядущих битв. Да и на Земле они не будут лишними, когда Валентин надумает туда вернуться. И не только для него.

Курсантки, одетые по-боевому, в тёмно-синие обтягивающие комбинезоны, вооружённые автоматами и пистолетами, выглядели весьма эффектно, даже на взгляд Лихарева, вроде бы уже успевшего к ним привыкнуть. В общей массе и в повседневных костюмах они не производили столь яркого впечатления. Шарма им придавало и приподнято-возбуждённое настроение. Все они чувствовали себя как юнкера накануне производства в офицерский чин.

Только те переходили в новое качество, оставаясь теми же самыми людьми, что и накануне, а эти, вернувшись с задания, официально превратятся из «условных» в полноценных личностей. Так решила Дайяна, и Валентин с ней согласился.

Над левыми нагрудными карманами они впервые прикрепили ленточки с нормальными человеческими именами.

Пусть обряд «инициации» по-настоящему прошли только Анастасия, Мария и Кристина – девушки, сдавшие зачёт по курсу практической сексологии. Дайяна, планируя скорое возвращение на Землю, собиралась использовать своих воспитанниц в качестве невест для наиболее перспективных фигур высшего света. А в этом деле умение с первой же встречи вызвать у объекта вспышку неконтролируемой страсти (или возвышенной любви) и в дальнейшем этим чувством умело руководить – главное, если не всё. У Марии и Кристины получилось, как учили, у Анастасии – наоборот. Узнай Дайяна, вместо зачёта девушка имела бы серьёзные неприятности. Вплоть до перевода в обслуживающий персонал¹.

Остальные четверо из их группы, пусть для них в этот раз учебного материала не нашлось, тоже были сочтены достойными, прежде всего из соображений прагматических – чтобы не разбивать сложившуюся «тактическую единицу», подобранную по принципу психологической взаимодополняемости и настроенную на коллективное решение будущих задач.

– Ну, девочки, полетели, – сказал Валентин, садясь на пилотское место.

Рядом, положив автомат на колени, устроилась Анастасия, по бывшему списочному номеру в своей группе всего лишь третья (287), а выше неё раньше считались теперешние Марина (285) и Герта (286), но с присвоением имён иерархия изменилась. Они отступили на нижние ступеньки, как и Инга (288), и Людмила (290). Зато, благодаря наведённой Новиковым подпрограмме, Настя ощущала себя лидером, держалась соответственно, и, что самое интересное, никому не приходило в голову эту роль оспаривать. Очевидное преимущество аггри-

¹ См. роман «Ловите конский топот».

анской системы. В коллективах настоящих земных женщин внезапные статусные перестановки безболезненно не проходят.

Если бы Лихарев видел фильм «Белое солнце пустыни», он наверняка вспомнил бы Гюльчатай: «Господин назначил меня любимой женой». Таких внезапных выдвиженков, в соответствии с обычаями гаремов, обычно тем или иным способом устранили. Если они не успевали своевременно принять нужные контрмеры.

Здесь же девушки без малейших споров и даже сомнений разместились в пассажирском отделении, оживлённо переговариваясь исключительно на темы, имеющие отношение к предстоящему делу. Да других у них пока что и не было. Всё впереди.

Лихареву не только разговаривать с бойцами своего отделения, но и просто смотреть на них было интересно. Психологически. Он сразу обратил внимание, насколько иначе, чем их подруги, держатся курсантки, всего несколько часов пообщавшиеся с лидерами «Братства». Будто успели получить какие-то специальные инструкции и обещания на будущее. Возможно, так оно и было. О способностях Новикова, Шульгина и Левашова он имел достаточные представления. А если даже никакой специальной вербовки не произошло, значит, сам факт проведённой с настоящими мужчинами ночи изменил их самоощущение и самооценку. Не удостоившиеся подобной чести подруги с этим безоговорочно согласились.

У Дайяны на них свои планы, у него – свои. После встречи с членами «Братства» он убедился, что препятствий к его возвращению в Кисловодск они чинить не станут. И что в таком случае его теперь связывает с «хозяйкой»? Сидеть на Таорэре и ждать очередного вторжения дуггуров нет никакого смысла. Вся затеянная им под нажимом Дайяны авантюра выглядела откровенной глупостью.

Впрочем, это ещё как посмотреть. Очень может быть, что всё случившееся – к лучшему. Сейчас они с девушками слетают на базу, сделают, что наметили. Будет время накоротке поговорить с каждой, сообразить, кто чего стоит. Намекнуть на достаточно близкие отношения с восхитившими их мужчинами. Пообещать, что после перемещения на Землю придумает им занятия поинтереснее того, к чему готовила их «хозяйка».

Одним словом, он начнёт формировать свою «пятую колонну».

И, как от Сталина в тридцать восьмом, выбрав подходящий момент, сбежит «домой», в 2006-й. А при чём тут кавычки? Действительно домой, где его ждёт Эвелин, наверняка напуганная, расстроенная, впавшая в панику от его исчезновения. Одна, в чужой стране... Подгадать по времени, чтобы вернуться через два-три дня, как-то всё ей объяснить и продолжить прежнюю жизнь, ещё раз согласовав с «братьями» дальнейшие «условия и правила совместного плавания». Больше он таких пробоев не допустит²...

Лететь было не очень далеко. Даже на половинной скорости минут двадцать – двадцать пять. Установив направление и высоту, Валентин повернулся к Анастасии. Девушка с интересом смотрела на разворачивающийся внизу дикий горный пейзаж. Скорее всего, так далеко она от лагеря никогда не бывала.

– Нравится? – спросил он как можно более мягким и благожелательным голосом. До этого Валентин Валентинович с курсантками общался мало, Дайяна предпочитала, чтобы он занимался другими делами, вне воспитательного процесса. Оберегала свою епархию, как мать-настоятельница – послушниц от контактов с мирянами противоположного пола.

– Восхитительно. Летела бы и летела... Представляю, как хорошо будет на обратном пути самой сесть к пульту...

– Да, это приятно. Особенно поначалу. А вот ты мне скажи, пожалуйста, Андрей Дмитриевич тебя в гости приглашал?

² См. роман «Хлопок одной ладонью», т. 2.

Анастасия всё случившееся между ней и Новиковым в деталях доложила Дайяне и не могла, по идее, что-либо утаить или исказить, но мало ли... По собственному опыту знал, как аккуратно иногда удаётся обходить вроде бы категорические императивы.

– Нет. – Она посмотрела на него ясными глазами. – Сказал только, что если ещё придётся встретиться, поможет мне устроиться в новой жизни, во всём, что от него зависит.

– И ты ему поверила?

– Как же можно не верить? Такому человеку! – В голосе девушки прозвучало искреннее удивление и даже некий намёк на возмущение. – Вы же его знаете намного лучше меня...

– Это так, – ответил Лихарев. – Верить ему можно и даже нужно. Только где же вы с ним можете встретиться? При его образе жизни...

– Неважно. Где-нибудь наверняка встретимся. Он ведь не стал бы напрасно говорить...

– Завидую я тебе, – машинально сказал Валентин, всматриваясь вдаль.

– В чём? – Настя относилась к тому типу натур, которые любят во всём добираться до сути.

– Вообще. Блажен, кто верует, тепло ему на свете... Смотри, смотри, что это там?

Он сдвинул с верхней кромки лобового стекла электронно-оптический бинокляр, подался вперёд, поворачивая верньер трансфокатора.

– Ох ты, чёрт! Натуральная боевая «медуза»...

Да, это был не тяжёлый, почти не вооружённый транспорт, а нечто вроде штурмовика, или, если по морскому – лёгкого крейсера. Значит, после учинённого «братьями» разгрома сюда срочно выдвинулись силы прикрытия. Для предварительной разведки или с целью немедленно нанести карающий удар по дерзкому противнику.

– Уходим, Настя, уходим, – сквозь зубы процедил Лихарев, закладывая крутой вираж со снижением. – Нам против такого не выстоять... Ах ты, мать вашу! – не стесняясь девушки, он завернул от души. Чему-чему, а специфической лексике самых разных слоёв общества Гражданская война его научила.

Снизу-слева наперехват выходила ещё одна такая же мерзкая штуковина.

– Давай, Настя, к бою! Стреляй по готовности!

Девушка, не задумываясь, на автомате, запорхала пальцами над пультом управления гравипушкой.

Не прошло и пяти секунд, как она поймала косо летящую, похоже, разворачивающуюся в их сторону мантией и щупальцами «медузу» в визир прицела, выплеснула ей навстречу гравитационный конус. Мощности заряда хватило, объект на глазах смялся в комок, как пластилиновая фигурка в кулаке, с двадцатикратным, против нормального, ускорением провалился вниз, на заснеженные скалы.

– Есть! – восторженно закричала Анастасия, испытывая естественную радость от первой победы в воздушном бою.

Лихареву восторгаться было некогда. Он разворачивал флигер навстречу атакующему сверху противнику. И уже чувствовал, интуитивно, что не успевает. И Настя тоже не успеет, они наверняка уже «на мушке». Всё же не на «И-16» или «Чайке» он летит, и сам не Чкалов, не Серов...

Девушка ещё не догадалась, что – всё, приехали! И остальные, за спиной – тем более. Валентин выплюнул последнее короткое, как промелькнувшая жизнь, ругательство, ожидая... последнего (теперь точно не «крайнего») мига...

Терять было нечего, Лихарев попытался изобразить нечто вроде «боевого разворота» в противоположную от «медузы» сторону и...

Полностью поглощённый усилием вывернуться из-под удара и одновременным ожиданием «одномоментного и полного разрушения организма», при котором никакой гомеостат не поможет, он не успел осознать, каким образом окружающий мир вдруг разительно изменился.

Другого цвета небо в полосках перистых облаков окружало их, вместо остроконечных пиков и хребтов внизу гладкая зелёная равнина с разбросанными там и тут купами деревьев. Высота – около километра. Неуправляемый флигер с креном скользил в сторону куполообразного, заросшего то ли высоким кустарником, то ли низким лесом холма.

– Что такое, что случилось, где мы? – не испуганно, но крайне удивлённо вскрикнула Настя, не столь поглощённая ожиданием смерти и, по молодости, увидевшая всё другое быстрее и ярче.

– В раю, – криво усмехнулся Лихарев, выравнивая машину. Да, можно и так сказать. Они, считай, уже почти умерли, а как назвать место, куда попадают после того? На ад не похоже, значит...

Главное – понять, кто это так своевременно вмешался? Дайяна – вряд ли. Просто не успела бы. Мог кто-то из «Братства», если специально назначенный человек постоянно отслеживал их маршрут. Тогда почему просто не ликвидировали вражеские аппараты, вместо перехвата флигера другой реальностью? Или – снова «третья сила», и они сейчас оказались вообще неизвестно где и неизвестно для чего. Наконец – не есть ли это очередной ход «дуггуров»? Вместо выстрела на уничтожение – финт, вроде своеобразной «ловчей ямы». Загонщик ценой собственной жизни направил добычу в нужное место.

Всё это промелькнуло в сознании Валентина быстрее, чем рефлексy заставили выровнять машину по тангажу и крену.

И что теперь делать? Выбрать подходящее место и садиться или полетать ещё? Пейзаж подозрительно знакомый. Он повернул голову. Ну да, так и есть. И Бештау на горизонте присутствует, и прочие лакколиты³ Пятигорья. Километров двадцать по прямой, и выйдешь к точке, где и место для аккуратной посадки найдётся, и до дома недалеко. Знать бы только, в какое время их занесло.

Выяснить это можно не далее как через минуту. Ещё один вираж в сторону Змейки, рядом с которой должна проходить железная дорога, и всё станет понятно с точностью до столетия. Если её нет – первые две трети девятнадцатого и раньше. А если пути существуют, то по наличию или отсутствию столбов контактной сети станет ясно, какая здесь половина двадцатого. Повезёт увидеть идущий поезд – по экстерьеру локомотива и подвижного состава дата уточняется до пятилетки.

Но и этого не потребовалось. Слева, с противоположной от Анастасии стороны, раздался тихий голос:

– Живы? Ну и слава богу...

Валентин узнал Левашова. С огромным облегчением сообразил, что именно им и устроено чудесное спасение. Каким образом – тоже понятно. Почти.

– Это... Что это было? – пересохшим горлом, поперхнувшись, спросил он.

– Спокойнее, – ответил Олег. – Не создавай ажиотажа среди вверенного контингента. Девушкам ничего не нужно слышать. Пока. Сначала разберёмся...

– Ага, – Лихарев покосился на Настю. Она, похоже, в смысл его междометий и отрывочных слов не вникала. Слишком сильны были впечатления от остального.

– Сажай машину на ближайшую полянку, и чтоб кусты вокруг погуще, тогда и поговорим...

Валентин так и сделал, благо это было нетрудно.

– Запросто. Таких здесь хоть пруд пруди.

³ Лакколит – гороподобное образование, сформированное при вспучивании магматических пород, приподнимающих земную кору. (Или, более научно – «караваеобразный интрузив, образованный на месте отпрепарированных денудационных процессов». См. БРЭС, М. 2008).

Опять семантическая избыточность русского. При чём тут поляны и при чём пруд?

Об этом его спросила Анастасия. Оказалось, он ответил Левашову вслух, и она именно эту фразу целиком услышала.

– Ну, говорят так, – расслабившись и почти мгновенно начиная забывать о пережитом, тяжёлом с непривычки стрессе воздушного боя, ответил он. – «Хоть пруд пруди» – значит «неограниченно много». Почему так – спроси у Даля, Владимира Ивановича, шведа, составившего словарь «Живого великорусского языка» в 200 тысяч слов, плюс сорок тысяч пословиц и поговорок...

Легко очень стало на душе у Валентина, когда он с выключенным двигателем планировал к земле, зная, что всё плохое кончилось и умирать снова не пришлось. Отчего же и не порисоваться перед красавицей-девчонкой, которую он при других обстоятельствах охотно сделал бы своей любовницей.

Убедившись, что в радиусе нескольких километров некому заметить его приземление, Лихарев сбросил скорость до нуля и вертикально опустил флигер на жёсткую траву, пробивающуюся между выходящими на поверхность буграми и плитами жёлтого ракушечника. Откинул колпак фонаря. Поднялся на ноги и с трудом переступил через вырез борта. Не только лоб и волосы, вся спина под курткой была мокрой от пота.

Батага девушек высадилась следом, с неприкрытым интересом, словно маленькие щенки или котята, впервые выпущенные на волю, возбуждённо осматриваясь, жадно втягивая незнакомые запахи...

Вольер, горный изолят, закрытое от мира учебное заведение – и вдруг абсолютная воля. Она ведь, воля, чувствуется, неизвестно каким органом, но безусловно. Стоило самому Лихареву попасть из сталинской Москвы тридцать восьмого в совершенно чужой две тысячи шестой год другой реальности, он осознал психологическую разницу в первые же минуты. Эгрегор, ноосфера и тому подобное...

Время суток здесь было совсем раннее, судя по положению солнца – часов около семи, учитывая, что попали они в начало осени. Часть кустов и деревьев оставались зелёными, большинство же сияли всеми оттенками жёлто-багряных тонов.

– Курсантки! – вновь ощутив себя командиром, а также и для поддержания порядка и конфиденциальности, возвысил голос Валентин. – Слушать мою команду. Оружие на изготовку. Выдвинуться радиально, с интервалом тридцать метров, по периметру поляны. Замаскироваться между деревьями. Ждать нападения со всех азимутов. Без команды огня не открывать. Исполнять. Анастасия – остаёшься при мне.

Минута – и девушки, прошедшие очень солидный «курс молодого бойца», растворились в окружающей местности. Довольные, радостные, готовые подтверждать и подтверждать вновь обрётённый статус до последней капли крови.

«Везёт же, – подумал Валентин, вспоминая себя в их возрасте и положении, – главное – ни малейших сомнений в смысле существования... Сейчас бы и мне так...»

А вот Анастасия выглядела другой. Или Новиков перестарался, вводя в неё свою программу (о чём Лихарев, разумеется, знать не мог, разве только догадывался), или она исходно оказалась «дефектным экземпляром», как он сам, как Ирина Седова...

Девушка смотрела на старшего не так, как подобало бы. Без почтения и восхищения. Место «старшего» для неё раз и навсегда занял Андрей Дмитриевич. Доминантно.

Хотела, наверное, что-то спросить, держа, согласно приказу, автомат на ремне под правым локтем и сторожко поглядывая по сторонам. Но тут возникла в трёх шагах знакомая сиреневая рамка, сквозь неё вышел навстречу Левашов, одетый в лёгкий рабочий костюм, принятый волей Воронцова на «Валгалле» – синий хлопчатобумажный китель ещё дореволюционного образца, такие же брюки, мягкие туфли на нескользкой подошве. По привычке к «вольности дворянства» крючки воротника и даже верхняя пуговица расстёгнуты, приот-

крывая ворот тельняшки. Моряк-то Олег был настоящий, лет пять бороздил моря и океаны, «шарик» три раза обошёл, не считая десятков более коротких рейсов.

– Привет, Валентин, привет, Настя, – широко улыбнулся он. – С возвращением вас...

– Откуда и куда? – спросил Лихарев.

– Не мальчик уже, сам всё понимать должен. Это Настя не в курсе наших игр, а ты – вполне. На КМВ вы благополучно возвратились, в известный две тысячи шестой-дубль, откуда ты так опрометчиво отлучился.

«Надо же, – про себя удивился Лихарев. – Только подумал, что пора сматываться – и уже здесь. Да и девчонки со мной. Без всяких интриг и ухищрений».

– Самоволки – они, бывает, ой как плохо кончаются, – назидательно продолжал Левашов. – Так что тебе, считай, опять по-крупному повезло. А вот ей, – он кивком указал на Анастасию, – и остальным девчатам – уж и не знаю. Что живы остались – это конечно... Но домой они уже никогда не вернутся, однозначно. Придётся здесь устроиться...

– Почему – не вернёмся? – недоумённо спросила девушка.

– Законы природы, – расплывчато ответил Олег. – Ты сходи за подругами. Минут через десять подходите все сюда. А нам нужно наедине кое-что обсудить.

Анастасия послушно повернулась и пошла в сторону опушки. Счастливая уже тем, что увидела ближайшего друга Андрея Дмитриевича. Очень возможно, что и он сам скоро появится... А ещё ей очень хотелось обрадовать Кристину.

Левашов сел на траву, оперся спиной о борт флигера, достал из одного кармана сигареты, из другого – обтянутую кожей фляжку.

– Угощайся. Повод есть, мне кажется.

Лихарев сделал пару больших глотков, вернул ёмкость Олегу.

– Так всё же? Хватит темнить...

– Никто не темнит. С воскрешением тебя. В самом буквальном смысле. Сбили вас в реале. В дым и мелкие дребезги. Хоронить было нечего, кроме нескольких железок. Андрей с Сашкой, вновь на Валгаллу вернувшись только через полтора месяца, ввиду обстоятельств, узнали про вашу «конфузию»⁴, огорчились, решили на условную могилку слетать, помянуть, как водится. Не чужие, сам понимаешь, люди.

– Как не понимать. Девушки, что с вами были, с тех пор прямо-таки бредят образами «настоящих мужчин».

Сказал это Лихарев странным тоном. Не очень Олегу понравившимся.

– А ты чего хотел? Сами же их подобным образом воспитывали, только в противоположных целях. Не тебе на эту тему иронизировать...

Левашов из всей компании казался Валентину самым мягким, временами «не от мира сего», но это только потому, что не приходилось им сталкиваться в серьёзных ситуациях. И сузившиеся глаза инженера отчётливо намекнули, как говорят в Одессе – «горячим утюгом в грудь», что не стоит нарываться. Даже в случае кратковременного нервного расстройства, которое аггрианина безусловно посетило. Умирать и воскресать он пока ещё не привык.

– Усеки на всякий случай, если бы не эти девушки, лично тебя спасти едва ли кому в голову пришло. Поскольку в случае необходимости твой дубль легко и из тридцать восьмого ещё раз выдернуть. Как функциональная фигура – ничуть не хуже нынешней. Даже лучше, поскольку... свою роль исполнял бы и дальше, а весь кусок биографии с дурацкими инициативами – стёрся... Доходчиво?

⁴ Конфузия – неловкое положение, неудача, безвыходное положение (устар.).

Андрей и Сашка не поручали ему проводить воспитательную работу среди одного из Лихаревых, но Олег был человеком эмоциональным, с обострённым чувством не только справедливости, а и вообще.

Правда, сразу же взял себя в руки, ибо на уточнение позиций оставалось не так много времени, пока девушки не возвратятся.

– А раз доходчиво, в чём я отчего-то не сомневаюсь (он и шульгинские нотки умел подпускать при случае), слушай сюда и дальше. Ребята вдруг подумали, а нельзя ли и этот вариант переиграть? Прямо с вашего мемориала связались со мной и дали вводную. Я в тот момент находился на пароходе в районе тысяча девятьсот двадцать пятого. Опять на ваше счастье. Только оттуда можно было (с любой другой координаты – никак) выйти в параллельное будущее гораздо раньше, чем мы там побывали, переместившись из Замка. Ну, ты помнишь. Ещё помнишь?

Лихарева вопрос насторожил. Да, как появились все трое на Таорэре, традиционно повоевали с очередными пришельцами, в поле и на Базе, потом, разыскав в компьютерах его письмо, тоже ведь обращённое как бы из будущего в прошлое, прилетели в тренировочный лагерь последних кандидаток в агентессы и что там делали, он хорошо помнил. Как же иначе? По его счёту, между их появлением и только что случившимся воздушным боем прошло три дня. По словам Левашова, полтора месяца. Спасать он их явился из восьмидесятилетней глубины времён. На самом деле – неизвестно откуда. И – почему, а главное – зачем?

– То есть, на ваше, да и на наше, наверное, счастье, – продолжал Левашов, выдернув из земли какое-то местное пахучее растение и разминая его в пальцах, – получилось хитрой петлёй выскочить за спину самим себе. Удачно избегнув малейших парадоксов. Тут надо сказать очередное спасибо одному парню из две ноль пятьдесят шестого года. Очень в некоторых физических тонкостях натасканный мужик. Мне до него далеко. Как Ньютону до Эйнштейна. Однако... – тут Левашов не удержался от возможности поддержать и своё реноме, – мы это, значит, по старинке, своё дело делаем, в соответствии с теми же «тремя законами», Ньютона, а не Азимова, а у них, хоть и на сто лет позже живут, всё больше в «сфере чистого разума».

Левашов иногда увлекался словоблудием не хуже своих друзей-приятелей.

Сообразив, что лекции тут неуместны, остальное изложил конспективно.

– Одним словом, здорово сложилось! Реальность девятьсот двадцать пятого года никак не пересекалась с восемьдесят четвёртым и двумя двухтысячными. То есть выход из неё в ваш валгалльский изолят неизвестно какого времени получался чистым. Ни единой временной струны не касающийся. Удивился я немного, но – против природы спорить не следует. Особенно если она сейчас в твою пользу работать настроена... А ты выпей ещё немножко, – вдруг сказал Олег, доставая из кармана вторую фляжку. – Вижу, предыдущего тебе не хватило для адекватного восприятия собственной реинкарнации...

Левашов специально налил в первую фляжку всего сто граммов, чтобы явно не хватило, зато в этой содержался коньяк, одобренный очередным препаратом из лабораторий Шульгина. Долженствующий привести Лихарева в состояние, исключающее непредусмотренные рефлексии. Сейчас Олегу он нужен был физически активным, интеллектуально адекватным, но вполне управляемым едва заметными посылками. Некогда ему было заниматься воспитательной деятельностью в стиле Макаренко, с непредсказуемыми результатами.

– Вычислил я вас, настроился, всё время вёл в рамке, а как только увидел «медуз», вышел по отношению к тебе в «ракурс ноль», посмотрел, как ты кувыркаешься. Лётчик-ас из тебя, сожалею, не вышел. Но старался ты изо всех сил. Зато я успел и принял в свои объятия. Теперь, значит, вы живы, Дайяной и всеми прочими, кроме меня, Шульгина и Новикова, считается давно, геройски и безвременно погибшими. Вернуться обратно пресловутая «петля» никому из вас не позволит. Логика событий в вашем варианте порвана невосстановимо. Жить придётся здесь, хошь не хошь. На мой взгляд – не самый худший вариант. А ты как думаешь?

– Так же и думаю. Раз мы сейчас живы – смерти не было. Что там могут вообразить другие, мне безразлично. Совершенно так, как безразлична судьба Лихарева – тридцать восемь. Вдруг «усатый хозяин» распорядился меня и там шлёпнуть? А я вывернулся.

– Никаких возражений. Теперь – информация для размышления, чтобы ты дома грамотно отмазаться сумел. Сейчас здесь – момент всего на две недели позже достаточно неприглядной сцены на твоей вилле, с мордобоем и погонями. Эвелин была в шоке, всё, по своим заграничным привычкам, порывалась звонить в полицию. Девчатам, да и нам всем, пришлось очень сильно потрудиться, пока сумели успокоить, внушить и объяснить, какая у нас служба. Хорошо, сама успела увидеть инцидент с Виталием, с Татьяной с горки побегать. Вокруг этого и выстроили легенду прикрытия. Девушка она наивная, поверила, что именно таким образом нужно было твою немедленную и крайне секретную отлучку замотивировать. Майя с Татьяной её поддерживают собственным примером. Их мужья тоже отбыли и тоже обещали скоро вернуться...

– Кем же вы меня ей обозначили? – осведомился Валентин, окончательно взявший себя в руки. Ему нужна была только подходящая для дальнейшей жизни с женой информация. – Неужто по реальной специальности?

– Примитивно, – цокнул языком Левашов. – У Майи муж – кто? Господин Ляхов, полковник, флигель-адъютант и прочее. Ксиву подлинную твоей француженке предъявил. Они же там хоть республиканцы сплошь, а к титулам крайне трепетно относятся. Ей сафьяновой книжечки с фотографией при всех погонах и аксельбантах вот так хватило! – Олег показал рукой, как именно. – Так что ты теперь – тоже особа, приближённая к Императору. Чисто Воробьянинов. Такая отмазка со свистом пройдёт, и твоя Эвелинка только и будет ждать, когда и её введут под ручку в Грановитую палату...

Пять лет, проведённых Левашовым на пароходах Совторгфлота, пусть и в культурной инженерской должности, оставили в его лексиконе и характере неизгладимые следы. Чуть только ослаблял самоконтроль, сразу начиналась специфическая стилистика.

– Удобно, удачно, – согласился Валентин. – Спасибо – не придётся наспех врать...

Этот, безусловно, приятный момент как-то заслонил куда более существенный факт воскресения после полуторамесячного пребывания в плохо оформленной могиле.

– Только как с девушками быть? – перебил его мысли Левашов. – Ты готов привести их, семерых, к своей жене на постой? С толковой мотивацией?

Лихарев задумался совсем ненадолго.

– В принципе – могу. Семь – не одна. Столько юных любовниц у одного человека просто не бывает. Если он не арабский шейх. Придумаю что-нибудь, пока добираться будем.

– Есть и другой вариант. Не умножаем сущностей сверх необходимого, правильно? Мы их завезём на дачу к Ларисе, там сейчас по-прежнему Майя с Татьяной живут. Две, а то и три опытных дамы за пару недель как-то сориентируют их в окружающей действительности, после чего станем думать дальше.

– Так, конечно, гораздо лучше, – с облегчением ответил Лихарев. – И они адаптируются, и я не спеша просчитаю варианты. Есть кое-какие, и вполне интересные...

– Вот и славненько. О, смотри, какие воспитанные девушки. Сказал – десять минут, так они секунда в секунду соблюдают.

Действительно, все семь курсанток цепочкой, по-прежнему не снимая пальцев с автоматных спусков и контролируя прилегающую местность, шли в их сторону. Режим полной боеготовности для них никто не отменял. Анастасия – впереди.

Олег увидел идущую третьей Кристину, испытал странное для него, непривычное чувство. Что было – вспомнил ярко и с благодарностью, к ней ли, к судьбе, к Дайяне. А в глаза смотреть не хотелось. Смешно ведь и неловко. Ему тридцать шесть (если без всяких отклоне-

ний, а то и сорок, с учётом петель и зигзагов локальных, независимых и прочих времён), ей – на вид девятнадцать. На самом деле, прав Андрей, то ли дочка, то ли племянница.

Она тоже увидела его, заулыбалась, как бы даже засветилась вся изнутри. Вот тебе и проблема! Одна надежда – дисциплина у воспитанниц Дайяны превыше чувств.

Так и вышло. Один короткий, почти незаметный жест руки, и Кристина, всё поняв, на долю секунды изобразила одними только глазами всё, что хотела, и сразу стала столь же функциональной и безразличной к посторонним факторам, как и подруги. Поглощённой только боевой задачей. Ничего личного. Как же иначе? Месяц-другой спустя она могла бы стать полноценным координатором, которым эмоции разрешены только по велению службы.

– Значит, решили, – сказал Левашов, всем своим видом демонстрируя девушкам, даже никогда его раньше не видевшим, что главный здесь – он. Как бы не выше всесильной начальницы Дайяны. – В одну шеренгу – становись!

Курсантки чётко исполнили команду.

Он прошёлся вдоль коротенького строя с видом и манерами красноармейца Сухова (или – старшины Васкова)⁵. – Сейчас мы с вами переправимся в одно место, где вы найдёте крышу над головой, защиту и помощь. Помощь в том, чтобы приспособиться к жизни на Земле. На этой Земле. Она отличается от той, где вы должны были работать. Не очень, но отличается. Это главное. Всё остальное станет ясно по месту и в течение... Те дамы, которые вас примут под своё покровительство, знают, что вам предложить, чему научить и чего от вас потребовать. Понятно?

Хором отвечать: «Так точно, товарищ...», их никто не учил, но мимикой и кивками голов девушки показали, что всё понимают правильно.

– Очень хорошо. Значит, сейчас все садимся во флигер, Валентин Валентинович заводит его на самой малой скорости в имеющийся портал, и через минутку все будем там, где нужно. Исполнять!

Курсантки исполнили команду быстро и чётко.

– В Кисловодск к Ларисе? – на всякий случай ещё раз переспросил Лихарев, когда они остались вдвоём перед летательным аппаратом.

– Куда же ещё? Разместим девчат – и свободен. До особого распоряжения. Вернёшься домой, продолжай привычный образ жизни, но в полной готовности. Как израильский резервист. Никаких шуточек, хохмочек и прочих инициатив тебе впредь не допускается. Уловил?

В полном соответствии с действием препарата Валентин подтвердил, что уловил всё и несколько более того. С огромным облегчением при этом. Как там сложится дальше – видно будет, а сейчас всё происходит совершенно великолепно. Вместо условной могилы в горах, находящихся за полста парсеков отсюда, он совсем скоро окажется в любовно обустроенном доме, в объятиях чуждой всяким потусторонним заботам женщины... Слава богу, хоть она не имеет ко всему этому никакого отношения!

Кому ещё выпадало такое счастье? Не в качестве агтрианца-координатора, в роли обычного военного человека. Могли убить – не убили. А если даже и убили... Может быть, за минувший век в разных параллелях убиты десятки его аналогов, ну и что? Сейчас-то он снова жив, дышит, осознаёт себя вполне адекватным себе самому...

Как эта степная травка в руке Левашова называется? Валентин пытался вспомнить и отчего-то не мог. Ну и ладно. Он ведь по легенде северянин, петербуржец, а здесь крайний юг Империи.

Ах, да, емшан-травка, кажется. Тревожит запах, волнует... Ему возвращена, подарена жизнь (именно эта, зачем другая?). Заодно с прощением всех предыдущих прегрешений перед людьми, имевшими право поступить с ним совсем иначе. Как он бы с ними поступил, будь его

⁵ См., соответственно, к/ф «Белое солнце пустыни» и «А зори здесь тихие».

воля. Но не сейчас, раньше. Теперь ему и в голову никогда больше не придёт, что можно нарушить... А что? Приказ, долг, собственные убеждения? Над этим стоит подумать, но уж никак не сейчас. Сейчас хочется только вырваться как можно скорей из «странности», в которой он оказался, перевести дух, по-новому определиться...

Левашов перебросил флигер на три десятка километров, не касаясь сложных СПВ-настроек, просто переместил окно заданного пространства с одного места на другое, будто из комнаты в комнату. И вот уже они во внутреннем дворе сказочного домика на горе.

Навстречу вышла на высокое крыльцо Майя, предупреждённая Олегом о скором визите с неожиданными гостями, ко всяким вариантам давно привыкшая, в отсутствие Ларисы считающая себя исполняющей обязанности хозяйки. Приделась подходяще, но затруднять себя утренним макияжем не стала. Во-первых, не для кого, а во-вторых – и без него хороша.

Олег, поднявшись по ступенькам, вполголоса, по возможности коротко и ёмко объяснил суть происходящего и то, что теперь требуется от неё.

А что – интересно! Майе давно уже стало скучновато в Кисловодске, в то время как в Москве происходили интереснейшие события. Но Вадим велел (или просил), пока оставаться здесь, исходя из необъяснённых соображений. Она уже привыкла не возражать, если он говорил с ней особым тоном, означающим, что обстоятельства выше их личных желаний и склонностей. Девушка успела убедиться в том, что муж, хотя пока и не венчанный, в серьёзных делах не ошибается.

Именно так случилось, когда они приехали разбираться с Лихаревым. И ведь разобрались, не без сложностей, зато и без потерь.

Сегодня снова красавец-парень Валентин объявился здесь, и ведёт себя с ним Олег вполне дружески. Только – Майя это не сразу, но заметила – как-то снисходительно, что ли. Ей вспомнилась поговорка, нередко употреблявшаяся её отцом-прокурором по самым разным поводам: «Еврей крещёный, что вор прощённый». Наверное, и здесь что-то в этом роде...

Она никогда не видела живых аггрианок (Ирина и Сильвия в её понимании к таковым не относились. Вадим так ей о них рассказывал, что она этих дам воспринимала как подлинных землянок, этаких Маугли женского пола, воспитанных инопланетянами). А эти были натуральными, «свеженькими», прямо со своей планеты, не успевшими даже переодеться и ничегошеньки о жизни на Земле не знающими.

Тут и она, и Левашов ошибались. Последние месяцы, после того как Дайяна составила план подчинения себе Лихарева и возвращения к неограниченной власти в новой, весьма ей понравившейся реальности, она своих курсанток напряжённо, будто слушателей фронтовой разведшколы, готовила к работе именно здесь. По двенадцать часов в сутки. И – получалось, что сразу отметили, при первой встрече с девушками, и Новиков с Шульгиным, и сам Левашов. Недоработки, конечно, имелись по причине отсутствия «полевой практики», но в целом и Анастасия, и её подружки вели себя с ними вполне адекватно. С бóльшим соответствием исполняемой роли, чем та же, вполне подлинная Анна, девушка с дореволюционным воспитанием, попавшая абсолютно случайным образом в «Братство» в тысяча девятьсот двадцатом году.

Но как раз этого (ни об Анне, ни о курсантках), Майя не знала. Да и о самом «Братстве» её представления оставались расплывчатыми. Не довелось ей пока побывать ни в Замке, ни на Валгалле, ни даже в новозеландском Форте Росс.

Но и того, что она знала, было достаточно, чтобы задача показалась ей интересной. Теперь уже она ощутила себя в положении Ларисы, встретившей их с Татьяной в Кисловодске⁶. Умудрённая жизнью наставница и защитница, если захочется и сложится – старшая подруга.

⁶ См. роман «Хлопок одной ладонью».

– Пойдёмте в дом, – сказала она, лучезарно, как умела, улыбнувшись Олегу, чуть сдержаннее – Валентину, покровительственно – девчонкам. – Сколько можно на пороге стоять? Там всё и обсудим. Вот это – она указала на флигер, вживаясь в роль коменданта вверенной ей крепости, – немедленно убрать в гараж, чтобы никто посторонний не заметил, ни с воздуха, ни оттуда, – она указала на возвышающийся в полукилометре напротив, на склоне высокого отрога, двадцатипятиэтажный корпус санатория. – Раздражает он меня до невероятности. Любой хам с биноклем наш двор рассмотреть может. Невозможно неглиже на балкон выйти...

– Взорвать его, что ли? – пошутил Левашов.

– А и неплохо бы... – в тон ему ответила Майя. – Но до того будем применяться к обстановке.

– Тогда скажи Вадиму, пусть хорошую маскировочную сеть привезёт. Натянете отсюда вот досюда, и придётся старичкам другую цель для своих биноклей искать... А то и на порнофильмы переключаться.

Повинуясь всего лишь сделанному ею жесту, из караулки появились двое охранников, отперли ворота, ничему не удивляясь, помогли Лихареву многочисленными и взаимоисключающими советами загнать машину на отведённое место. Так и должны они были по замыслу выглядеть. Якобы нанятые из местных жителей, старательные, службу знающие, но, как и многие из терских и кубанских казаков, любящие прикинуться простачками. Перед приезжими «из России»⁷. Даже Валентин не смог сообразить, что имеет дело не с людьми, а с роботами – продуктом совсем другой технической культуры. Может, усмехнулся про себя, что переигрывают охранники прокурорской дочки, но и не более того.

– А вы, девочки, за мной, – ласково, как тётушка, встречающая приехавших на летние каникулы долгожданных племянниц, пригласила Майя курсанток.

Семь вызывающе эффектных красавиц, да ещё и вооружённых, как штурмгвардейцы, явно робея и теряясь, оказавшись в интересном, но совсем не понятном им месте, пошли, подчиняясь воле новой хозяйки. Так она была воспринята Мариной, Гертой, Ингой и Людмилой (хотя пока и не знала их имён). Читать, что там написано на нагрудных ленточках, ей и в голову не пришло. Как отметила Майя, у этих четверых она вызывала именно такой поведенческий стереотип. Зато у трёх других, вроде бы и очень похожих на подруг, эмоция была иной. В них ощущался осторожный, слегка опасливый интерес. Но – и отстранённость. Непонятного происхождения (военврач Ляхов сказал бы – этиологии). Будто эти девушки были из другой страты. А, может быть, и так, кто их там знает.

Будем посмотреть, как Вадим моментами выражается, совсем несообразно обычной манере.

– Оружие и прочую сбрую сложите вот здесь, – указала она на дверь кладовки под лестницей.

Анастасия вопросительно посмотрела на Левашова.

– Да-да, исполняйте, – подтвердил Олег. – Майя Васильевна теперь для вас царь, бог и воинский начальник. Слушаться её будете, как раньше Дайяну. А о той забудьте. Едва ли в ближайшее время вы с ней встретитесь. Автоматы, очень надеюсь, здесь вам не пригодятся. Перенастраивайтесь на мирную и приятную жизнь.

Не успели гости пройти в нижний обеденный зал, на верхних ступеньках одной из лестниц, имевшихся в этом доме в изобилии, разных, на любой вкус, словно трапов на военном корабле, появилась и Татьяна, разбуженная произведённым гостями шумом.

Не подозревая о присутствии здесь мужчин, она вышла попросту, в коротком халатике, ещё не застёгнутом.

⁷ В казачьих областях «Россией» называются территории севернее Ростова н/Д.

Увидела скрестившиеся на ней взгляды двух мужчин и толпы неизвестно откуда взявшихся девчонок, особенно и не смутилась, но исходя из норм приличия (мужняя жена, всё-таки) халатик запахнула, что имело опять же чисто символическое значение – рельеф тела никуда не спрячешь. А рельеф у неё был выше всяческих похвал, Майя завидовала, хотя ей, казалось бы, грех жаловаться.

С Левашовым Татьяна была знакома на протяжении двух суток, но знала, что относится он к руководящим лицам некоей организации, о которой Вадим Ляхов отзывался с большим пиететом. И её Сергея, естественно, эта организация всемерно поддерживала, иначе неизвестно, что бы со всеми ними случилось.

Лихарев был почти что свой, местный, но для неё не то чтобы неприятный, а – скользкий. Так можно определить. Тёплых отношений с ним поддерживать не хотелось. При том, что его жена, Эвелин, отлично вписалась в их компанию. Оказалась милейшей, совпадающей по характеру девушкой, пусть и француженкой. Да ещё и доктором философии (с точки зрения Татьяны – явный перебор. Как в том анекдоте: «Тебе что, мало, что ты негр?»). Зато всеми силами стремилась как можно быстрее обрусеть. Бывает.

Татьяна спустилась вниз, с Левашовым поздоровалась вежливо и в меру сил радушно, с Валентином – в пределах этикета.

– А это что у нас за молодёжь? – обернулась она к толпившимся у окна агтрианкам. Как-то они сумели всей своей группой занять минимальную площадь. И смотрели на новую женщину даже с большим интересом, чем на Майю. Кто их знает, может быть, именно фигура и властно-безразличный взгляд так подействовали? И тон, само собой, и эмпатически, по одному взгляду читаемое отношение к их бывшему начальнику.

– Вот, пополнение вам привёз, – сказал, чуть замявшись, Олег. Он до сих пор испытывал странное смущение в присутствии малознакомых, да ещё и полураздетых женщин. – Чтобы не скучно было.

Татьяна, оглядев девушек, слегка улыbnулась. Снова посмотрела на Лихарева. Его присутствие рядом вызывало отчётливый, причём нарастающий дискомфорт.

О том, что случилось в его пятигорском доме и вокруг⁸, она помнила не слишком много. Поставленную Валентином в её мозг матрицу Сильвия сумела удалить, пользуясь своим блокуниверсалом и имевшейся в подвале аппаратурой. Заодно исчезли порядочные куски подлинной и наведённой памяти.

У Татьяны остались только кое-как состыкованные воспоминания о её бегстве с Эвелин от Виталия, телохранителя Майи, оказавшегося одним из «запрограммированных», о том, как потом они с ней и Валентином пили шампанское на вилле под Горячей горой, и как ей вдруг стало плохо. Она, кажется, потеряла сознание, и довольно надолго. Пришла в себя и увидела рядом Майю, Ларису, Ляхова, который дал ей выпить какое-то лекарство и долго успокаивал, объясняя, что случился с ней своеобразный нервный криз, как последствие всего, что накопилось в психике и подсознании с давних времён, которые они обсуждали на катере.

Потом опять какой-то сумбур: они вдруг оказались уже не в Пятигорске, а в Кисловодске, компания увеличилась вдвое – к Майе, Ларисе, Вадиму присоединились женщины Сильвия и Ирина, очень похожие на «вдову Эймонт», но куда красивее, мягче и одновременно круче. А также незнакомые мужчины, только что подъехавшие – Андрей, Александр и Олег (этот самый, что сейчас доставил девчонок). Все они тогда расселись за огромным обеденным столом, отмечая какую-то свою победу, а заодно и её выздоровление.

Вечер (по её ощущению) шёл легко и эмоционально приподнято. Она спросила у Ляхова, когда же освободится от своих «страшно важных дел» Тарханов, и Вадим заверил, что очень скоро. В Москве порядок практически наведён, враги выявлены и обезврежены. Через денёк-

⁸ См. роман «Хлопок одной ладонью».

другой Сергей испросит у начальства отпуск (так и неиспользованный по причине известных событий), вот тогда они и отдохнут, и погуляют по-настоящему. Даже к тёплым морям можно будет отъехать.

– Причём – на собственной яхте, – сказала Ирина, жена Андрея, полностью утратившая внутреннее напряжение и превратившаяся в милейшую даму. – Знаешь, как интересно купаться в океане, когда под тобой не три метра воды на ялтинском пляже, а одиннадцать километров...

– Это как? – удивилась Татьяна. Географию в школе она, конечно, учила, но названную глубину с обычной практикой совместить не сумела.

– Марианская впадина называется, – пояснила Ирина и с улыбкой подняла свой бокал шампанского.

Глава 2

Татьяна заставила себя стряхнуть, оттолкнуть, будто сор веником смести ни к селу, ни к городу накатившие воспоминания. Что ей этот Лихарев и его непонятный взгляд? Пусть спасибо скажет за жену, а не пялится на абсолютно ему постороннюю женщину⁹. Две недели прожили они с Майей спокойно, развлекаясь в меру возможностей, утешая Эвелин, впервые расставшуюся (да ещё при таких странных обстоятельствах), с единственным близким ей в этой стране человеком.

Свозили её в Ставрополь, в Приэльбрусье, в Теберду и Архыз. Делали, что могли, постоянно ссылаясь на собственный печальный опыт почти что «соломенных вдов»¹⁰.

Но теперь Лихарев вернулся, судя по всему – вполне благополучно, да ещё и с прибавлением семейства. То с одной взрослой бабой возиться приходилось, теперь – с семьёй соплячками.

Это она, конечно, резковато о них подумала. Всё, скорее, совсем наоборот. Но возиться – оттого – придётся ещё больше. Ясное дело.

«Да ничего, справимся», – подумала Татьяна и постаралась улыбнуться с неба свалившимся (вот уж, ничего не зная, в точку попала), гостям как можно радушнее.

На вопрос хозяек, надолго ли он к ним, Левашов объяснил, что обстоятельства у них там сейчас такие, что буквально лишнего полчаса он не может провести в обществе столь очаровательных женщин. Нашёл в себе силы, что Майя немедленно отметила, ручку ей поцеловать, а вот Татьяне только кивнул, зато с приятнейшей улыбкой.

«Бывают же такие странные мужики, – подумала та. – Я его точно бы не укусила. А он то на ноги взглянет, то на грудь и резко отворачивается».

– Дела наши очень далеко отсюда, и хрен знает, чем кончатся...

Это выражение с кое-какой флотской добавкой сорвалось у него с губ очень легко, он, похоже, и сам не заметил, зато Майя и Татьяна – сразу. Между собой они и покруче выразались, но в устах деликатного инженера нормальный оборот прозвучал... Не в стиле.

Наверное, нечто очень нехорошее там у них творится, вот он и отвлёкся подсознательно.

– Оттого – никаких обещаний о сроках своего возвращения дать не могу. Чудо, что вообще удалось вырваться и доставить сюда девушек-сироток...

Так Олег и выразился, с одной стороны, чуть иронизируя, а с другой – чистую правду сказал.

– Имелась у них строгая тётка-воспитательница в особом заведении, среднем между пансионом благородных девиц и высшей школой спецназа, но в ближайшие годы вряд ли им ещё придётся увидаться. Жизнь – она... Сами понимаете.

Валентин Лихарев, очевидно, тоже принимал в девушках некоторое участие, но сейчас Левашов его отчётливо отодвинул. По-человечески понять можно – мужчина, имеющий молодую ревнивую жену, никак не может уделять должное внимание семи красавицам сразу. Неизвестно, откуда взявшимся.

– Как ты соображаешь, друг, – повернулся к Лихареву Олег, – Майя с Татьяной на офицерское жалованье своих мужей достойно, а тем более – долго, наших подопечных содержать не смогут. Лариса на них свою чековую книжку переоформить не успела. У меня в кармане – вошь на аркане. Придётся уж тебе беспокоиться, пока мы не вернёмся. Процентом с капитала, надеюсь, хватит. В случае чего – компенсируем... – многообещающе улыбнулся Левашов.

⁹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

¹⁰ Соломенная вдова – замужняя женщина, у которой муж находится в бегах или долгой отлучке (устар.).

– Да о чём ты говоришь! Всё будет в лучшем виде. И здесь устроим, и в столицы вывезем, если потребуется, – почти возмутился Лихарев.

– Вот и славно. А то тебя и на том свете найти – не вопрос. Сам понимаешь... – как-то, на взгляд Майи, достаточно банально фраза прозвучала... Чересчур. Она и сама успела побывать «на том свете», но Левашов, кажется, имел в виду нечто другое.

Валентин с готовностью кивнул.

– Тогда – до скорого. Надеюсь, ума не летать на флигере днём, да и ночью, у тебя хватит? – сказал на прощание Левашов. – Разве только в случае самой крайней необходимости.

Он ещё раз простился со всеми, причём Майе показалось, что на одну из девушек он взглянул не совсем так, как на остальных. И та будто бы смущённо опустила глаза. Впрочем, всего лишь на мгновение.

«Интересно, – подумала она. – Интересно... А почему бы и нет? Девчушка прелестна, а мадам Лариса при всех своих достоинствах едва ли так уж безупречна в роли домогостроевской жены».

Майя ощущала с Ларисой некоторое сродство характеров и темперамента, но с тех пор, как нашла себе Ляхова, мысли о приключениях на стороне ей даже в голову не приходили. Мадам же Эймонт, судя по всему, к моногамности была неспособна по определению, однако, в отличие от других, держала себя так, что ни один мужчина и помыслить не мог проявить по отношению к ней малейшую инициативу. Умела Лариса окружать себя аурой абсолютной неприступности. И как уж она, в случае необходимости, устраивала свои дела – бог весть.

Олег удалился в гараж, где был укрыт флигер – и больше они его не видели.

Следом откланялся и Лихарев, сказав, что машина ему не нужна, до вокзала он спустится пешком, заглянет в пивной подвальчик «Максими́ч». Посидит, приведёт мысли в порядок, а уже потом возьмёт такси и обрадует Эвелин своим окончательным, пожалуй, возвращением.

– А вы, курсантки, во всём слушайте Майю Васильевну и Татьяну Юрьевну, – сказал он строго, с какими-то специальными обертонами в голосе. – Переодеться вам надо, привести внешность в соответствие с окружающей действительностью, отдохнуть. Я завтра, утром или вечером, как получится, заскочу, над документами, над легендами покумекаем. Они в ближайшее время, естественно, не понадобятся, но всё должно быть путём. Мало ли, как сложится.

Это вам... На первоначальное обзаведение. – Валентин нашарил в кармане и протянул Майе кредитную карточку на предъявителя, действительную в любом государстве ТАОС, да и в большинстве сравнительно цивилизованных стран, имевших централизованные банковские системы.

Опыт научил его всегда иметь при себе этакий «спасательный жилет» или «парашют» – как кому нравится. В иные реальности после известных событий он не собирался проникать даже под страхом виселицы. Разве только по особому распоряжению и с надёжным прикрытием. Хватит, набегался, тем более что его аналоги так или иначе ведут где-то там самостоятельное существование, что волновало его очень мало.

А на этой карточке хранились практически все его свободные деньги, «подкожные», как выражались в тридцатые годы, не связанные на процентных счетах, не вложенные ни в какое дело. Эвелин о них тоже ничего не знала. Да и не интересовалась финансовыми делами своего супруга, успев за время жизни в России понять, что «здесь вам не тут», и женщина, вмешивающаяся не в свои дела, рискует гораздо больше потерять, чем выиграть, в отличие от родной «Белль Франс»¹¹.

– Здесь примерно около полумиллиона рублей. Пользуйтесь без стеснения, по мере необходимости. Пока мне эти деньги не нужны, а дальше видно будет, – не упустил он возможности слегка распустить хвост.

¹¹ Прекрасной Франции.

– Да ну что ты, – поразилась Татьяна. Для неё такие деньги как раз были суммой чрезвычайно значительной, хотя они с Тархановым отнюдь не бедствовали. – Нам и полста тысяч на всё про всё с избытком хватит...

– Девушки, торг здесь неуместен, – сделал Лихарев отстраняющий жест. – Не будем вдаваться в подробности, но я почти уверен, что даже одна моя голова стоит намного больше. Плюс ещё семь, – указал он на курсанток. – Сейчас тот редкий случай, когда мне повезло совершить столь выгодную сделку. Кроме того, наши друзья-американцы совершенно справедливо говорят, что всё, за что можно заплатить деньгами, обходится дешево...

– Так, может, поподробнее расскажешь? – предложила Татьяна, решившая, что не стоит распространять какие-то мелкие недоразумения на все последующие отношения с человеком, способным на столь широкий жест. Да и вообще оставшимся, как очевидно, в полном доверии у Левашова, а значит, и всего «Братства». – Я распоряжусь, стол накроем, заодно всё и обсудим... Зачем тебе та пивная?

– Извини, Таня, извини. – Валентин явно не хотел задерживаться в их обществе, это было очевидно. – Эля ждёт. Она ещё не знает, но вдовой могла сегодня стать вполне настоящей. И вы бы ей сейчас оказывали все необходимые знаки внимания. Трогательные, но не настолько успокоительные, чем... – Он указал взглядом на карточку. – Девушки вам сами всё расскажут. – Он внезапно произнёс, обратившись к своим подопечным, резко прозвучавшую фразу на незнакомом языке. И тут же перешёл на русский, для Майи с Татьяной: – Можете ничего не скрывать – тайны здесь никакой больше нет, а мы с Дайяной для вас теперь никто...

Курсантки на мгновение подтянулись и тут же опять расслабились. Не всё они понимали, не пройдя выпускного инструктажа и соответствующего предстоящим ролям кондиционирования, но произнесённая Лихаревым формула их отпустила. Почти совсем. Но – всё же не до конца. Валентин оставался представителем высшего руководства, от которого всегда зависело слишком многое. Они не получили чинов и должностей, хотя бы координаторов третьего класса, им не были выданы гомеостаты, блок-универсалы, Шары. А что они без них?

На самом деле – самые обыкновенные земные девушки (раз уж оказались на Земле). Способности – способностями, возможности – возможностями. Ум, интеллект, красота, информированность, незаурядные физические качества – но это ведь лет на тридцать от силы, а потом они начнут стареть, как и все местные жители. Сто-двести лет юности и красоты им точно не гарантированы без положенных приспособлений.

Лихарев очаровательно улыбнулся всем сразу, Татьяне, как ей показалось, – особенно, и унёсся вниз своей стремительной походкой, перепрыгивая через две-три ступени. Охранник закрыл за ним узорную чугунную калитку. Дамы и барышни остались одни.

Бывшие аггрианки, волею судьбы брошенные в мир, к жизни в котором следовало ещё долго специально готовиться, каждой – по особой программе, чувствовали себя несколько не в своей тарелке. Последний знакомый им человек (вроде как фельдфебель старшей гардемаринской роты) ушёл, освободив их от ответственности и от своей защиты.

Они остались наедине с двумя красивыми, наверняка занимающими весьма высокое положение в чужом мире дамами. Вдобавок, после фактически казарменной жизни, которую они вели с момента, когда им было позволено себя осознать личностями, предназначенными к земному модусу вивенди¹², они впервые оказались в помещении «приватном», да ещё столь изысканно отделанном и обставленном.

Словно выпускники Морского или Пажеского корпуса, утром получившие приказ о производстве, а вечером уже расписанные по частям и кораблям. Но и тем было легче: семейные традиции, практика сначала в матросском, а потом и в полуофицерском качестве, увольнения в город и всё такое. А тут – сразу!

¹² Модус вивенди – образ жизни, способ существования (лат.).

Толпясь в зале, девчонки волей-неволей выглядывали в окна и видели там то, чего не видели никогда. Одно дело – фильмы и картинки, другое – подлинная жизнь. Да ещё на другой планете. При всём сходстве Земля – совсем не Таорэра!

Они знали, как должна выглядеть планета, на которой предполагалось трудиться всю оставшуюся жизнь, но то, что ждало их снаружи, – совсем, совсем другое!

Им не приходило в голову, да и не могло прийти, что ситуация изменилась кардинально. Ни одна из них (кроме Анастасии, получившей эти знания в свёрнутом виде от Новикова моментно, назло Дайяне), от рождения не имела понятия, что такое «свобода» и что такое «воля». От почти средневековой (японского типа) этики безусловной преданности повелениям и любым прихотям сюзерена их специальной формулой освободил Лихарев. Получив при этом огромное наслаждение.

Сам он сумел в двадцатые годы дойти до подобной независимости напряжённой нравственной работой, самовоспитанием, за счёт ошибки старших, слишком торопливо наложивших личину коммуниста-энтузиаста поверх болванки аристократа и выпускника Пажеского корпуса. В сочетании с подлинными жизненными реалиями Революции и Гражданской войны результат получился интересный.

Сейчас, то ли в благодарность своим спасителям, то ли от извращённого любопытства экспериментатора, Валентин сделал девушкам щедрый подарок. Теперь они смотрели на яркосинее осеннее небо, на горы вдали и город внизу совсем другими глазами, чем несколько минут назад.

Это не учебная картинка на стереоэкране, это мир, где им предстоит жить, хотя и неизвестно пока, в каком качестве. Но абсолютно независимо от только что бывшего и вдруг исчезнувшего блока в подсознании.

– Всё, барышни, – заявила Майя, когда они остались в доме одни. – Снимайте свою военную сбрую. Не надоело ещё? Здесь мужиков нет. Займёмся вашим внешним видом. Уж больно вы одинаковые. А потом обед, отдых – и на прогулку. Посмотрим, что у нас выйдет...

Курсантки в своих обтягивающих комбинезонах, высоких сапогах, да и с лицами, всё ещё не пришедшими к норме, смотрелись в гостиной Ларисы чужеродно.

– Впереди у нас пятьдесят лет необъявленных войн, – вдруг сказала Анастасия. – И мы подписались на весь срок...

Татьяна не поняла, откуда это и к чему сказано, а Майя рассмеялась. Начитанностью она отличалась с детства.

– Какое чудо! Хемингуэй! Вы его тоже проходили на курсах. Или?

– Один хороший человек недавно сказал, – с долей вызова ответила Настя. – Разве неправильно сказал?

– Совершенно правильно. И я, пожалуй, догадываюсь, кто именно это был. Молодец, девочка, не ошибёшься...

Продолжать она не стала.

– Раздевайтесь, быстро. И в баню. Таня, там всё готово?

Готово было. Татьяна сразу отдала команду домоправительнице заняться вопросом. Не по одной же водить девушек в ванную или душевую. А в просторной бане, занимающей цокольный этаж, с тремя отделениями: русским, сауной и турецким с каменными лежанками и содовым паром, пятнадцатиметровым бассейном, наполняемым из личной артезианской скважины ледяным нарзаном, несколькими душевыми рожками в отдельных кабинках, с большой комнатой отдыха. Гостям будет приятно, и они с Майей смогут посмотреть на каждую профессиональным взглядом, да и поговорить непринуждённо. Что совсем нелишне, раз уж придётся этих красоток сначала пасти, а там... Ну, там как получится.

...Кстати, в очередной раз нужно сказать спасибо Ларисе. Она выкупила эту четырёхэтажную виллу, заброшенную, полуразрушенную, совершенно никому не нужную, кроме окрестных жителей, которые там оправлялись по пути домой, сносили мешки с мусором и, при случае, воровали для непонятных целей кирпичи и изразцы от печей, с сохранившимися авторскими рисунками весьма известных художников начала прошлого века.

Тем не менее эта руина оценивалась городскими властями для желающих её приобрести в собственность вдесятеро от реальной цены. Ни одна душа в пределах КМВ её покупать не собиралась, а пустить раритет под бульдозер даже у давно деградировавших чиновников местной мэрии как-то силы воли не хватало. Или нечувствительно давили на них высшие силы. Тоже ведь бывает. Хочешь стать «сукой»¹³, а не получается. Даже внутри тюремной камеры. Не дано, и всё. Если от рождения – место только у параша.

Мадам Эймонт, она же Лариса, с мэром и его прихлебателями нашла общий язык сразу. Ничего не изображая специально, просто вспомнив, как перед ней в некий момент начал заискивать сам Троцкий (правда, при этом туманное московское небо разрывали всполохи ружейно-пулемётного огня, и никто из кремлёвских властителей не знал, где встретит рассвет – в своём кабинете, в лубянской камере или в водосточной канаве без сапог и знаменитой кожаной куртки).

Покачала перед глазами главы города ножкой в остроносой туфельке на двенадцатисантиметровой шпильке, поймала его бегущий взгляд своим, как мишень – перекрестием оптического прицела, и больше не отпустила. Все вопросы были решены сразу. Не пришлось и намекать на личное знакомство не столько с Великим князем, как с его близкими помощниками.

Мэр хорошо помнил древнюю поговорку: «Жалует царь, да не желает псарь». Виталий Иванович, тёртый-перетёртый в аппаратных играх, всё, что нужно, понял сразу. Вплоть до такой нелепой (конечно же) по самому краю сознания скользнувшей мысли, что ведь и не сможет он, если что, выйти из любимого кабинета своими ногами и в привычном качестве. Как-то очень ярко нарисовался в сознании «Белый лебедь» – двести лет назад построенный на отроге Машука Тюремный замок, архитектурно безупречный снаружи и весьма несовпадающий с впечатлением изнутри.

Цена вопроса была решена в присутствии столь же поплывшего перед вдовой-меценаткой главного бухгалтера. Решена по столь остаточной стоимости, что Ларисе, в виде шутки, захотелось даже попросить дотации из городского бюджета на реставрацию исторического памятника. И ведь прокатило бы, без всяких сомнений.

Но Лариса была не из таких. Напугать она могла кого угодно, одновременно представляя, что рано или поздно у подконтрольных ей людей могут появиться лишние вопросы.

Что, да как, да почему они вдруг начали действовать вопреки собственным интересам? То есть, как писал Козьма Прутков, «ничего не доводи до крайности». Сегодня эти господа сделали ей приятное, одновременно поступив по совести, вот и пусть гордятся, ничем более сложным головы себе не забивая.

Тем более что (об этом тоже ходили разные слухи) она вложила в ремонт и реставрацию неизвестно сколько миллионов, в итоге превратив виллу в жемчужину и украшение курорта. Экстерриториальную, впрочем.

Майя слышала, что граф Фредерикс-Алленштейн, гражданин мира и внук последнего царского министра Двора, крупнейший собиратель рассеянных по планете раритетов Серебряного века, приезжал сюда в прошлом году и, придя в восхищение, предложил Ларисе подать

¹³ «Сука» – вор, не признающий многие статьи «воровского закона» и «понятий». Например – запрет на сотрудничество с тюремной администрацией.

документы для оформления этого здания в список Всемирного Наследия. И продать виллу именно ему, по цене «без запроса».

– Реставрация вам удалась изумительно. Ни малейших отступлений от исходного проекта – классический модерн. Прежняя владелица – знаменитая балерина, прожившая сто лет и бывшая пассией двух правящих императоров и трёх Великих князей. Мои предки здесь бывали неоднократно, даже вон, видите, на групповом портрете – он указал на одну из двух десятков фотографий в овальных и прямоугольных рамках, развешанных вдоль ведущей на второй этаж лестницы. – Третий слева – мой отец.

Лариса потратила не так много усилий, чтобы с помощью Ирины и Сильвии воспроизвести фактически в оригинале все имеющие отношение к дому предметы материальной культуры.

– Очень рада, – ответила мадам Эймонт, – что всё так удачно сложилось. Не только Николай Александрович, будущий наследник престола с его братьями в моей коллекции оказались, но и ваш почтенный родитель тоже.

К глубочайшему сожалению, сама Майя при этом разговоре не присутствовала, но, судя по пересказам «личных впечатлений» – большая часть кисловодского общества тот раз в доме поместилась. Или во дворе, по крайней мере. Чтобы всё услышать для дальнейшей трансляции.

Главное, легенды предельно убедительно соответствовали тому представлению, что и без них сложилось у Майи о старшей подруге. Такого не придумаешь при самой развитой фантазии.

– Ваша светлость, – якобы ответила Лариса графу. – Вам нравится мой дом? Так мне он тоже нравится. Ах – историческая ценность! Где же вы были, почтеннейший, последние семьдесят лет? Вы ведь примерно настолько меня старше? Купили бы году этак в тридцатом-сороковом, оно бы вам дешевле обошлось. Не сообразили вовремя? Сочувствую. А сейчас – простите...

Змеиная улыбочка, естественно, английский костюм с рукавами в три четверти и чёрные лайковые перчатки. Наверняка напротив специальной прорези в юбке к поясу пристроен (слева), «вальтер РР». Без этого образ не полон. Лариса без пистолета – как светский бонвиван во фраке и подштанниках.

Как эта красотка умеет стрелять, Майя видела. Сама не из последних снайперов, но до Ларисы ей далеко. Цель намного уже мушки, и пуля почти на излёте, однако поставленная на сто метров консервная банка улетает со столбика в девяти случаях из десяти.

Так не бывает, каждому понятно, но дзен-буддизм утверждает, что главное – не качество прицела и не воля стрелка, а исключительно взаимная тяга «стрелы и мишени».

Явная наглость слышалась в словах богатой и разнузданной в поведении дамы. Мало ли что миллионерша! Фредерикс был (теоретически) старше Ларисы всего на пятьдесят локально-земных лет. (О чём он, конечно, понятия не имел). Но если исходить из внешности и самочувствия – она была права.

Красива до невозможности, явно богата настолько, что любые предложенные ей суммы считала ерундой. На том уровне, не финансовом, а психологическом, когда ничего ей больше не надо. Чувствовалось это, просто чувствовалось всем нутром миллионера-мецената. Как на старом послевоенном базаре – сразу видно, у кого рубль в кармане, а у кого десятка.

– Я вас крайне уважаю, князь (небрежно повысив собеседника в титуле), – сказала, по слухам, постоянно витающим в кисловодском воздухе, непреклонная, как «бремя белого человека», мадам Эймонт, – но вы – пролетели. Как фанера над Парижем, если вам доступен этот образ. Мне намекали, что кроме разных лихтенштейнов (так небрежно отозвалась она о богатейшем и комфортнейшем для проживания государстве мира, ровно, как о какой-нибудь прославленной Шолом-Алейхемом Касриловке. То есть – изысканно-презрительно), у вас масса интересов и в других частях мира. На Кисловодске едва ли свет клином сошёлся.

И девятистолетний авторитет, меценат и антиквар, при всех его миллиардах, безусловной славе, вхожести к королям, президентам и прочим почтенным людям (особенно если несёшь перед собой в виде подарка сто лет назад кем-то украденную, а тобою выкупленную икону или статуэтку) – эту даму банальным образом испугался. Да-да, вот так – испугался, и всё.

Несколько позже он попытался по своим каналам навести о мадам Эймонт кое-какие справки, но очень быстро получил, по самым что ни на есть конфиденциальным каналам, дружеский совет – не проявлять ненужного любопытства и не осложнять остаток жизни проблемами, совершенно ему не нужными. На чём и успокоился, ибо в мире оставалось достаточно много вещей, гораздо более интересных, чем экстравагантная бабёнка со своими фигель-мигелями. Именно так он и выразился, вспомнив русский язык собственного, увы, такого далёкого детства.

«Да и вообще, – попутно подумала Майя. – Это ещё здорово повезло нашему Олегу Константиновичу, что они с Ларисой не пересеклись на узкой дорожке в Берендеевке. А то бы, глядишь, появилась у нас Императрица».

Майя некоторым образом относилась к бисексуалкам. В том смысле, что красивые женские тела нравились ей, пожалуй, больше мужских. Чисто эстетически. За исключением конкретных моментов, на обнажённых мужчин смотреть не слишком интересно.

Девушки-гости раздевались в предбаннике чересчур торопливо. Опять же – по-солдатски. Приказано – значит, нужно делать быстро, не отвлекаясь, пока не последовала новая команда.

Под комбинезонами на них было надето только обтягивающее термобельё, очень похожее на армейские шёлковые кальсоны с рубашками. И больше ничего. «Пока ещё курсантки» сняли и его. Сложили на скамейках и ждали следующего распоряжения, переминаясь с ноги на ногу и невольно поёживаясь. Хотя холодно здесь не было.

Майя внимательно рассматривала каждую, сама оставаясь одетой. Специально. Как врач в приёмной комиссии воинского присутствия. Любого человека такое положение нервирует. Даже если ощупывает тебя взглядом существо того же пола.

Девушки были очень хороши. Но, как она сразу отметила – чересчур одинаковы. Вначале это могло просто показаться, из-за униформы и испуганной растерянности. Но вот разделись, и сходство стало ещё очевиднее.

Сложены они были совершенно идеально. Ни малейших нарушений пропорций хоть в чём-то, ни у кого ни единой родинки, шрама, гипертрофии или недоразвитости любой части лица и тела. Рост вокруг 175–177 сантиметров, груди у всех классические, как у статуй работы Фидия, ноги, руки, шеи без всяких оговорок красивы и изящны, только мышцы под гладкой кожей гораздо рельефнее и даже на вид сильнее, чем полагалось бы. Со спины одну от другой, пожалуй что, и не отличишь. Конечно, фигуры больше спортивные, чем истинно женственные. Да и откуда бы иначе, при их возрасте и аскетически-военизированном образе жизни?

Майя не знала, что эти дефекты при окончательной шлифовке болванок были бы скорректированы, и каждая получила бы окончательную, собственную внешность, соответствующую планируемой роли. На то и существует большой, стационарный гомеостат, чтобы смоделировать нужный фенотип на базе латентного генотипа исходной особи. Кому-то негритянкой, возможно, пришлось бы стать, кому-то – азиаткой.

– Подкормить бы вас чуток, – хмыкнула Татьяна, тоже закончив раздеваться. – Видите, как должна выглядеть гарна баба? – Она похлопала себя по тугому бедру, встряхнула грудью. – Ну, да это дело наживное. Какие ваши годы... А так – любую хоть сейчас на подиум выставить можно. Или в варьете. Танцевать умеете?

– Умеем, – за всех ответила Настя. – И классику, и модерн. Учили...

– Вот и хорошо. Сумеете заработать на жизнь, если что.

(Да что же такое? – подумала Анастасия, – с кем из землян ни заговори, обязательно проскакивает это бессмысленное «если что»! Просто присловье или такой здесь способ восприятия жизни? А нам тогда как быть?)

– А ты, Майя, чего стоишь? – вдруг повысила голос Татьяна. – Баня здесь, а не... – Что именно «не» она уточнять не стала. – Вперёд, за мной...

О банях девушки имели представление, но – теоретическое, из художественной литературы и учебных пособий. Дайяна в лагере их подобными изысками не баловала. Контрастный душ перед сном или после спортивных упражнений – достаточно в целях гигиены.

Зато Татьяна была большая любительница процесса, увлекалась им с детства, как и Лариса, чья «комсомольская юность» в значительной мере прошла в подобных заведениях, в те самые годы, когда среди «номенклатурных товарищей» лесным пожаром вспыхнула пресловутая «банная лихорадка», и они изошрялись друг перед другом немислимыми изысками. Тогда как простые смертные, за исключением состоятельных москвичей, имевших доступ в «Сандуны» и «Центральные», обходились обычными районными, ярко описанными тем же Зоценко.

...Странно представить, что в России здешнего 2007 года воображение элиты до подобных высот по каким-то таинственным законам исторического материализма не поднялось, банные радости как самостоятельный культурный феномен оставались уделом немногих знатоков и ценителей, и Лариса оказалась здесь своеобразной «пионеркой».

Сюда, в Кисловодск, Лариса для оборудования и оформления своего «оздоровительного комплекса» пригласила лучших специалистов и дизайнеров обеих столиц, знатоков как самых древних, так и новейших тенденций. Затем провела скрытую, но тщательно срежиссированную рекламную кампанию.

Откуда-то в продаже появилась крайне информативная и богато иллюстрированная монография некоего князя Владимира Галицкого «Щедрый жар», где с научных и одновременно национально-патриотических позиций излагалась идеология и практика банного дела для «истинно русских людей».

Потом пошли слухи в «нужных кругах», что баронесса Эймонт, следуя самым передовым веяниям, превратилась в страстного адепта нового увлечения и решила основать «Салон огня и пара». Вскоре человек, удостоенный приглашения к ней на «ужин с баней», мог козырять этим фактом, как очередным орденочком или чином. Тем более насчёт того и другого здесь можно было договориться «с кем нужно» быстрее и проще, чем в кабинетах канцелярий.

Попутно можно отметить, что сама «банная процедура» весьма и весьма подразделялась на типы и классы. Кого-то могли пригласить на мероприятие, в котором участвовало до десятка кавалеров и дам, и «симпозион» происходил по одной программе, в халатах и полотенцах, причём дамы парились отдельно от мужчин, а встречались лишь за общим столом. Но кое-кто мог похвастаться, что удостоивался и специального приглашения. Предельно узкий круг, форма одежды – «о натюрель», в том числе и для хозяйки, специальные разговоры и стилистика платоновских пиров. О подобном распространяться было не принято, а если что и просачивалось за пределы, то исключительно в виде исходящих от завистников слухов. При этом считалось, что кому-то нужные результаты, достигаемые в такой обстановке, зачастую имели силу государственных указов.

Единственное, о чём не мог бы сказать ни один гость, вне зависимости от ранга и состояния, так это о том, что лицемерие сверкающей наготы хозяйки давало какие-то шансы на углубление отношений. Она, как истинная патрицианка, позволяла на себя смотреть, говорить комплименты, кое-кому – даже похлестать себя веником, если у неё появлялось такое желание, но упаси Бог допущенного проявить хоть тень «эмоции». Оттого не слишком уверенные в

собственной выдержке джентльмены остерегались подобных приглашений, могущих привести к полному крушению репутации.

Но это так, к слову. Ни Майя, ни Татьяна в подобных мероприятиях поучаствовать не успели, знали о них со слов самой хозяйки, с которой однажды попарились втроём. Зато она показывала им большеформатные цветные фотографии, сделанные на таких приёмах, объясняя, кто именно на них изображён. Пусть и делались они скрытой камерой, но на высоком композиционном и художественном уровне. Майя сначала удивилась, а потом сообразила (профессионалка всё-таки), что съёмки (и звукозапись синхронно) велись непрерывно, а уже потом производилась селекция: что распечатать и использовать в эстетических целях, а что и в иных.

Татьяна занялась девушками всерьёз. Если Майя зашла в парную пару раз, а потом в основном плавала в бассейне да пила прохладительные напитки в комнате отдыха, то тем пришлось пройти полный курс. С прицелом на будущее, как выразилась новая инструкторша.

– Мало ли, с кем и когда вам придётся очутиться здесь в следующий раз. Так я хочу, чтобы и теорией и практикой вы владели безукоризненно.

Вот, к примеру, иногда достаточно пригласить (или заставить), некую персону в такую же вот парную, прикрыть изнутри дверь (и тут же показала, где помещается потайная щеколдочка), да ещё и вот так сделать, – Татьяна плеснула на камни печи полковша разбавленного пива, – через пять минут от клиента можно добиться очень многого. Без всяких пыток и сыворотки правды... Люди отчего-то очень быстро начинают задыхаться в горячем пару, испытывая при этом мучительный страх смерти.

– А по-моему – ничего особенного, – сказала Анастасия, присев на полок и вытирая пот со лба. – Жарковато, конечно, но вполне терпимо...

– Молодец, – похвалила Татьяна, думая, что не взялась бы с этой девушкой соревноваться. Не совсем понятно, но и у неё, и у её подружек терморегуляция изумительная. Где же это такие экземпляры воспитываются? В пустыне Атакама или экваториальных тропических лесах? – Ты вот сколько здесь продержаться сможешь?

– Вам сколько надо? – вопросительный ответ прозвучал без вызова, девушка на самом деле хотела узнать, сколько нужно новой начальнице, чтобы она выдержала.

Татьяна сделала движение губами, будто собираясь что-то сказать, но промолчала. На седьмой минуте почувствовала, что ей достаточно. Всё же сто десять градусов на термометре.

После первого захода погрузились в бассейн, где бурлил и пузырился шестиградусной температуры нарзан. Сказочное ощущение! Потом Татьяна провела их через остальные отделения, каждое из которых по-своему было хорошим, но все вместе нормального человека, не фанатика этого дела, они могли привести полностью в неработоспособное состояние.

Ей такая нагрузка доставляла эстетическое и физическое наслаждение, в том числе и потому, что она знала – лишь несколько человек в городе могут с ней посоревноваться. А девушки, по простоте душевной, приняли это за норму. Только не специфической светской забавы, а очередного тренажёра. Вроде штурмполосы. И изо всех сил старались соответствовать. Причём слегка перестарались.

– Нет, ну ты знаешь, – сказала Татьяна, откидываясь на спинку ротангового дивана в украшенной резными деревянными панелями комнате отдыха, пока девушки полоскались под душем, растирались махровыми полотенцами и ждали, когда их позовут, – они почти не люди...

Сказано это было просто так, к слову, без реального смысла. В виде метафоры.

– В конце я уже начала сачковать, а им – хоть бы что. Нет, ты вообрази, в сауне – за сотню, а они пошли к выходу, только когда я сказала, что хватит. Такое впечатление – права Анастасия – вели я им там час сидеть – просидели бы.

Стол на девять человек, именно так накрытый, как и следовало после банного вечера, был уже готов.

Постаралась Прасковья Ильинична, женщина средних лет, оставленная за себя Ларисой в качестве домоправительницы. На самом деле это был всё тот же робот Иван Иванович, сменивший облик и ведущую функцию, сориентированный на оказание любых услуг, в том числе – чисто женского профиля, хозяйственного, само собой. Одновременно – медицинских, уровня лучших мировых клиник (ненавязчиво психологического также). Она же обеспечивала негласную, независимо от прочих слуг, абсолютную охрану.

При этом была сия дама особой, неприятной во всех отношениях. Тут Лариса настроила психотип так, чтобы по исконной вредности характера доставить своим гостям максимум морального дискомфорта. Но и придрататься к ним (Ларисе, Прасковье Ильиничне и собственно Ивану Ивановичу) было невозможно. Всё в доме шло, как на хорошо налаженном крейсере царских ещё времён, продукты с рынка поступали свежайшие, готовились выше всяческих похвал, хоть по заказу, хоть «а ля карт», отказа не случалось ни в самом малейшем капризе склонной к этому Майи.

Но! Любой беспорядок в доме Прасковья Ильинична (по легенде – происхождением из станичных «кулачек», хотя и получившая где-то обширное, но вполне бессистемное образование) воспринимала как боцман с императорской яхты «Штандарт», считавший любую соринку на свежесудраенной палубе не просто личным оскорблением, а потрясением ОСНОВ! Одно счастье – в отношении Майи и Татьяны она не имела соответствующих дисциплинарных прав. Но и взгляда на окуроч в неположенном месте или брошенные на спинку кресла чулки хватало, чтобы на полдня испортить настроение провинившейся.

Словами она пользовалась редко, только по делу, что ещё больше усиливало к ней неприязнь. Вроде как брезгует вступать в посторонние разговоры с женщинами, совсем не последними в этом городе, а то и в стране. Но что было, то было. Приходилось терпеть. Не они тут хозяйки хотя вроде бы, формально, по случаю отсутствия Ларисы, и они.

Майя давно и старательно придумывала, каким бы образом эту ужасную домоправительницу уязвить как следует. Не выходя за рамки приличий, но от души. Это занятие очень её занимало. По крайней мере – помогало засыпать легко и быстро. Другие от бессонницы баранов считают, скачущих через изгородь. Вадим, как он ей при случае признался, вспоминает корабельный состав русского и японского флотов той ещё войны (с фамилиями командиров, обязательно), а она – изобретала способы мести. Всегда засыпала на третьем и окончательном – построить собственный дом и пригласить Прасковью Ильиничну на службу к себе. За такую плату, чтобы не смогла отказаться. И уж тогда...

Естественно, даже при своём общем высшем и кое-каком специальном образовании им с Татьяной и в голову не приходило, что настоящие специалисты запрограммировали робота таким образом, что в условиях их явного психологического несовпадения домоправительница в зародыше гасила любые намечавшиеся между ними конфликты, принимая весь напор неотреагированных эмоций на себя.

Агтрианские (исключительно по воспитанию, но не по биологическому происхождению) девушки никогда в своём лагере не видели такого изобилия изысканных блюд и подходящих именно им напитков, столь красивой посуды и приборов. Синтезаторы производили пищу калорийную, но крайне простую, с одной-единственной функцией – поддержание обмена веществ на научно предписанном уровне. Фактически тоже казарменную; в советских пионерлагерях, к примеру, кормили гораздо вкуснее и разнообразнее.

Другое дело – всем полагающимся навыкам и правилам этикета, назначению столовых приборов, способов обращения с ними курсантки обучались. Точно, как в Пажеском корпусе

– сумеете гречневую кашу и печёнку по-строгановски правильно есть, с омарами и трюфелями тем более справитесь.

Они расселись вокруг стола, как учили, сдвинув колени и сложив на них руки с прижатыми к телу локтями, в ожидании дальнейших распоряжений.

Майя не выдержала и выругалась вполне причудливо и выразительно, имея в виду, что тут у них не монастырь и эти постные рожи она видеть не желает раз и навсегда. Заодно и объяснила, когда произнесённые ею слова имеют медицинское или этнографическое значение, а когда используются для выражения личных эмоций или вразумления недостаточно сообразительных особ. Последний раз приказала всем немедленно принять раскованные, желательно – фривольные позы, тут же показав, что этот термин обозначает, выпить по сто грамм коньяка или водки, кому что больше нравится, ибо банный ритуал требует для своего завершения именно такой, предписанной свыше дозы. После этого каждая ест и пьёт чего и сколько угодно. Любые правила какого бы то ни было ритуала полностью отменяются. Чтобы выйти в туалет или по иной надобности – разрешения спрашивать не надо. Докладывать по возвращении, где была, что и как делала – тоже.

Не зная ещё досконально сути дела, Майя интуитивно уловила, что вся жизнь этих прелестных и несчастных существ прошла под жестоким психологическим прессингом. Едва ли не худшим, чем в иезуитском пансионе восемнадцатого века.

Поэтому тут же и пояснила гораздо более мягким тоном, что в ближайшее время займётся их подходящим текущему моменту воспитанием, а Татьяна Юрьевна – поможет.

– Методы у нас, конечно, будут разными, – включилась Татьяна, – я со столичными манерами Майи Васильевны мало знакома, зато со станичными – вполне. Если кто по заднице от души получит – не обижайтесь. Деваться вам всё равно некуда, а для общего развития – ой, как полезно...

При этом глаза Татьяны приобрели мечтательное выражение. Наверное, она подумала – как бы хорошо было, если бы в своё время кто-нибудь озаботился её правильным воспитанием.

Неизвестно, всё ли сразу и правильно поняли новые воспитанницы из слов «старшей наставницы». С точки зрения их девятнадцати условных лет разница между двадцатишестилетней Майей и тридцатилетней Татьяной ощущалась явственно, причём вторая и массогабаритно, и характером заведомо превосходила, на первый взгляд, конечно. Но закивали они дружно и согласно.

Курсантки имели минимум по три полных высших образования (уровня советских вузов начала восьмидесятых годов), и общее знание жизни, в принципе достаточное, чтобы даже в одиночку, оказавшись в начале двухтысячных годов, как-то устроиться. Пожалуй, не хуже, чем Лихарев сумел.

Майя продолжала наблюдать за тремя девушками, показавшимися ей несколько более уверенными в себе, чем остальные. Прежде всего – за Анастасией, позволявшей себе вступать в разговор со «старшими» по собственной инициативе. Из приведённой цитаты Хемингуэя и некоторых других словесных оборотов Майя догадалась, что там, откуда их привезли, она наверняка общалась с теми же людьми из «Братства», что понравились и ей самой. От них и набралась манер и стиля поведения.

Тут она слегка ошиблась. Девушки провели вечер и единственную ночь только в компании Новикова, Левашова и Шульгина. Причём лишь Андрей позволил себе вмешаться в психику своей подопечной. Остальные ограничились пределами дозволенного. Но и этого хватило. Память у них была абсолютная, а усвоение новых, полезных в будущей работе навыков – автоматическим. Тем более что общение было не проходным, а составной частью обряда инициации.

«Итак, что мы имеем? – анализировала ситуацию Майя. Ей хватало врождённого интеллекта, образования, спецподготовки и опыта общения с Ляховым и Тархановым в абсолютно

немыслимых ситуациях, чтобы сейчас рассуждать спокойно. – Я помню то, что мне говорил Александр Иванович на мостике над рекой. Про возможное бессмертие и другое тоже. С любой нормальной точки зрения – бред. Но сначала...»

Это воспоминание было неприятно, но чересчур ярко.

Они болтали о чём-то совсем несерьёзном. В голове у неё шумело от выпитого вина, настроение – прекрасное. И вдруг его рука легла на... Литературно – на бедро, по правде – на самую что ни на есть задницу. Причём в этом его жесте совершенно не было ничего сексуального. Для него, наверное. Для Майи – было. Поразительно – только что ни о чём подобном она не думала, и вдруг – словно пронзило! Стало необыкновенно ясно – продолжи он начатое – сопротивляться молодая женщина не станет.

И тут же увидела его усмешку. Всё понимающую и одновременно – равнодушную. Эта усмешка Майю и вздёрнула. На очевидную глупость подвинула.

– Уберите, я вам не... Я мужа сейчас позову!

– Господи, ну и судьба, – тихо и грустно сказал Шульгин. – Муж у неё. Сейчас мне морду набьёт. Как благородный человек. Я, как не менее благородный, отрицать не стану, что почти нечаянно, инстинктивно погладил его супругу по специально предназначенной для этого части тела. Очень мне понравившейся. Потом заложу руки за спину и перетерплю... Да я его сейчас сам и позову. Покаюсь, признаю право на сатисфакцию.

Голос у него был такой, что Майя абсолютно, без малейшего сомнения поверила – так он и поступит.

– Александр Иванович, ну, прекратите. Ну, я вас прошу. – Майя чуть не закричала, сжав своими руками Шульгина за предплечья. Не хватало ещё подобной демонстрации. Не просто вечер будет сломан. Что-то гораздо большее. В том числе и надежды на вечную жизнь...

– В конце концов – что тут такого? Я и сама...

– Майя, Майя, успокойся. – Шульгин не грубо, но отчётливо её отстранил. И взгляд – более чем просто безразличный. Подобного стыда и разочарования она, наверное, никогда в жизни не испытывала. Ни один мужчина ей не показывал, что она, такая-разэтакая, на самом деле – никто. Для него.

Ужаснее мысли ей никто не внушал.

А казалось бы – и этот уже немолодой человек ей ну совершенно безразличен, и убеждения у неё безусловные. Муж – это муж. Долго выбирала, но раз выбрала – всё! Гулянки кончились.

– Забудем. Я действительно... Не знаю, как и вышло. Устал, наверное... Ты меня позвала... поговорить. Ну и что-то в мозгах перемкнуло...

– Александр Иванович... – непонятно отчего Майя испытала невероятную опустошённость, сама схватив его за ладонь. Опустошённость была глубокая, бессмысленная и непостижимая. Земля улетала из-под ног, и чёрное небо вертелось сразу во все четыре стороны.

Майя, всегда уверенная в себе настолько, что соблазнить Героя России и полковника Ляхова ей не составило никакого труда, при огромном противодействии со всех сторон, сейчас окончательно растерялась.

Шульгин открыл портсигар, протянул ей, сам закурил.

– Отпустило? Тогда послушай, что я тебе скажу. Глядишь – отвлечёт немного...

Глава 3

«Ладно, во всём разберёмся с течением времени, сейчас нужно заниматься текущими проблемами», – подумала Майя. Ей было очень стыдно за ту сцену, тем более что буквально через минуту они заговорили о другом, и она почти что влюбилась в Александра Ивановича, за его последующие взвешенные слова. Главное же – за то, что он ей пообещал. Не как плату за что-то, а от всего сердца.

Девушки после банных процедур, а также и правильной чарки, видимым образом растормозились. Не давила на них, что отчётливо чувствовала Майя, прежняя дисциплина. А новой ещё не предложено, кроме полушутливых слов Татьяны.

– Значит, так, девчата (не удивляйтесь – у нас это вполне общепринятая форма обращения в своём круге), начинайте и рассказывайте всё, как есть. Валентин вам последний приказ отдал? Считайте, что действительно – последний. Теперь мы с вами, вы с нами, и никто вам ничего не сможет сделать, кроме того, что вы сами позволите. Доходчиво?

Чем хорошо было Дайянино воспитание – оно не предполагало такой вредной вещи, как сомнение в словах вышестоящих.

Не в научном смысле, разумеется, там спорить об истинности теории эволюции или сущности «постоянной Планка» вполне позволялось. Но вот сама идея о том, что руководитель, хоть на ступеньку выше, как в германской армии фельдфебель по отношению к унтер-офицеру, может говорить неправду в основополагающих вещах – для курсанток аггрианской школы казалась абсурдной.

То же самое, неизвестно зачем привитое рассчитанным на жизнь в России девушкам ощущение: обер-лейтенант (не российский поручик) отличается от майора, как плотник от столяра. Кайзер (или его аналог) – светлое Величество, предмет безусловного поклонения и средоточие истинного духа.

Дайяна готовила курсанток для себя и под себя. А они, увидев Майю, Левашова, Кисловск – мгновенно из этого психологического капкана выскочили.

Мадам Дайяна, на себя ориентируясь, рассчитала верно. Её воспитанницам понятие «свобода» было принципиально недоступно. Лет через пять-десять нормальной жизни на Земле кое-кто и может проникнуться духом свободомыслия, но не сегодня. Полный аусгешлэссен¹⁴.

Как Майя и предположила, ответила ей Анастасия, сбросившая халат и вытянувшаяся на диване напротив, в той же, что она сама, позе, совсем как «Обнажённая Маха» с картины Гойи. Только ровно вдвое стройнее (Махи, разумеется, не Майи) и настоящая блондинка с изумрудными (как писал Ефремов – свидетельство абсолютного биологического и психического здоровья), глазами. Да и выражение лица у Насти оказалось отнюдь не лениво-расслабленным. Совсем наоборот.

– Мы согласны, Майя Васильевна: как вами сказано, так мы и будем жить. Только, простите, Андрей Дмитриевич мне ещё кое о чём говорил. И если ваши слова будут расходиться с его, я предпочту...

– Не надо. – Майя не позволила девушке закончить фразу. Она всё поняла. Если с этой девушкой работал Новиков, та, безусловно, никого другого слушать не станет. Всё тот же импринтинг.

– Знаем, знаем. «Если мне будет предложено выбирать – с Христом или с истиной, я останусь с Христом». Всё будет, как ты решишь, Настя. Но пока отвлекись... Если ты в отделе старшая, расскажи всё, что с вами случилось. И было...

¹⁴ Намеренная тавтология, вроде «полного аншлага» и «третьей альтернативы». «Аусгешлэссен» (нем.) – абсолютно исключается.

– Я не старшая... – после короткой заминки ответила Анастасия (очень ей нравилось, когда её так называли). Я первая получила имя.

Остальные девушки почти синхронно кивнули.

– Ну, – сказала Майя, глазами показав Татьяне, чтобы та не вмешивалась. А то вдруг влезет не по делу и настрой сломает. – Хорошо, давай обойдёмся без лишних деталей. Рассказывай всё, что считаешь нужным. Про себя лично или про всех сразу. Итак...

Анастасия рассказала, действительно не особенно вдаваясь в мелкие подробности, но чётко и понятно. Кто они есть (в их собственном представлении), где жили, чему учились, как оказались здесь. Безэмоциональный доклад минут на пятнадцать. Почти никаких имён, очень мало конкретики. Так уж они все были воспитаны. Получился некий аналог гибрида личного листка по учёту кадров и стандартной автобиографии. Кадровиков удовлетворяет – и достаточно.

Майе с Татьяной этого тоже хватило. Их мало заинтересовали цели «проекта», месторасположение базы и многое другое. Главное сам факт – эти девушки взяли, можно сказать, ниоткуда, о подлинных родителях своих они не имели никакого представления, а тех, что подразумевались бы по легенде – ещё не было, как не было и самих легенд. Можно было думать что угодно: курсантки похищены в младенческом возрасте на Земле, или где-нибудь ещё, или вообще «сотворены» неизвестно из чего загадочным способом.

О возможности выращивания детей в пробирках или банальном клонировании в этой реальности пока ещё не знали.

– Таким, значит, образом, – сказала Майя и для успокоения налила себе и Татьяне ещё по чарочке. – Вы вместе с Валентином Валентиновичем чуть не погибли в воздушном бою. Второй раз заново на свет родились. Можем только поздравить. Но зато теперь перед вами открывается новая великолепная жизнь. Без всяких таинственных хозяев, без непонятных заданий, вечных, как сама жизнь, и столь же бессмысленных...

– Вечной жизни не бывает, – ответила ей Кристина. – Она бывает долгая или короткая. Долгой у нас тоже не будет, нам не выдали гомеостаты... А без них такие, как мы, долго не живут.

Майя понятия не имела, что это за штука, но мгновенно увязала слова девушки с тем, что слышала от Ляхова и Шульгина.

– А недолго – это, по-вашему, сколько?

– Примерно, как обычный человек, а учитывая лучшую приспособляемость и сбалансированность организма – немного больше. В среднем, лет девяносто, наверное... Так нам говорили. Но учитывая то, что нам положено заниматься сложными и опасными делами, без гомеостатов и до тридцати можно не дожить.

– Да что это за гомеостат такой? – не выдержала Татьяна.

Анастасия объяснила, коротко и популярно.

«Оно самое и есть!» – подумала Майя, но ничем своих эмоций не выдала. Сказала то, что собиралась.

– Ну, это мы ещё посмотрим, – уверенно заявила она. – Вас же не в дикий лес выбросили. Те, кто озабочен вашей судьбой, на произвол судьбы не оставят. У вас теперь, считай, два крёстных отца есть и две такие же мамы. – Она указала большим пальцем на Татьяну и одновременно кивнула, подразумевая себя.

– Спасибо, – церемонно ответила Анастасия, остальные её поддержали.

– Ну, чисто, детский сад, – усмехнулась Татьяна. – Пойдём, – предложила она Майе, – ещё разок попаримся, сами. А девочки постепенно в меридиан придут...

«А ведь это фраза Вадима», – с непонятной ревностью вдруг вспомнила она. Хотя чего тут ревновать, кого и к кому? Более несовместимых личностей, чем Ляхов и Татьяна, она и представить не могла. Даже в качестве случайных любовников...

Они прошли в турецкие бани, где температура упала до вполне комфортной, устроились на лежанках.

– Кажется, мы влезли не в своё дело, – сказала Татьяна, вытягиваясь во весь рост. – Совсем мне всё это не нравится, факт...

– Да брось ты, с чего вдруг такой минор? Мы влезли «не в своё дело» с того момента, как познакомились с нашими мужиками. А они, в свою очередь, с друзьями. На том выбор и кончился. Зато кем ты была и кем сейчас стала? И это ведь только начало. – Майя потянулась, и вдруг начала делать физические упражнения, изображая из себя цирковую «девушку-каучук».

Татьяна смотрела на неё взглядом куда дольше прожившей и больше испытавшей, умудрённой женщины. Так оно в принципе и было, только не всякий опыт позитивен и идёт во благо.

– Не поверишь, у меня такое ощущение, что мы на минное поле забрели... Или – в заколдованный замок. – Любченко-Тарханова продолжала гнуть свою линию.

– Да что за ерунда? Лихарев – бог с ним, а Олег ведь свой. Вадим мне сказал, что на него во всем полагаться можно. И на него, и на всех остальных. Сама же всех видела... – Майя от смешанного с удивлением раздражения даже прекратила свою гимнастику.

– Видела-то видела... Я наш поход никак забыть не могу. Вдруг сейчас что-то подобное случится? Зачем нам их подсунули? Что дальше будет? А если за ними кто-то придёт? И нам за всё отвечать...

Майя подумала, что Шульгин был прав. Кое от чего Татьяна излечилась, но зато в ней стала доминировать прежняя личность, вялая, мещанистая, не склонная к переменам и авантюрам. Так, скорее всего, оно и есть, если собственными силами подруга к тридцати годам не добилась в жизни абсолютно ничего, а её феерический взлёт к вершинам случился именно в ненормальном состоянии.

Вот сейчас можно произвести небольшой тест, а также наставить Татьяну на путь истинный. Если удастся.

– Слушай, мадемуазель Любченко, или мадам Тарханова, как тебе удобнее. Если боишься – так чего проще? Садись в аэроплан, и через два часа – Москва. Там тебя никто не достанет, Сергей с Вадимом от всего защитят. А особенно – их Императорское Величество... А я тут как-нибудь сама справлюсь, пока Лариса не подъедет...

Татьяна удивлённо села. И Майя наметанным взглядом уловила, как у неё вдруг заметно дёрнулась щека. Причём совпал этот мимический штрих с упоминанием Высочайшего имени. Она ведь сказала просто так, для убедительности, мол, кавалерственная дама, причисленная к свите, может рассчитывать на должную степень физической и правовой защиты. Не более того. Или ошиблась, и реакция относилась именно к Тарханову? Да нет, не похоже... Неужели? У Майи мгновенно сработала эйдетическая¹⁵ память изощрённых в дворцовых интригах десяти поколений предков.

Впрочем, сейчас не время отвлекаться на эту самую по себе очень любопытную тему. Отложим в дальний ящикек памяти.

– Чего ты вдруг? Я ничего такого не говорила, – очень убедительно спросила Татьяна, мгновенно взяв себя в руки.

– Как не говорила? Именно, что сказала. Ты очень испугалась – минного поля, заколдованного замка и покойников из бокового времени. Что не хочешь ни за что отвечать. А за что нам с тобой отвечать? Окстись, подружка. Ты или перепарилась, или – недопила. Причём учти...

Майя села на мраморную скамью, скрестив ноги и руки, наставив на Татьяну пристальный взгляд. Вполне шутливо имитируя жрицу тантрического культа.

¹⁵ Генная память, иногда имеющая выход из подсознания в сознание (см. И. Ефремов. «Лезвие бритвы»).

– Учти, уйдёшь, за что я совершенно не буду на тебя в обиде, хозяин – барин, хочет – живёт, хочет – умрёт. Но ты можешь упустить одну очень интересную штуку...

– Какую? – заинтересовалась Татьяна.

– А ты чем слушаешь? – Природная боярыня плебейским жестом похлопала себя по аккуратненькой ягодице. – Бессмертия – не хочешь?

– При чём тут... – и запнулась. То ли что-то вспомнила, то ли сообразила. – Повтори ещё раз.

– Про гомеостат – слышала? Это раз. А есть ещё и два...

«Рано или поздно, всё равно придётся ей рассказать, – подумала Майя. – Так почему не сейчас? Времени у нас достаточно, девочки подождут».

Майя, с удовольствием и не торопясь, начала выстраивать подходящую для Татьяны версию событий «ночи с шашлыками» и кое-чего, ей предшествовавшего.

– ...Мы с Вадимом, когда вернулись из Пятигорска в Кисловодск, в моей комнате ещё немножко выпили, ну и разговорились. Тогда он и сообщил, что кроме нашего мира и «бокового времени» есть ещё множество других. Кстати, Ирина и Сильвия – женщины из совсем не нашего мира, хотя очень долго живут на Земле. Тоже не совсем этой, но расположенной буквально в двух шагах, туда можно ходить, как в соседнюю комнату.

«И ты ходил?» – жадно, с замирающим сердцем спросила я у него.

«Ещё нет. Однако, может быть, сходим. И очень скоро. Вместе...» – обнадежил он меня.

«Интересно бы. – Я вздохнула, очарованная этой идеей. – А Лариса – тоже такая, как те?»

«Нет, она здешняя. Почти. А вот Ирина и Сильвия – совсем другие. Как ты думаешь, сколько Сильвии лет?»

Я задумалась. По виду – тридцать пять, а то и чуть меньше. Но в чём-то кроется подвох?

«Пятьдесят?» – Я назвала наобум этот весьма преклонный возраст, который к себе в двадцать шесть примерить трудно.

«А сто пятьдесят не хочешь?» – ответил Вадим.

«Врёшь». – Я даже подскочила. Поверить в такое было невозможно.

«Чего ради? Мне так сказали, а в «Братстве» друг другу врать не принято».

«А Ирине сколько?»

«Получается, хронологически немного за пятьдесят, биологически – тридцать – тридцать два. Насколько я знаю».

«Здорово! – Я от возбуждения забегала по комнате. – А мы так не сможем?»

Вадим усмехнулся, протянул мне рюмку.

«Наверное, сможем. Если «старшие» разрешат...»

Больше он в ту ночь мне ничего не сказал. Как я ни допытывалась. И так уже, наверное, вышел за определённые для него рамки.

С утра и весь день я только и делала, что присматривалась к Ирине и Сильвии. Пыталась уловить малейшую деталь поведения, слово, жест, чтобы понять, чем они отличаются от нас. От меня, тебя, Ларисы. Получалось, что почти ничем. Хотя нет, кое-что, разумеется, было. Я выискивала в Сильвии следы её «полуторавековости» и, кажется, находила.

И всё время воображала, как мы сами будем жить дальше, если узнаем, что смерть и старость нам больше не грозят.

Потом мы поехали в горы. Это ты сама помнишь. Когда гулянка была в самом разгаре, я позвала Шульгина на улицу. Поговорить...

О том, что случилось в начале разговора, она, естественно, умолчала. Зато подробно поведала о дальнейшем.

...Майя спросила, действительно ли Сильвия живёт так долго, как сказал ей Вадим? Александр Иванович подтвердил.

С замиранием сердца она осведомилась, доступно ли такое же долголетие для остальных?

Шульгин засмеялся и ответил, что если она будет себя хорошо вести, на сотню лет жизни с сохранением теперешней внешности на ближайшие полста может рассчитывать. Как фронтовой лейтенант наверняка станет капитаном, если...

Эту оговорку она проигнорировала, капризным голосом заявив, что и семьдесят пять – это жутко много, и она себя в таком возрасте не представляет.

– Ну да, – с обычной иронической интонацией сказал Шульгин, – тебе уж двадцать пять, год-два, и станешь ты старухой...

– Это из Пушкина?

– Наверное. Вольная интерпретация...

– Я понимаю. Но сейчас вы мне должны ответить. Я согласилась стать вашим... вашей...

– Младшей сестрой, – помог ей Александр Иванович. – И это правильно. Что согласилась. Впрочем, вариантов у тебя особых не было. Если Ляхов с нами. Куда иголка, туда и нитка. Только тут ведь и обратная зависимость. Разойтись ты со своим Вадимом, может, и вздумаешь, а с «Братством»... Обратной дороги нет.

– То есть как это? – Майя задохнулась от возмущения. – Вы меня что, навек к нему привязываете?

– Не понял, – с лёгкой иронией ответил Шульгин. – Ты разве, замуж выходя, такую формулу не подразумевала: «В горе и в радости, пока смерть не разлучит нас...»

– Ах, да, конечно. – Она сообразила, что сказала глупость. Просто слишком неожиданно было услышать, что в результате недолгого знакомства с этими людьми она теперь обречена на почти вечную совместную жизнь с одним-единственным мужчиной, пусть даже Вадимом... Сейчас они друг друга любят, несомненно, но мало ли что может случиться за годы и десятилетия...

– Это так, бесспорно. Но... Допустим, чисто условно. Вдруг встретится мне какой-то другой мужчина, и окажется, что это с ним мы по-настоящему созданы друг для друга, а с Вадимом – ошибка. Бывает так?

– Ещё бы, – понимающе кивнул Шульгин. – Бывает, когда к счастью, когда к сожалению...

– И в этом случае вы меня... Ликвидируете, как предательницу? Если тот человек вам не покажется подходящим.

– Очевидно, умеренно жёсткая акция в отношении Лихарева, свидетельницей которой ты стала, произвела на тебя слишком сильное впечатление. На самом деле мы люди гуманные. Иногда – чрезмерно. Захочешь уйти – уйдёшь. Всего-навсего забыв некоторые вещи, в другой жизни лишние. Правда, за всё время существования «Братства» никто из него не вышел. Слишком много возможностей устроить свою жизнь без подобных крайностей.

Шульгин докурил сигарету и щелчком послал тускнеющий огонёк на середину потока. И вдруг опять протянул руку. Коснулся плеча. Майя непроизвольно дёрнулась. Вдруг он всё же передумал, и сейчас что-то произойдёт? И тут же поняла, что в этом жесте нет ничего интимного. Так действительно мог бы поступить старший брат, успокаивая младшую сестру.

– Только, видишь ли... Постоянных истин никто не отменял. Например: «Господь дарует вам жизнь вечную, но не обещает завтрашнего дня». Или – наоборот. Неважно. И уверена ли ты, милая Майя Васильевна, что вечная жизнь в реале так уж привлекательна?

– Не уверена, – честно ответила она, – но в любом случае мысль о том, что не станешь старухой через двадцать лет и не умрёшь в семьдесят – очень привлекательна.

– Не стану спорить. Старухой через двадцать лет ты не станешь. Это я тебе железно гарантирую...

Майя закончила рассказ, и так всё сумела подать, что Татьяна осталась в полной уверенности, будто и её обещание Шульгина касается в полной мере. На самом деле, речь о ней вообще не заходила. Слишком напряжённое у Майи с Александром получилось свидание, чтобы ещё и о подруге вспомнить.

– А они нас не... обманывают? – спросила Татьяна.

– Зачем, вот вопрос. После всего, что ты уже видела. Ожившие покойники – куда более невероятная вещь, чем столетние молодухи. Так что не дрейфь, мы ещё поживём. А пока давай девочками займёмся.

Вернувшись в гостиную на втором этаже, Майя сняла с полок этажерки целую кучу каталогов, которые Лариса еженедельно получала из представительств многочисленных российских и иностранных фирм, обосновавшихся на Водах.

– Будем выбирать, барышни, вам много чего потребуется для новой жизни.

Курсантки, обладавшие всем спектром нормальных женских инстинктов, до сих пор пребывавших в латентной форме, пришли в немалое возбуждение и даже восторг, разглядывая фотографии манекенщиц, демонстрирующих сотни фасонов платьев, костюмов, комплектов белья, чулок, обуви, бесчисленных аксессуаров.

– Постепенно привыкнете, – посмеиваясь, говорила Майя. Честно говоря, она им сейчас завидовала, как завидуешь человеку, впервые в жизни собирающемуся, допустим, в Париж. Той яркости первых впечатлений, которые ему предстоят.

– Сейчас сообразим, посмотрим, у кого какие вкусы и кому что лучше подходит. Одеваться, как в сиротском приюте, больше не будете. Раз уж вы такие... похожие, индивидуальность станем выявлять реквизитом. Вы пока рассаживайтесь, подальше друг от друга, и выбирайте, в чём бы каждая хотела выйти в город на прогулку. Прямо сегодня. Исходя из погоды и из того, что сейчас вы в курортном городе. Друг с другом, чур, не советоваться, категорически запрещаю. А я для начала поработаю с Настей. Татьяна Юрьевна с... Ну, хотя бы с тобой, – она указала на пепельную блондинку (совершенно натуральную), с высокими скулами и большими выразительными глазами. Интересный типаж. Мужики будут за ней табунами бегать.

– Как зовут?

– Мария.

– Маша, значит. Или – Маня. Как тебе больше нравится?

– Маша, – непонятно отчего девушка слегка покраснела. Майя не могла знать, что так её впервые назвал Шульгин метельной ночью на Валгалле. Для Марии это было совсем недавно, и она всё ещё находилось под впечатлением того, что тогда случилось.

– Так тому и быть, – кивнула Татьяна. Ей предстоящая работа начинала нравиться. Своими руками превратить этих «недоделок», как она про себя назвала отданных под присмотр воспитанниц, в настоящих женщин.

– Итак, давай с самого начала, – сказала Майя, когда они с Анастасией перешли в её комнату. – Сначала покажи, что бы ты сама выбрала. – Она раскрыла толстый, в полтысячи страниц каталог нижнего белья.

Настя растерялась. Один-единственный раз, готовя её к встрече с Новиковым, Дайяна выдала комплект земной одежды, какой сама сочла подходящим. И объяснила, как и что надевать и носить. Перелистывая глянцевого страницы, девушка увидела нечто похожее, по крайней мере – знакомое, и указала пальцем.

Майя рассмеялась.

– А у тебя есть вкус. Только имей в виду – такое надевают при вполне определённых обстоятельствах. Если тебе нужно соблазнить мужчину, в чьих чувствах ты не совсем уверена,

но твёрдо намерена добиться своего именно сегодня. Или если ты – на работе. Понятно излагаю?

– Понятно, – потупилась девушка.

– Для повседневного употребления наряд совершенно непрактичный. Чтобы чувствовать себя комфортно, но и быть готовой к приятным неожиданностям – подойдёт, пожалуй, вот это. И это тоже... Просто, удобно и со вкусом.

Затем выбрали несколько комплектов верхней одежды на утро, день и вечер.

– На высоких каблуках ходить умеешь?

– Несколько раз пробовала, но по-настоящему – нет, не умею.

– Научим, а пока будем исходить из реальных способностей...

Закончив с подборкой экипировки для всей команды, Майя сделала заказ по телефону. Приказчик, обалдев от грандиозного заказа, с которого ему обломится приличный процент, заверил, что всё требуемое будет доставлено в ближайшие три часа. И, чуть замывшись, назвал сумму, во что это уважаемой мадам обойдётся. Она едва удержалась, чтобы не присвистнуть в трубку. Однако... Девочки прямо сразу начинают влетать в копеечку. Хорошо, что не им с Татьяной, а Лихареву.

– Через два максимум, – жёстко ответила Майя. – И твой процент сюда включён. Не каждый день у вас такие клиенты. Время пошло...

– Красота того стоит, – узнав цену, усмехнулась подруга. – Уверена, они там сейчас на фирме оживлённо спорят, откуда вдруг в городе объявился целый взвод красавиц с идеальными габаритами, голых и босых, зато с чемоданом денег.

– Ну и пусть спорят. Жаль, что мы не слышим. Слава богу, у нас пока тем, кто платит, лишних вопросов не задают. А если б кто и задал, так нам, по счастью, и придумывать ничего не надо. Младшие сестрёнки с подружками приехали из Смольного института и захотели шикануть по полной, как взрослые. Благо, любящие старшие не в силах отказать...

– Так, мадемуазели, кто какие языки знает? – спросила Татьяна.

– Все, – ответила Настя.

– Что все, я и не сомневаюсь. Я спросила – кто какие.

– Я и говорю – все знают все основные европейские языки. Азиатские и африканские в нашей группе не изучали.

– Лихо, – восхитилась Майя. – В совершенстве?

– Конечно. И с диалектами.

– Да-а... – покрутила головой Татьяна. – Ладно, вы пока ещё журнальчики полистайте, а мы выйдем, покурим.

Опершись о перила балкона, она сказала, мечтательно глядя на пейзаж внизу:

– Знаешь, в чём смех? Мы, при необходимости, уже завтра могли бы отбить те деньги, что за обновления выложим.

– На панели? – догадалась Майя.

– Зачем так грубо? Просто по старым связям я могла бы найти достаточное количество оч-чень солидных людей, готовых заплатить сумасшедшие деньги за знакомство с такими вот гейшами или гетерами. Экскурсоводшами, проще говоря. Обычные шлюхи, любого разбора, им ни к чему. А вот такие девочки, с которыми можно появиться хоть в театре, хоть в клубе, вдобавок – нетронутые, не согласные расстаться со своим богатством задёшево – это, я тебе скажу...

– И зачем ты это мне говоришь? – прищурилась Майя.

– Да так. В голову пришло. Я же не говорю, что собираюсь стать бандершей. Я о том, что в любой игре наши девчонки – чистые джокеры.

– Так их к этому и готовили.

– И почему-то не успели. Странно это. Ну, был бой с какими-то медузами, так отчего они потом домой не вернулись? Зачем их Левашов сюда притащил? Его объяснения меня не очень убедили. Ей-ей, нечисто здесь, только непонятно, что именно. И главное – хорошо это или плохо – для нас?

– Не забивай себе голову. Сегодня позвоню Вадиму, постараюсь разузнать поподробнее. Если он сам что-нибудь знает. А пока пойдём. Знаешь, что мы забыли? Пока барахлишко подвезут, надо им фамилии-отчества придумать, и сказать Лихареву, чтобы паспорта им оформил...

Татьяна разыскала на полках справочник «Вся Москва» за прошлый год, где содержались краткие сведения обо всех более-менее заслуживающих внимания гражданах высших сословий, то есть дворян, купцов начиная со второй гильдии, чиновников и офицеров, заметных лиц свободных профессий. Тысяч сорок персоналий, напечатанных мелким шрифтом в две колонки.

Объяснила девушкам, чем они сейчас займутся.

Те не возражали. Если их возвышал над однокашницами факт получения имени, то остальные атрибуты полноценной личности, включая паспорт, – полностью переводил в новое качество.

Майя расчертила таблицей лист бумаги.

– Чтобы не запутаться. Начинаем.

Татьяна наугад раскрыла том. Попала на букву «В».

– О! Пусть так и будет. Раз вы у нас из первой партии (глядишь, скоро и другие появятся), давайте отсюда и выбирать.

– Как наши катера одного дивизиона, – фыркнула Майя, вспомнив морское путешествие. – «Сильный», «Смелый», «Страшный» и так далее.

– Вот именно. Вы, девушки, не против?

Девушкам, наоборот, было очень интересно.

– Тогда поехали...

Согласились, что фамилии должны быть звучные, достаточно известные, принадлежащие настолько разветвлённым родам, что и сами их носители не в состоянии были упомянуть всех родственников дальше второго колена, а уж тем более всяческих свойственников и однофамильцев.

Исходя из имеющихся имен, фамилии и отчества подбирали в стиль.

Вот что получилось.

Фамилия	Имя	Отчество	Род занятий, гражданское состояние
Вельяминова	Анастасия (287)	Георгиевна	учащаяся, дворянка, девица.
Вольнская	Кристина (291)	Станиславовна	— " —
Варламова	Мария (289)	Александровна	— " —
Витгефт	Герта (286)	Карловна	— " —
Верещагина	Марина (285)	Васильевна	— " —
Вирен	Инга (288)	Робертовна	— " —
Вяземская	Людмила (290)	Никитична	— " —

– Несколько нарочито, но сойдёт, – подвела итог Майя.

– Ничего не нарочито, – возразила Татьяна. – Ты бы посмотрела списки групп, с какими мне приходилось работать. – Вот там – нарочно не придумаешь. наших девчат никто в такую таблицу заносить не станет. Зато каждая сама по себе – очень даже элегантно. Запомнили, барышни? Вот и хорошо. Завтра паспорта получите, и вы – полноценные российскоподданные. А вон, кажется, и экипировка прибыла, – услышала она гудок машины у ворот. Сейчас приоденемся – и в город, на рекогносцировку местности...

Прогулка получилась великолепная. И развлекательная, и поучительная. Восхищённые девушки поначалу чувствовали себя неуверенно. Их планета, и долина, где размещался учебный центр, были красивы ничуть не меньше, чем Земля. Но к тем безлюдным ландшафтам они давно привыкли, а здесь живая природа гармонично дополнялась праздничной архитектурой и всей инфраструктурой курортного города. И жизнь вокруг кипела, бурлила и переливалась всеми своими красками и гранями.

А самое главное – вокруг ходили, ездили в автомобилях, сидели на бульварных скамейках и под навесами кафе, кабачков и духанов тысячи людей: мужчин, женщин и детей всех возрастов, наций и степеней достатка. Говорили, кричали, даже пели за уставленными напитками и закусками столами.

Происходящее вокруг было не всегда понятно, но невероятно интересно.

Конечно, курсантки последний год своего обучения почти ежедневно знакомились с обычаями и поведением людей по видеозаписям и игровым фильмам, но то, что оказалось наяву, не шло ни в какое сравнение. Кстати, Валентин Лихарев однажды выразился в подобном духе: «Вообразать земную жизнь по этим картинкам – всё равно, что нюхать розу в противогазе».

Чтобы уберечь своих подопечных от сенсорных перегрузок и эмоциональной контузии, Майя с Татьяной после двухчасовой прогулки по городу увлекли их в глубину Курортного

парка. Там они нашли уютный, почти пустой ресторанчик с верандой, нависающей над центральными аллеями. Разместились, заказали фрукты, мороженое, шампанское.

– Так, девчата, – сказала Татьяна, – вы угощайтесь, дышите воздухом, поболтайте, обменяйтесь впечатлениями, а мы с «тётей Майей» вон там, в уголке, тоже о своём поговорим.

За «тётю» она тут же получила шуточный тычок локтем под рёбра, незаметный со стороны.

С того места, что подруги заняли, им хорошо был виден и стол курсанток, и стойка бара, и ведущая к веранде дорожка. Себе они заказали неизменный кофе, который здесь был очень неплох, графинчик старого коньяка, ледяной нарезан в запотевших бутылках.

– Я была права, – сказала Татьяна. – На наших девчонок пялились все, от скаутов до пенсионеров. Хотя вроде бы здесь всякого навидались. Мы с тобой тоже очень ничего себе, но такого фурора не производим. Это не слишком хорошо.

– Избыточная концентрация красоты, впредь придётся разбавлять, – согласилась Майя. – Любой мужик в любой точке планеты точно обалдел бы, увидев в куче девять супердевок, если они не на сцене кабаре. Элементарное подсознательное знание теории вероятности у каждого есть. И всякое несоответствие напрягает и нервирует.

Она достала из сумочки секретный, доступный только весьма ограниченному кругу сотрудников императорской безопасности радиотелефон в виде сигаретной пачки. Даже Ляхову такой выдали далеко не сразу, и он долго скрывал его от Майи, пока не пришлось в открытую использовать в приключении на пароходе¹⁶. Считалось, что ни в одной стране цивилизованного мира до подобного ещё не додумались. Да и в России количество выпущенных приборов исчислялось едва ли парой тысяч. Почему так, Майя не знала. То ли технологические трудности, то ли политический расчёт.

Зато когда это чудо техники попало на глаза Левашову, тот, покрутив коробочку в руке и невзирая на протест Ляхова, снял заднюю крышку, одобрительно поцокал языком.

– Надо же, до чего додумались! Супротив сотовой связи, конечно, примитив, но вообще здорово. Вроде авианосца на вёсельном движителе.

И – сразу видно специалиста не только в технике, но и в других делах тоже – спросил Вадима:

– Жуткий дефицит, конечно? Даже у твоих подруг нет, в критический момент на городскую проводную связь надеются...

Ляхов согласился. Увы, несмотря на чины и должности, далеко не каждому полагается.

– Хорошо, подожди немного. – Левашов интригуяще улыбнулся. Небрежно сунул драгоценный аппарат в карман рубашки и, насвистывая что-то отдалённо напоминающее арию индийского гостя («Не счесть алмазов в каменных пещерах»), поднялся по очередной лестнице Ларисино терема.

Вернулся минут через двадцать и, отозвав Вадима с Майей в сторону от веселящейся компании, выложил на журнальный столик десять совершенно одинаковых пачек «Дюбека».

– Выбирай, где твой, – предложил Ляхову.

Тот, при самом тщательном рассмотрении, не нашёл никакой разницы. Сам факт «умножения сущностей» его не удивил. Успел узнать возможности «Братства».

– Раньше бы сказал, мы б весь ваш мир завалили этими штуками, за хорошую плату, естественно, – говорил Олег. – А это так – на скорую руку. Чтобы хоть вы между собой могли спокойно общаться.

¹⁶ См. роман «Билет на ладью Харона».

– Не выйдет спокойно, – мотнул головой Ляхов. – Вся связь всё равно через центральный узел идёт и тщательно контролируется. Машинки-то вот они, а позывной у каждой индивидуальный...

– Я ведь тебе не предлагаю болтать по ним, как по телефону-автомату. На крайний случай. Ежели промедление смерти подобно. Да и наверняка вы с Тархановым, при вашей власти, сумеете несколько лишних номеров в списки вставить.

Сейчас Майя вызвала Вадима. Тот отозвался на пятой секунде. Она совсем коротко спросила, как у него дела, и сказала, что случилось нечто крайне интересное, требующее его немедленного появления в Кисловодске.

– Как прошлый раз?

– В своём роде даже интереснее. Сумеешь завтра вылететь первым самолётом?

Ляхов привык, что по пустякам жена его не дёргает и спецсвязью не пользуется.

– Надо – сделаем... Могу и сегодня. Есть рейс на Минводы в ноль-пятнадцать. Прямо сейчас машину вызову, в аэропорт – и к вам.

– Спроси его, а Сергей с ним не сможет? – подсказала Татьяна.

– Вдвоём и сразу – точно нет, – ответил Ляхов. – Своих заморочек полно. Если со всеми разгребёмся – через неделю минимум. Это я – сравнительно вольная птичка, а он плотно занят, час назад я от него вышел. Даже в казино с девочками пойти отказался.

– Приедешь – будут тебе девочки, – словно бы с нехорошим обещанием в голосе сказала Майя, и это был тот редкий случай, когда Вадим на той стороне «провода» понял её неправильно. То есть не уловил, что в данном случае она говорит буквально, без задней мысли и намёка.

– Тогда – конец связи. Жду у Ларисы... около двух?

– Скорее – трёх. Можешь немного поспать...

– Вот это – вряд ли.

Она нажала кнопку отключения, и не только по причине несанкционированной загрузки линии. Татьяна под столом толкнула её коленом.

– Я наблюдала за барменом. Он только что звонил по телефону...

– Ну и что? – не поняла Майя.

– Ты приезжая, я – местная. Не только обычаи знаю, а и по губам читать умею. Не в совершенстве, но в сочетании с мимикой и взглядами – понимаю. Иначе как бы мы тут выжидали? Тарханов тоже наш, ставропольский, потому у него в «Бристоле» получилось¹⁷. Попади на его место твой Вадим – и до задних ворот не дошёл бы...

Майе эти слова показались обидными, но пришлось согласиться. Она имела собственное мнение о достоинствах самых близких ей и друг другу мужчин, но по поводу подвига Сергея в Пятигорске – ни убавить, ни прибавить.

– И что ты прочитала?

– По смыслу – приезжайте, есть классные... дальше не по-русски. Много, всем хватит, – и заржал, как они любят. У них жеребьячий гогот выражает высшую степень самоуважения...

Майя готова была отнестись к словам Татьяны пренебрежительно, мол, пуганая ворона и так далее, но слишком у истинной казачки стало серьёзное лицо. Глаза сузились, и губы сжались в нитку. Такой она её редко видела.

Самое же главное – просто не могла Майя себе вообразить, что в шикарном курортном городе (куда до него пресловутому Баден-Бадену), где отдыхает и веселится лучшая часть российского общества, следует чего-то опасаться. А полиция, а жандармерия, картинно гарцую-

¹⁷ См. роман «Билет на ладью Харона».

щие по улицам казаки Терского войска? Особенно меры безопасности усилились после налёта боевиков на Пятигорск.

Но Татьяна именно в этом случае наверняка умнее и опытнее её.

– Быстро, – сказала та, – звони Лихареву. Скажи, где мы и в чём дело.

– Но я так и не знаю, в чём...

– Дура! – Татьяна выхватила у неё переговорник и, нервничая, не сразу нашла нужные кнопки. Хорошо, Валентин ответил сразу. Торопливо сказала несколько слов. Видимо, достаточных.

Майя в это время наблюдала за барменом. Красивый парень, с шикарной тёмно-рыжей шевелюрой. Поймав её взгляд, улыбнулся «на ширину приклада», как любил говорить Тарханов в духе своих горно-егерских казарм, вышел из-за стойки.

– Чего-нибудь ещё прикажете?

– Да. По сто грамм коньяка нам и три бутылки шампанского тем девушкам, и – мигом! – Майя поразилась, как неуловимо быстро лицо Татьяны из напряжённо-жёсткого стало пьяновато-расслабленным. Специалистка.

– Как прикажете. – Бармен тоже изобразил душевную приязнь. Заказ клиенток тянул на очень хорошую сумму. Те четверо отдыхающих в правом крыле веранды, что второй час не могли допить литр сухого, его не интересовали.

Пока он исполнял заказ, Майя (эмоциональный заряд Татьяны подействовал), раскрыла сумочку и поставила её рядом. Инкрустированный «вальтер-РР» взвела незаметным движением. Подруга сделала то же самое, одновременно прошептала:

– Только не вздумай стрелять на поражение. Иначе не сегодня, так завтра нам конец. Все аулы поднимутся. А я вроде по нужде схожу. Осмотрюсь там...

Майя подумала, что она права. Если всерьёз стрелять начнут – конец, пусть и не в физическом смысле. Вадим прилетит, заберёт их отсюда, но – это будет навсегда. Кровная месть и всё такое. Зато есть куда более красивый ход. Наверное, Татьяна его тоже просчитала. Она заказала для девочек ТРИ бутылки шампанского. Значит, сейчас на столе у них будет ровно семь. По одной на каждую.

Пока бармен суетился, Татьяна по пути в туалет коснулась плеча Анастасии. Та, отчётливо среагировав, подскочила и пошла следом. Бармен (заметила Майя), следил за Настей взглядом голодного волка. Наверное, просто потому, что у этой сейчас видны были высоко открытые ноги, а прочие прятали их под столом.

«Ох, и дикий народ», – вспомнила она слова бессмертного романа.

Хорошо, две дамские кабинки находились в отдельном помещении, там никого не было, а кирпичные стенки и расстояние от зала исключали возможность подслушивания. Если, конечно, здесь не установлена аппаратура. Только вряд ли, не тот уровень кабака. По работе она знала, какие точки находятся под контролем. Сама водила кого нужно куда прикажут.

– Настя, вы к рукопашному бою подготовлены?

– В какой степени, Татьяна Юрьевна? – глядя чуть в сторону, спросила Анастасия.

– Если сейчас появятся десятка полтора агрессивно настроенных парней... То есть нет. Сначала они будут очень любезны. Compliments, пусть и грубые, предложения выпить и потанцевать, поехать с ними на водопады... А когда вздумаете отказать – тогда и начнётся. Вариант простейший – вас всех, и меня с Майей тоже, изнасилуют на месте. В грубой и извращённой форме. Фантазии и сил у них хватит. Потом уедут, и концов не найдёшь. Вариант ухудшенный – погрузят в машины и увезут в горные аулы. Там будет то же самое, каждый день, в промежутках – тяжёлая работа...

– Я поняла, Татьяна Юрьевна. – Лицо Насти оставалось почти безмятежным. – Убивать не надо, правильно?

– Правильно. Но сделать так, чтобы ни один, ты пойми – ни один до утра не встал, не смог позвонить, и чтобы ни одна машина отсюда не уехала – сможете?

– Сможем, Татьяна Юрьевна. Кроме того, постараемся, чтобы и со стороны никто ничего не услышал и не понял... Я сейчас девочкам всё скажу.

Они успели вернуться, и ставший до неприличия любезным бармен, Руслан, как он назвался, подал всё, что заказали. Допившие свое вино мужики с дальнего столика как-то незаметно слиняли, то ли почувствовав сгущающуюся атмосферу, то ли просто так. Время вышло. На девичий цветник внимания вроде бы совсем не обратили. Педерасты, что ли?

Тёплый южный ветер накидывал на веранду запах роз из одноимённой долины. Может быть, единственной в мире, где сразу цвели десятки тысяч кустов сотни разновидностей. Иногда от этого густого запаха перехватывало горло.

Три большие чёрные машины, светя фарами, подъехали совсем не с той стороны, откуда ждала Татьяна. Оказалось, что к ресторанчику вела не только пешеходная дорожка, находившаяся в поле зрения. Позади, за хозяйственными постройками, имелся заезд для технологического транспорта. Мусор забрать, продукты доставить.

Дальше – как Татьяна и просчитала. Пятнадцать лихих горских парней навскидку не определяемой национальности, с тем же отвязанным гоготом ввалились на веранду. Хорошо одетые, в возрасте от двадцати до тридцати, явно имеющие какое-то образование выше начального. Не пастухи из отдалённых аулов. Может быть, приехавшие на каникулы сыновья горских беков, ханов и князей.

Ещё хуже, подумала она. Этих, что они ни сделай с обычными туристками, полиция искать не станет. Спишут на каких-нибудь маньяков.

Ещё один признак цивилизованности, точнее – особой изощрённости парней. Никто не стал приставать к девушкам сразу. Расселись за столиками, грамотно перекрыв все входы и выходы с веранды. Заказали вина, дружно закурили, потребовали у бармена поставить восточную музыку, и погромче. Только потом, невзначай, обратили внимание, кто рядом присутствует.

И – общий восторг! И комплименты, почти приличные, но с отчётливым подтекстом. Дальше – больше. Попытки подсесть рядом, познакомиться, за ручку потрогать, на танец пригласить. Самое-то главное – никого вокруг посторонних, на полкилометра, считай, и по позднему времени новых посетителей не появится. А тут – девчонки, почти школьницы, мороженым с шампанским балуются. Невыносимый соблазн.

Однако старшего из компании что-то насторожило. Или бармен Руслан их об этом предупредил. Две русских бабы постарше, сидят отдельно, но смотрят чересчур неприятно. Опытный кавказский мужчина, при всём своём показном, на соплеменную публику рассчитанном героизме, казаков и их женщин (этих даже больше) остерегался. Генетически. Но не терять же лица?

Бабы красивые, взрослые. Наверняка неглупые. Стоит подойти, поговорить. Глядишь, за хорошие деньги согласятся и в подсобку сходить. С ним одним – обе сразу. Ему хорошо, им хорошо, настоящее удовольствие получают, и парням никто не мешает.

Подошёл со своим стаканом, ногой подвинул стул, сел.

– А не свалить ли тебе, землячок, покуда живой? – спросила Татьяна, выслушав предложение горца, чью национальную принадлежность не успела определить. Не черкес, не карачевец – точно. Прочие племена и народы она различала плохо.

– Грубить хочешь, девушка? – продолжая изображать из себя что-то похожее на итальянского актёра Марчелло Мastroяни в роли сицилийского дона, с улыбкой спросил горец. – Дорого обойдётся.

– Тебе – грубить? – тоже улыбнулась Татьяна и, словно пудреницу, достала из сумочки «РР». – Не стоишь ты того. Без всяких грубостей. Что предпочтёшь – в лоб или в живот? Мне – без разницы, а тебе?

В этот же момент Майя под столом протянула руку со своим инкрустированным девятимиллиметровым «вальтером» и уперла ствол в самое дорогое для любого кавказского мужчины место. Причём упёрла больно, резким тычком.

– Как тебя зовут, милый? – спросила она.

– Арслан, – ответил тот, пытаясь даже в этом положении сохранить лицо. – Меня все тут знают. Не думайте, что такое вам пройдёт даром...

– Как нам пройдёт – видно будет. А вот тебе, когда яйца с хером отстрелю, никакой доктор причиндалы обратно не пришлёт. Разве что от барана. И весь Кавказ смеяться станет...

Майя отвлеклась на непосредственного клиента и пропустила момент, когда началось за столом у девочек. Кто-то из горячих горских парней совершил первую роковую ошибку. На самом деле с любой нормальной кавказской точки зрения ошибкой это не было. Самая что ни на есть норма. Адат¹⁸.

Семь юных девушек ночью сидят за столом, при них ни одного русского мужчины. Значит – понятно, кто. Четырнадцать крепких, уже возбуждённых парней окружают их со всех сторон, помешать некому. Что творится за спиной со старшим товарищем – не видно, да и некогда смотреть и незачем.

Для начала первый, самый активный, наследный князь двух аулов и тысячи баранов, наверное, в белом костюме и чёрной рубашке, положил тяжёлую ладонь на тонкую шею Марины. И совсем легонько сжал пальцы. Просто чтобы почувствовала, поняла.

Никто не успел заметить, как сидевшая напротив Герта схватила за горлышко бутылку шампанского и ударила красавчика снизу вверх, под челюсть. Тот, едва не уйдя в заднее салто, рухнул на вымощенный цветной плиткой пол, прилично приложившись ещё и затылком.

Дальше пошёл уже настоящий цирк. В том смысле, что имел место весь набор приёмов, которыми поражают публику акробаты, эквилибристы и прочие клоуны. Только всё – в одни ворота.

Вертелись, подпрыгивали, взлетали в воздух, приземлялись мордой вниз, переваливались через перила, смешно болтая ногами, исключительно гости. Девушки скользили по веранде, взмахивали руками стремительно, бесшумно, почти на грани зрительного восприятия. Даже бутылки шампанского не всегодились в качестве оружия.

Полторы минуты максимум – и конец забаве. Куда аборигенам с опытом исключительно уличных мордобоев «до первой крови» из носа выстоять против боевых машин, пусть и из плоти и крови. С мышцами, как у чёрной пантеры, и реакцией южноамериканского паука, умеющего отскакивать с пути револьверной пули. Аггрианские курсантки чётко выполнили главное требование – никого не убить. Но одновременно – нейтрализовать надёжно.

Следующих двух минут хватило Инге и Кристине, чтобы сбегать к машинам, вырвать, как сорную траву, пучки проводов из-под приборных щитков. И вернуться обратно.

Настя и Марина блокировали поваров и официантов внутри ресторана. Посоветовали сидеть тихо, никуда не звонить, ничего не видеть и не слышать.

Татьяна пистолетом поманила оцепеневшего за стойкой бармена Руслана. Стволом указала, где ему сесть. Майя убрала свой «вальтер» с промежности Арслана.

– Ну и как – повеселились мальчики?

Из всех мальчиков только один был в сознании, сидел на полу, сжав ладонями разбитое в кровавую кашу лицо. Хрипло поскуливал.

¹⁸ У мусульманских народов – обычай, имеющий силу права.

Девушки, убедившись, что несовместимых с жизнью травм никому не нанесли, обыскивали бесчувственные тела, выкладывали на стол оружие и пачки денег. Этого добра у каждого имелось изрядно.

– Ты не понимаешь, сейчас нам осталось шлёпнуть тебя и его, – Майя показала на бармена, – сунуть вам в руки эти нигде не зарегистрированные пистолеты и через час улететь в неизвестном направлении. А потом прокуратура пусть разбирается, из-за чего вы тут насмерть передрались...

– Сука, – со злобой и тоской процедил Арслан и немедленно получил от Татьяны такую зуботычину, что голова мотнулась, как у тряпичной куклы. Она сейчас выплёскивала всю накопившуюся за десятилетия ненависть. К таким вот бесцеремонным и наглым парням, что преследовали их, школьников и студенток на улицах, в парках и на танцплощадках, к тем, что заставляли её трястись от ужаса в захваченном бандитами «Бристоле», за многое другое.

– Ещё слово – всерьёз изувечу! – Голос её вибрировал на грани нервного срыва.

По счастью, почти тут же раздался звук ещё одного мотора – приехал наконец Лихарев. С ним ещё двое решительного вида мужиков с автоматами. Как будто они сидели у Валентина в полной боевой готовности и ждали команды. Возможно, так оно и было.

– О, какая неожиданная встреча, – заулыбался Лихарев, увидев Арслана в крайне унижительном положении. – Давненько не пересекались.

Тот особой радости при виде группы поддержки не испытал, но определённое облегчение – явно. Из ситуации намечился выход, а то кто знает этих сумасшедших баб, могли и привести свою угрозу в исполнение. Им, откровенно говоря, больше и делать почти ничего не оставалось. Шайка наёмных убийц какая-то, а не приличные курортницы.

Валентин сел напротив, жестом велел девушкам убрать тела с веранды. В кусты, подальше.

– И зачем же ты, Арслан, моих гостей обижаешь? Не по-мужски это. Девочки первый раз на юг приехали, и вдруг такое. Что они теперь думать станут? Дикари живут на Кавказе – вот что они подумают, и правильно сделают...

– Девочки, – пробурчал тот. – Спецназ ГРУ, а не девочки. Зачем не сказали, что твои гости? Мы бы сразу ушли. Ребята, мамой клянусь, ничего плохого к ним не имели. Если только по доброму согласию. Я вот этим, – он дёрнул подбородком в сторону Майи с Татьяной, – сразу так и сказал. Хотите хорошо провести время – всё как надо сделаем. А они за пистолеты. Зачем тогда без своих мужчин на юг ехать? Все за этим едут, никто потом не жалуется...

– Ладно, – кивнул Лихарев, приказал бармену всем налить. – Будем считать, что получилось недоразумение. Твоим парням урок – не распускать руки, пока дама не выразила явное и недвусмысленное согласие. Для верности можно лишний раз переспросить, этого ли именно она хочет, и не будет ли потом претензий. Дошло?

Арслан кивнул.

– Тебе – отдельный урок, ты-то давно не мальчик. Если видишь непонятное – три раза подумай, как поступить. Девять девушек ночью, без охраны, в таком месте... Необычно, да? Кто такие, зачем здесь, стоит ли вообще к ним подходить – стоило бы тебе об этом подумать. Здесь не твой родовой улус, здесь русский город.

– Ну, хватит, а? – не выдержал горец, залпом выпил свой стакан.

– Когда хватит, я сам знаю. Короче, считаем, ты меня понял. Что случилось – забыли. И мы, и ты. Пацанам своим накрепко объясни – подрались по пьянке, и всё. Где, с кем – не помнят. И упаси Аллах, если вспомнят. Ты меня знаешь. Я тебя тоже. И про все твои дела, и про многое другое. Не нарывайся – хуже будет.

Лихарев демонстративно медленно раскурил сигарету, взглядом ценителя осматривая поле боя.

– Вот теперь – хватит, – сказал он, посмотрев на часы. Ещё один психологический приём. – Давайте все вместе на посошок в знак дружбы и взаимопонимания, да и разойдёмся...

Глава 4

Лихарев приехал на микроавтобусе, и в него все легко поместились.

– Круто начинаете, девушки, – сказал он, когда, покрутившись по узким тёмным аллеям, вывел машину на освещённую дорогу. – В первый же день, и сразу такое приключение. Но оно даже и на пользу. Практическое занятие по теме номер тридцать семь. Справились успешно. Всем зачёт.

Курсантки сидели молча, слушали так, будто действительно руководитель подводит итог очередной вводной.

– А вот вы, дамы, – обратился он к Майе с Татьяной, – дурака свалиали. Эта «Чёрная роза» – известный притон. Здесь по ночам и крепким мужикам делать нечего, если они не в теме.

– Ты сам – в теме? – спросила Татьяна. После снятия поставленной Валентином матрицы она ничего не помнила об их сложных и запутанных квазиотношениях, воспринимала только как мужа Эвелин и приятеля Шульгина, Новикова и Ларисы.

– Я – да. Арслан держит парк – меня это не касается. Зато я, хоть и сам по себе, но в хороших контактах со смотрящим всего города. Так что можете ничего не опасаться. Однако впредь советую вести себя осмотрительнее. Во всех смыслах.

– Сто раз я бывала во всех кавминводских кабаках, в этом тоже, никогда со мной ничего не случилось, – не сдавалась Татьяна.

– Иногда достаточно один раз оказаться в ненужном месте. Второго не потребуется. Ладно, закончим, я вам не наставник. Хорошо, что без меня справились, и я, по случайности, поблизости оказался. Вас куда, домой? Или можно ко мне, попробуем исправить испорченный вечер...

– На сегодня развлечений и впечатлений достаточно, – ответила Майя. О том, что должен прилететь Ляхов, она почему-то Валентину не сказала.

Возле отеля «Бештау» Татьяна попросила остановиться.

– Мне тут нужно срочно кое с кем повидаться, если задержусь – не переживай, такси возьму...

Майя слегка удивилась. Ни о какой встрече подруга ей не говорила, может быть, просто не успела из-за стремительного развития сюжета. Для того и предложила отсечь от девочек. Или ей потребовалось с кем-то переговорить именно после того, что произошло? Насчёт Арслана, Лихарева... Только вот с кем здесь она может такой вопрос обсуждать?

Не сразу Майя сообразила, что Татьяна прожила на КМВ всю жизнь, связей и знакомств имеет предостаточно. Очень может быть, что и среди преступного мира. И теперь спешит доложить некоей персоне свою версию событий?

И – самое простое: уточнила у Ляхова, что Сергей с ним не приедет, после чего решила навестить любовника, в расчёте, что встречу легко сможет списать на случившийся инцидент.

В том, что любовник у Татьяны есть или должен быть, Майя почти не сомневалась. Они этой темы не касались и в самых откровенных разговорах, но по косвенным признакам...

Впрочем, не её дело. Она сама в Москве, до встречи с Вадимом, никогда не отказывала себе в случайных капризах. А Татьяна в этом смысле барышня не менее темпераментная и импульсивная. Представила, как Майя с Вадимом сегодня отведут душу, а ей придётся всё это вообразить в обнимку с подушкой, и решила избежать такого стресса аналогичным способом. Но вот смеху будет, если Тарханов в последний момент всё-таки сумеет вырваться с другом хоть на денёк. Картина Репина – «Приплыли».

Как классная дама или ротный старшина, Майя развела подопечных по спальням, предупредив, что завтра с утра им предстоит встреча с одним человеком, от которого, возможно,

будет зависеть их дальнейшая судьба. И устроилась в гостиной перед экраном дальнови́зора. Ждать.

Ляхов появился, как и обещал, без пятнадцати три. Франтовато одетый в гражданский костюм, с букетом цветов, наверняка приобретённых ещё в Москве. Больше нигде в такое время.

Майя, как положено жене, напоила его с дороги кофе, чарочку поднесла, терпеливо дождала, пока он выкурит сигарету, и только после этого повлекла к себе.

Они не были вместе больше трёх недель, и оба дали волю чувствам. На взгляд Майи, даже несколько чрезмерно.

Над горами уже зарозовело небо, когда она привела эмоции в порядок и принялась рассказывать всё, что произошло за вчерашний, страшно длинный день.

Вадим заинтересовался не столько самим фактом появления агтрианской команды с далёкой планеты: межвременные и межпространственные переходы давно были ему не в новинку, – а связанными с этим обстоятельствами. Значит, «старшие братья» снова ввязались в конфликт высшего порядка и неизвестно, когда и как из него выйдут. И правильно будет в ближайшее время рассчитывать только на себя. Впрочем...

Ему тоже показалось непонятным – в чём заключалась необходимость Левашову перемещать Лихарева с девушками именно сюда? Куда ведь проще было вернуться, позволить им завершить курс обучения. Или это специальный расчёт, часть очередного плана «братьев»?

Особо это касается Валентина. Дезертировал, воспользовавшись случаем? И сейчас, как ни в чём не бывало, нежится в объятиях своей Эвелин, занимается непонятными делами с криминальным оттенком. Как боевому офицеру такое поведение коллеги Вадиму было непонятно.

Там, на Валгалле, разворачивается очередная межзвёздная война, и ему, специалисту и единственному, можно сказать, мужчине среди сотни недоученных «юнкериц», следовало бы находиться на переднем крае. Или, по крайней мере, помогать организовывать эвакуацию, если дела идут совсем плохо.

Кроме того, непонятно, почему Левашов переправил экипаж флигера именно в этот Кисловодск. Логичнее было бы в другое место и время, туда, где не требовались сложные действия по их легализации. В двадцать пятый год, где у «Братства» «всё схвачено», а то и в новозеландский форт.

Нет, что-то тут явно не то.

Вадим, естественно, по малости срока пребывания в «Братстве» и незначительности ранга (всего лишь «кандидат»), не мог знать всей сложности комплекса технических и психологических проблем, с которыми «старшие» сталкиваются постоянно, и квалифицированно судить о причинах и целях их поступков. Но на то, чтобы строить правдоподобные гипотезы, его подготовки и природной сообразительности хватало.

Скорее всего, девушек переправили в Кисловодск специально. Или так: специально переправили Лихарева, по какой-то причине (Вадим был почти уверен, что знает, по какой именно), считая его присутствие на Валгалле нежелательным. А их – просто за компанию, раз они все находились «в одной лодке».

Сходится, но не совсем. Левашов ведь отчётливо сказал, что передаёт девушек под покровительство Майи, то есть фактически – его, Ляхова, ну и Сергея Тарханова соответственно, учитывая его «особые интересы» в этом регионе. Отчего не предположить, что в дальнейшем имеется какой-то специальный замысел?

В подробности того, что имело место на самом деле, на высших уровнях, Вадима не посвящали, но и без того он знал, как ему казалось, достаточно, а об остальном догадывался.

«Итак, что мы имеем? – соображал Ляхов. – Семерых выдернутых из своего мира девушек, брошенных в этот, якобы без цели и задания. Великолепно подготовленных в смысле боевых искусств, да и почти во всех остальных смыслах тоже.

Левашов мог бы сказать Майе всё, что нужно, открытым текстом. Но этого не сделал. Значит, имел основания».

Вадим не мог себе представить, зная стиль работы и возможности «Братства», что никаких конкретных планов у Олега в тот момент просто не было.

Сделал, что хотел и смог, выдернул людей из послесмертия, переправил, куда настройка СПВ и состояние континуума позволили, а о дальнейшем задумываться было ему недосуг. Более того, очень он себя неуютно чувствовал, всё время ощущая влюблённый взгляд Кристины. Ему казалось, что это замечают и Майя с Татьяной. Левашов до сих пор оставался в душе очень застенчивым человеком во всём, что касалось отношений с прекрасным полом. Почему с такой лёгкостью признал лидерство Ларисы: больше не требовалось принимать самостоятельных решений, а красота и прочие её способности и качества исключали потребность обращать внимание на любую другую женщину. Только вот с Кристиной невзначай случилось, да и то само собой, без всякой его инициативы. Стал, можно сказать, жертвой учебного эксперимента.

Но всего этого Ляхов знать не мог, отчего и начал искать усложнённые объяснения.

Наступило утро, Татьяна так и не появилась. Майя сказала, что если она с любовником, так бежать домой сломя голову в семь утра – полная глупость. Если занимается чем-то посерьёзнее – тем более. В любом случае, при необходимости позвонила бы. А так: «Я не сторож брату моему».

Вадим с ней согласился. Он-то уж наверняка не сторож чужой жене. Ему сейчас нужно было решить проблему совсем другого порядка.

Пока Майя в своей туалетной комнате оформляла внешность для грядущего дня, Ляхов, стоя на площадке винтовой лестницы, невольно стал свидетелем интересного каждому нормальному мужчине зрелища. Воспитанницы, проснувшись в привычное время, уверенные, что в доме нет посторонних, из своих комнат кинулись в душевую на этом же этаже. Никто не хотел спускаться в полуподвал, где мест хватило бы всем. Естественно, выбежали «о натюрель», шумели, смеялись, шутили на известные только им темы, толпясь у двери в ожидании очереди и выбегая из кабинки. Хорошо и весело им было. Вадим за них искренне радовался, одновременно думая о своём.

– Засмотрелся, извращенец? – Вадим дёрнулся от неслабого удара по затылку – Майя подкралась бесшумно.

– При чём тут – извращенец? Будущий командир изучает призывной контингент. Ты ведь сама захотела, чтобы я взял их на службу. А там, сама понимаешь, – казарменные нравы...

– Иди, иди, хватит с тебя. Сейчас я приведу их в порядок, потом поговорим.

– Со мной или с ними? – Если начатая женщиной тема тебе неинтересна или опасна, следует немедленно уводить разговор в сторону, не вступая в пререкания по сути.

– С тобой, со мной – и с ними, – ответила Майя, возвращаясь к роли классной дамы.

Вадим позвонил Лихареву, не заботясь, удобно это или нет в столь ранний час. Оказалось, что Валентин не только не спит, но и вообще находится сейчас в своей машине на пути к Пятигорску.

– К себе едешь?

– Да.

– Значит, жди меня там. Через полчаса-час буду.

Выяснять, устраивает ли его визит Лихарева, не нарушает ли каких-то планов, он не стал. И по нынешней должности научился исходить из того, что начальник всегда в своём праве, и в рамках условной «Табели о рангах» «Братства» отчётливо представлял, как он соотносится с Валентином.

– Машина у вас есть? – спросил он Майю.

– Тебе зачем?

– В Пятигорск сгоняю, к Лихареву. Нужно ведь разобраться, что на самом деле почём, и как с девочками быть. Я их готов взять к себе в «печенег», а вдруг – нельзя? И у «братьев» на них другие виды.

– Так тебе он и скажет... – Майя изобразила губами и бровями сомнение, смешанное с неприязнью.

– А то я у него спрашивать собираюсь. – Вадим рассчитывал, что жена сейчас воспринимает его не в качестве мужа, а как коллега, сотрудник прокурорской разведки, профессионал с гораздо большим стажем.

– Тогда у кого?

– До кого первого дозвонюсь.

По тону и взгляду Ляхова Майя решила, что большего он не скажет.

– Машина – в гараже. С шофёром поедешь?

– Да лучше бы с шофёром.

Вадим с удовольствием, конечно, проскочил бы сорок километров туда и столько же обратно за рулём хорошей машины, но «пацанские» инстинкты давно остались в прошлом. Слишком много разных вариантов возможны в пути, а также и на месте. А кто такой здешний водитель Иван Иванович, он знал.

Если не взводу штурмгвардии равен, то около того.

Робот, только что бывший чопорной дамой-экономкой, в несколько минут вернул себе облик сорокалетнего мужчины, выглядящего именно так, как и положено шофёру высокопоставленной персоны, и вывел из гаража синий кабриолет Ларисы.

Приехал полковник в дом на склоне Горячей горы, как и рассчитывал, минут на сорок позже Лихарева. Встретились дружески, пусть и знакомы были всего ничего, и виделись не при самых радостных обстоятельствах. Так ведь и жизнь у них по любому счёту совсем другая. Отнюдь не общечеловеческая.

– Сумеешь мне канал связи устроить с Новой Зеландией? – прямо спросил Вадим, после коротких, со стороны Лихарева чуть настороженных приветствий, чашки зелёного чая (на кофе Вадим уже смотреть не мог, не то что бы пить), сигареты.

– Так мне же не велено, – развёл руками Валентин. – Живи, сказали, как сможешь, и не высовывайся. Вот я и не собираюсь больше. Высовываться.

Усмехнулся в некотором роде вызывающе: хоть здесь я вас, друзья-приятели, ущучу. Приказали не подходить к своим приборам и ни в каких внешних делах не участвовать – так я с полным удовольствием. Однако вчера вечером, не прошло и полусуток, вызвали ваших девочек спасать. И сейчас господин полковник Ляхов примчался. За тем же самым.

– Давай-ка я тебя, Вадим Петрович, коньячком угощу из собственных подвалов, или в бильярд сгоняем, – теперь уже с откровенной насмешкой поймавшего свой профит¹⁹ человека предложил Лихарев. – Даже в гольф можно, есть тут подходящее поле. А с этими делами сам знаешь, к кому обращаться... У тебя же бумаги нет? Настоящей, окончательной?

Ляхов, выросший в другом мире, этой книги Булгакова²⁰ не читал. Однако суть понял.

– Рискованно играешь, Валентин, – ответил он. – У нас ведь дух и буква отличаются гораздо резче, чем у нормальных людей.

– А мне этого никто не сказал. Хочешь, процитирую прощальные слова Левашова, вчера утром сказанные?

¹⁹ Барыш, выгода (фр.).

²⁰ «Собачье сердце».

«Разместим девчат – и свободен. До особого распоряжения. Вернёшься домой, продолжай жить, как привык, но в полной готовности. Как израильский резервист. Никаких шуточек, хохмочек и прочих инициатив тебе впредь не дозволяется. Уловил?»

Лихарев прямо-таки цинично рассмеялся в лицо Вадима.

– Давай мне это «особое распоряжение». И я – прямо сейчас и сразу. Ты – уполномочен? Ну?

Издевательских и обидно-проигрышных случаев в своей жизни Ляхов встречал не так уж много. Но бывали, бывали. Теперь нужно неожиданно и резко приткнуть этого красавца.

– Не взнуздal, так и не нукай, – вспомнил Вадим подходящую поговорку. Вытащил из наплечной кобуры свой «адлер», что, конечно, не являлось хорошим тоном. Так ведь в другой тональности шутки шутить некогда.

– Дурочку со мной валять не надо. Я здесь сегодня «старший по команде», по причине отсутствия вышестоящего начальства. Полномочия имею. Что не так сделаю – сам и отвечу, – сказал он, начиная выходить из себя.

По своему нынешнему московскому положению собственное членство в «Братстве» и принадлежность Лихарева к инопланетянам казались Вадиму неважными. Флигель-адъютант полковник Ляхов не любил возражений.

«Но нет Востока, и Запада нет,
Что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу
У края земли встаёт?»²¹

В одном из виденных им фильмов гангстер Аль-Капоне говорил, что добрым словом и пистолетом можно сделать гораздо больше, чем просто добрым словом.

– Садись и пиши, – приказал Вадим.

«Я, такой-то, нарушил данное мною слово под непосредственной угрозой моей жизни со стороны такого-то. Каковой таковой, в свою очередь, признаёт, что принял на себя особые полномочия под воздействием крайней необходимости. В чём оба и подписуемся...»

Лихарев всё ещё медлил.

– Игратья со мной вздумал? Ты что вчера Арслану говорил? Так я для тебя запросто стану хуже, чем ты для Арслана. Знаешь такую статью – «Саботаж»?

И тут же слегка понизил тон:

– Валентин-Валентин, что же тебе спокойно не живётся? Учили тебя, учили, да не выучили. Неужто настолько ретивость в душе гуляет? Всё пропито, кроме чести? Так насчёт «честь» я бы не советовал особо распространяться. Не честь в тебе сейчас говорит, а голые понты. Как у Барона в пьесе господина Горького «На дне».

Лихарев скривил губы, то ли насмешливо, то ли презрительно. Достал его этот салага-полковник, на восемьдесят лет младший, но пытающийся играть под Шульгина. Не без успеха, впрочем, признал он.

– Шуток не понимаешь? Подожди, ещё научишься. И шуточкам, и кое-чему другому. Хотел я тебе показать, как бывает, когда слова буквально понимают. Увидел? Не такое увидишь, раз в наши забавы ввязался. А пистолетиком махать...

Ляхов откинулся на спинку кресла. Эта интермедия далась ему очень не просто. В то же время он чувствовал, что вёл себя правильно. Именно потому, что ввязался в совершенно ненужные ему забавы, неожиданно ставшие едва ли не главной составной частью новой жизни.

²¹ Р. Киплинг. Баллада о Востоке и Западе.

– Я просто хотел посмотреть, что за молодёжь нам на смену идёт, – очень мирно и рассудительно продолжил Лихарев. Глаза у него стали вдруг очень усталыми и старыми. Вторую сотню лет человек живёт, и какую сотню! Гражданскую войну захватил, со Сталиным сколько лет ежедневно встречался. – Хватит у тебя силы и характера такой груз на себя взвалить? – Очень сочувственно прозвучало. – Оно, может, проще было в Москве при своих занятиях оставаться? Теперь увидел – ты парень решительный, совсем даже не промах. Согласен. Помогу, и без всяких расписок. Мы с Шульгиным такие дела крутили – тебе и не снилось. Сталина обвели вокруг пальца, Ежова свалили... Он мне и без протокола на слово поверит. Пойдём в подвалы. Они там мою аппаратуру опечатали, мы её с твоей и божьей помощью распечатаем. И вперёд. На Таорэру летали, до Новой Зеландии как-нибудь доберёмся.

– Вот так бы сразу, – облегчённо вздохнул Вадим.

– Сразу знаешь, что бывает? – усмехнулся Лихарев. – Узнаешь, всему свой черёд...

Они спустились в подвал, отделённый от площадки массивной стальной дверью с кремальерным запором. Вспыхнули потолочные плафоны, Вадим увидел несколько шкафов и пультов технического назначения, похожих на те, что стоят в армейских узлах связи. Максима Бубнова сюда, тот бы быстренько разобрался, что к чему. А самому не понять, да и незачем. Ляхов подумал, не совершает ли очередную ошибку. Нет, едва ли. Если Лихареву позволено здесь жить, и установки сохраняются в рабочем состоянии, значит, именно в данном направлении от него пакостей не ждут.

– Новая Зеландия, говоришь? – бормотал Валентин себе под нос, включая рубильники, нажимая кнопки и перебрасывая тумблеры. Засветились открыто стоящие радиолампы, загорелись умформеры и вентиляторы. По круглому зелёному экрану осциллографа побежали вдоль оси абсцисс разновысокие зубчатые волны. Совершенно как на кардиограмме.

– На пароход, говоришь, прямо на палубу? Сейчас, сейчас... Станция у них постоянно на приём должна работать, нам и делать почти ничего не придётся... Несущую частоту поймал – «и только...», – вдруг вспомнил он любимую присказку батки Махно, Нестора Ивановича.

На самом деле поиск частоты и выставление на циферблатах и пультах всех нужных позиций заняло минут пять, а то и больше. Вадим на часы не смотрел. Потом защёлкали реле, коротко взвыло что-то, спрятанное под изогнутым овальным кожухом, и между двумя коммутаторными стойками возникла графитово-чёрная, уходящая в никуда воронка. Ляхову показалось, что из неё потянуло нездешним, как принято выражаться, могильным холодом.

Тут же чернота сменилась синеватой флюоресценцией, еще секунда – и вот оно! Сначала по глазам ударил свет опускающегося к горизонту солнца, потом Вадим увидел угол кормовой рубки и надраенную тиковую палубу под ногами.

– Ух ты, как точно! – восхитился своему успеху Лихарев. – Метр в метр. Их установка прямо здесь, за стенкой... Ну, давай, выходи. Ищи своего Воронцова.

– А ты?

– Я здесь посижу. Мне волну держать нужно. На всё про всё тебе полчаса. У меня подходящего компьютера нет, а задачу «трёх тел» я в уме решать не умею. На глазок исключительно...

Ляхов перешагнул на палубу «Валгаллы», осмотрелся. Вода фьорда, покрытая мелкой зыбью, искрилась. На берегу виднелись крыши и зелёные аллеи посёлка. Пароход, очевидно, был готов к очередному походу – над задней трубой вился лёгкий дымок.

Уже через минуту его появление было замечено вахтенным унтером. Обладающий несколькими лишними органами чувств и абсолютной памятью андроид не только обнаружил на борту постороннего, но и мгновенно его идентифицировал. Этот человек принадлежал к имеющим все необходимые допуски, обладал именем и был занесён в судовую роль²².

²² Список лиц экипажа с указанием анкетных данных, а также значение, род и степень участия каждого в функциониро-

– Ваше высокоблагородие, господин Ляхов-второй²³, – пробасил сверхсрочный боцман-мат²⁴, с серебряной дудкой на обширной груди, подкинув ладонь к бескозырке. – Так что господин адмирал на борту, прикажете проводить и доложить?

– Проводи, а как же.

Воронцов, очевидно, предупреждённый вахтенным офицером, увидевшим гостя с крыла мостика, вышел из рубки навстречу.

– С прибытием, – сказал Дмитрий, приветливо улыбаясь и протягивая руку. Опять ЧП, раз не по нашей линии пришёл?

Вадим объяснил, что именно, на его взгляд, случилось.

– Понятно, понятно. Олег мне уже доложил. Только мы не думали, что так быстро у вас осложнения начнутся. Полагали, недельку-другую на первичную адаптацию уйдёт. Да ты проходи, садись, сейчас прикажу прохладительного подать. Или – наоборот?

– Хорошего местного пива можно. Времени у меня совсем мало. Лихарев за устойчивость канала не ручается. Я вот что придумал – возьму их всех к себе на службу. Создам при «печенегах» особое рейнджерское подразделение. А куда ещё? Не замуж, на самом деле, в хорошие руки отдавать, как породистых котят. В другом варианте им нормальной жизни не будет. Вчера Арслан, завтра кто-то посерьёзнее заинтересуется. Для себя или на продажу... В итоге такое начнётся... Полгорода перебьём, в пределах необходимой самообороны.

– Их тот Арслан или кто повыше после вчерашнего не в наложницы – в киллеры вербовать станет. Не согласятся – устранят, – немедленно то ли возразил, то ли согласился Воронцов. – Никакой Лихарев не поможет. Похоже, Олег действительно не додумал. Правильно твоя Майя сказала, перенасыщенный раствор получился. Кисловодск – не Москва и не Голливуд. А ко мне какие вопросы? Санкция, что ли, требуется? Так ты в столице сам большой начальник, без моего благословения управишься.

– Санкция ваша мне без надобности, Дмитрий Сергеевич. В Москве управлюсь, без вопросов. Только кого я туда привезу, кого начальству представлю? Группу выпускниц Смольного института? Посмеются, и только. Потому хочу вас попросить – возьмите их сюда. Организуйте «высшие офицерские классы» по рейнджерской программе. Базовая физическая подготовка у них не хуже, чем была у белых офицеров. Требуется похожая психологическая. Ну и, само собой, специфический женский опыт. С этим бы и мои дамы справились, но... Думаю, Наталья Андреевна сможет им как нужно всё преподать, «в должной плепорции».

Воронцов вертел в пальцах незажжённую трубку, смотрел на Ляхова с интересом.

– Хорошо решил. Главное – быстро. Что ж, не вижу оснований возражать. Месяца за три научим всему, что сами умеем. Будет у тебя личная гвардия, и не только. Представляю, сколько интересных комбинаций можно организовать, располагая таким контингентом...

Вадим и сам имел в виду такую возможность. Семь великолепно обученных агентесс. Любая, в случае надобности, способна вскружить голову самому значительному лицу, лишённая намёка на моральные предрассудки, от которых не свободна любая нормальная земная женщина. И работать будут не за деньги, не за страх, а исключительно за идею. Ту, которую сам для них сформируешь.

– Не зря Александр вас с братцем разыскал и в нашу компашку пригласил, – сказал Воронцов без тени иронии. За что Ляхов его и уважал. С Дмитрием Сергеевичем можно было на любую тему говорить, не опасаясь подвоха. Пошутить иногда едко любит, натура и должность у него такие, но всегда без подвоха, задней мысли и прочего маккиавелизма. «И пусть слова ваши будут да – да, нет – нет, а остальное – от лукавого».

вании единого «корабельного организма».

²³ В Российском Императорском флоте офицеры-однофамильцы имели официальную и обязательную нумерацию в соответствии со старшинством по выслуге (но не по чину).

²⁴ В старом российском флоте звание строевого унтер-офицера 1-й статьи.

– Сколько у тебя времени в запасе?

Вадим посмотрел на часы.

– Минут пятнадцать.

– Маловато. Давай ты этого Лихарева отпустишь, мы с тобой и Натальей как следует всё обмозгуем, и я тебя нашим каналом отправлю...

Уловил в лице Ляхова некоторое сомнение.

– Не бойсь. Всё будет нормально, у нас сбоев пока не случалось. А если Валентину так до конца и не доверишь, сделаем, что ты через десять минут следом за ним появишься. Обо всём, мол, договорились, дальше – не твои заботы...

Вадим всё ещё не мог не то чтобы привыкнуть, а на уровне нормы научиться воспринимать подобные штучки. Независимо от собственного опыта странствий по боковым временам.

– Давайте ещё лучше сделаем: Валентина отпускаем, тут же по вашему каналу забираем сюда девушек и Майю с Татьяной, если вы не против. Они с момента встречи с нашей командой только и мечтают этот мир хоть одним глазком увидеть. Александр Иванович практически уже пообещал Майе принять её в «Братство». Тогда уж и Татьяну... Мы тут все вместе недельку проживём, чтобы у девчонок третьего за сутки футурошока не случилось. Валентин вообще ничего не узнает, кроме того, что я у вас побыл, сколько мне надо, и вернулся.

Ляхов не заметил, а Воронцов уловил сразу, что голос у него едва заметно дрогнул. Будто у ребёнка, боящегося, что взрослый откажет в очень важной для него просьбе.

«Совсем пацан ещё, хоть и полковник», – подумал Дмитрий, широко улыбнувшись.

– Никаких возражений. Для того Форт с «Валгаллой» и существуют, чтобы каждый мог укрыться здесь от мирской суеты. Отпускай Лихарева, и займёмся...

Вскоре после отъезда Ляхова вернулась домой Татьяна. По её глазам и прочим штрихам поведения Майя поняла, что не ошиблась в своём предположении. Следы бурной «ночи любви» читались явственно. Поднялась вслед за ней в её комнату, так прямо и спросила:

– Кого это ты себе нашла? Что-то стоящее?

Подруга, отвернувшись к окну, раздевалась, излишне резко бросая вещи на кровать и прямо на пол. В высоком зеркале Майя увидела у Татьяны на незагорелой груди явные следы поцелуев.

«Если Сергей появится в ближайшие дни, могут быть эксцессы, – подумала сочувственно. – Придётся ей в солярии как следует пожариться, да и то...»

Татьяна тоже увидела предательские пятна, скривилась, очень некрасиво выругалась сквозь зубы. Набросила на плечи халат, выдернула из валявшейся на тумбочке коробки сигарету, пару раз затянулась, снова повторила то же слово, неизвестно, к кому относящееся.

– Стоящее... Когда-то было стоящее. Один мой бывший... Года два, как расстались, а позавчера он меня нашёл. Кто-то в Питере²⁵ сказал, что видел меня, дальше – дело техники. Пригласил повидаться...

– Ты что, так в него была влюблена, что не сумела отказаться? – удивилась Майя.

– Была, и что такого? Я вообще... бля... влюбчивая. Фамилия обязывает. Сейчас отказалась бы, конечно, да он мне напомнил про неоплаченный должок...

– Чушь какая. Ты сейчас любой долг заплатить можешь. Или – припугнуть. Есть чем.

– Тебе не понять, и понимать не нужно. Тут долг именно такого рода. Сама поклялась... Как в повести «Выстрел». Он прямо так и сказал: «Знаю, что ты замужем, и кем стала, знаю. Рассчитаемся по-хорошему и разбежимся навсегда. Слово чести». – Татьяна слабо улыбнулась. – Так-то оно всё совсем даже неплохо получилось, к взаимному удовольствию. А вот сейчас тоска пополам с совестью дружно гложут. Такая вот цена необдуманных слов и поступков.

²⁵ Пятигорск в данном случае.

Она, взметая полы китайского шёлкового халата, резко встала, достала из бара оставшуюся после прошлых посиделок бутылку ликёра «Селект», плеснула больше трети бокала.

– Будешь?

Майя мотнула головой и снова подумала, что прав был Шульгин, иногда излечение бывает хуже болезни. Так, бывшие удалые пьяницы превращаются в мерзких мизантропов, а дамы облегчённого поведения – в жутких мымр и омерзительных ханжей-моралисток.

Вот и у Татьяны после снятия лихареvской матрицы полезли её же ранее задавленные комплексы. Что на самом деле с ней происходило за десять, а, может быть, и больше лет? Майя не знала, и больше того, что иногда под настроение и рюмочку рассказывала подруга, знать не хотела.

Сравнивая её с собой, Майя вспомнила слова из рассказа Бабеля: «Есть люди, умеющие пить водку, и есть люди, не умеющие пить водку, но всё-таки пьющие её. И вот первые получают удовольствие, а вторые страдают». Если заменить водку на другое слово – всё один к одному.

Как жаль, что так внезапно и не ко времени уехала Лариса. С её характером и опытом она была бы сейчас очень кстати.

– Рассчиталась с очередным прошлым? Никому больше ничего не должна? Наплюй и забудь. Считай, тебе опять приснился сон. Скверный или сладкий – сама реши. Беды или греха в том нет. Вадим уже прилетел, сейчас от Лихарева вернётся, и сядем завтракать.

– Хорошо, – снова улыбнулась Татьяна. Небось после вечернего коньяка всю ночь пила шампанское, и от трёх глотков ликёра её заметно повело. – Тогда я пару часиков придремну. Ты права, ничего не было. Совершенно ничего...

– Ладно, давай и я с тобой по глоточку. И тоже прилягу. До трёх Вадима ждала, в семь уже подхватила. Поспим, сколько получится.

Заснуть у Майи не получилось. Только прикрыла глаза, как полезли, наслаиваясь, мысли и воспоминания, имеющие отношение к Татьяне, никуда не денешься – теперь ближайшей подруги и соратницы.

Она опять вспомнила день знакомства с Шульгиным, дамами-инопланетянками, случившееся с Татьяной и Лихаревым. Тогда её личные подозрения и ощущения почти полностью совпали с профессиональным диагнозом, поставленным Ляховым. Подруга действительно находилась под своего рода гипнозом (хотя коллега Вадима Александр Иванович Шульгин, не рядовой армейский лекарь, настоящий психиатр-психолог), назвал это явление иначе. Самое главное – Татьяну они вылечили полностью. Причём, как сейчас представлялось Майе, – напрасно.

Сама Майя удивительным образом, впервые увидев Шульгина (о котором слышала много разного и интересного от Вадима), как-то неожиданно с ним сдружилась. В гораздо большей степени, чем с Новиковым и женской частью команды. Впрочем, как раз это легко объяснимо. С неё хватило и Ларисы, а Ирина и Сильвия оказались женщинами с подавляющим уровнем превосходства, хотя и гораздо менее афишируемым. Это просто чувствовалось. Взять хотя бы момент, когда Ирина, милая женщина в обличье курортницы, стремительным, с места, как гепарды это делают, охотясь на антилоп, броском перехватила впавшую в истерику от непонятности происходящего Эвелин и немедленно её успокоила. В обоих смыслах. Со стороны это выглядело даже чересчур эффектно. Как и всё последующее.

Когда они уже поздним вечером уехали из дома Лихарева и вернулись на кисловодскую виллу Ларисы, Майя захотела поговорить с Александром Ивановичем с глазу на глаз. Ей показалось, что он ответит на её вопросы, не то чтобы откровеннее, а квалифицированнее Ляхова. Известно ведь, что нет пророка в своём отечестве.

Шульгин не обманул её ожиданий. Он сразу понял, что именно интересует и беспокоит эффектную подругу своего подопечного. Не выходя за пределы так называемой врачебной

тайны, обстоятельно объяснил, какие именно изменения могут в ближайшее время произойти в характере Татьяны после проведённого лечения, и что ей, раз она сейчас самый близкий «пациентке» человек, необходимо иметь в виду. Во избежание возможных конфликтных ситуаций.

– Она теперь, если можно так выразиться, станет несколько другим человеком. Посттравматический синдром это у нас называется. А раз травма была психическая, то и изменения произойдут в сфере психики. Она ведь замужем? – спросил так, будто сам этого не знал.

– Считает себя замужем, – неожиданно ответила Майя. Ей как-то вдруг стало понятно, что это определение верно отражает суть дела.

Шульгин кивнул.

– А поскольку знакомство её с Сергеем и замужество произошли, когда она находилась в изменённом состоянии, теперь Татьяна может захотеть пересмотреть эту ситуацию, – продолжил он. – Ты меня понимаешь?

– Пожалуй, да... – слегка подумав, ответила Майя. – Но и вернуться к исходному состоянию она вряд ли захочет...

– Скорее всего. Значит, весьма вероятна новая сшибка. Конфликт мотиваций и тому подобное... Девушка она по психотипу крепкая, нового всплеска болезни можно не опасаться, но вот в личностном плане... Глупостей может наделать. Догадываешься, каких?

Майя кивнула.

– А это никому не нужно. Особенно сейчас. Твой Вадим и Сергей занимаются очень важным делом. Очень. Ситуация – критическая для России. То, что случилось в Москве, – дай бог, не повторится, но чтобы этого не допустить, потрудиться придётся всем. Тебе и ей, в том числе, если считаете себя в команде. Вадим в ней и так, давно и осознанно. А ты?

– Это вербовка? – вспомнила прошлую работу с отцом Майя.

Шульгин весело рассмеялся. Она бы сказала – обаятельно. Да он весь был сейчас сплошное обаяние. Умел, когда требовалось.

– Никак нет. Вадима да, вербовали, и он пошёл на контакт сознательно, поняв и приняв смысл нашей деятельности. И не ошибся, как видишь. А у тебя я просто спросил – в одной ты команде со своим мужем и с нами или – наособицу? Имеешь право. Война – мужское занятие.

– А как же ваши подруги? Воюют?

– Ну, у них другие обстоятельства и другая мотивация. Ты, по счастью, сохраняешь свободу выбора...

– Если Вадим с вами, то и я тоже. Но почему вы решили говорить со мной в его отсутствие? Спросили бы при нём...

– Когда и как кого спрашивать, милая, я лучше знаю. Профессия такая. Подпиской о неразглашении я тебя не связываю. Можешь прямо сейчас передать Вадиму наш разговор. Хоть наедине, хоть в моём присутствии. Просто каждый жанр имеет свои законы. Только и всего... Итак, если ты с нами, впредь придётся придерживаться определённых правил. О них тебе Вадим сам расскажет, чтобы не выглядело, будто я тобой манипулировать пытаюсь...

– Да оставьте. Мне не впервой.

– Тогда закончим насчёт Татьяны. Желательно, чтобы она как можно дольше не встречалась с Тархановым. Месяц, два...

– Понимаю. Я должна её удерживать от желания возвратиться в Москву?

– Не думаю, что придётся именно удерживать. Скорее – организовать так, чтобы вам обоим было интереснее оставаться здесь, чем ехать туда. На самом деле – что хорошего в той Москве? Мужчины ваши круглые сутки будут заняты делами службы, возможны внезапные и продолжительные командировки. Общество там довольно скучное. То ли дело здесь! Здесь вы – звёзды бомонда! Лариса постарается организовать постоянный фейерверк удовольствий.

Лихарев с Эвелин тоже довольно интересные люди. В средствах стеснены не будете. Чего же ещё?

Шульгин, будто бывал в этой вилле неоднократно, открыл стенной шкафчик, достал бутылку вина, наполнил два бокала.

– Одним словом, за успех. И вот ещё что – если Татьяне захочется... приключений – не препятствуй. Ни словом, ни видом. Может быть, тут у неё остался кто-нибудь... Сама понимаешь.

– А сводницей поработать вы мне не поручите? – съязвила Майя.

Шульгин снова засмеялся.

– С этой ролью, если потребуется, Лариса куда лучше справится. Ну, пойдём. Главное мы обсудили...

О сути и смысле только что случившегося она Александра Ивановича решила не спрашивать. Будет ещё время, наверное. Сначала поговорит с Вадимом.

...Только что полностью подтвердились слова Шульгина. Может быть, на самом деле, сегодня ночью окончательно распрощавшись с гнетущим её прошлым, Татьяна выздоровеет полностью.

А если нет? Если нынешняя якобы кода²⁶ – как внезапная рюмка водки бросившему пить алкоголику. Выпил – и понеслось!

Майя вдруг ощутила смутную тревогу, встала, заглянула в комнату подруги. Та крепко спала.

Ляхов появился на крыльце, едва Майя успела спуститься вниз.

– А где машина? – спросила она, увидев пустой двор.

– В Пятигорске. Позвони шофёру, пусть сюда возвращается.

– Не поняла...

– Сейчас поймёшь. – Он за руку отвёл её к скамейке между тремя японскими соснами, посадил, присел рядом, хлопывая карманы в поисках зажигалки.

– Девочек я пристроил, – сообщил он довольным тоном. – Им хорошо и полезно будет, вам ноль забот, а у меня вскоре появятся хорошие сотрудницы. Подожди, не перебивай, – остановил Вадим готовый сорваться с губ жены вопрос. – Не в том главная суть. Я получил санкцию пригласить вас с Татьяной на отдых. В нашу святая святых – новозеландский Форт Росс. То есть вас официально позволено допустить в монастырь. Для начала – послушницами. Доходит?

– Ох, правда? И мы всё сами увидим, со всеми познакомимся, и то, о чём говорил Шульгин, станет...

– Так точно. Самой, что ни на есть, истиной в последней инстанции. И вечная молодость, и всё такое...

Майя даже не знала, как реагировать. Радость была слишком велика. Почти такая же, как в шестнадцать лет, когда отец к гимназическому балу подарил ей привезённые прямо из Парижа, из «Галери Лафайет», первые в жизни туфли на высоких каблуках, «летающее» платье и всё остальное.

– Господи, как чудесно! Только как же туда добираться? Самолётом из Минвод в Москву, и там ещё сутки лёту?

– Больше. С тремя пересадками почти вдвое выйдет до Веллингтона. Одна беда – в тысяча девятьсот двадцать пятый год даже из Москвы самолёты пока не летают...

Ляхов откровенно веселился, глядя на ошарашенное лицо любимой женщины.

²⁶ Кода – завершающая часть музыкальной пьесы, не принадлежащая к её основному содержанию (итал.).

– Всё! Приведи нервы в порядок и вели барышням собираться. Отбываем через час.

Барышни, получив новую команду, не высказали никаких сомнений. Кроме одного. Как быть с полевой формой и оружием, доставленным с Таорэры, и с туалетами, полученными здесь? По их лицам Майя видела, что всего суток хватило, чтобы кардинально изменить настрой: шикарные гражданские одежды начали казаться им большей ценностью, чем надоевшие доспехи.

– Заберём всё, – успокоил их Ляхов. – То и другое пригодится в равной степени.

Когда все, что называется, «сидели на чемоданах», Майя пошла будить Татьяну. Вадиму она объяснила, в каком та состоянии и настроении.

– Ей как раз там будет лучше, чем кому-нибудь другому. Стопроцентная изоляция от неуютного для неё мира. Лучшие во Вселенной врачи, лучшая аппаратура. Если нужно – приведём в психологическое состояние девственницы-первокурсницы, с полным сохранением памяти вплоть до текущего момента. Там и это умеют.

Глава 5

Некоторый шок у девушек всё же случился. Не от очередного межвременного перехода, этим их как раз не удивишь. Они никогда в жизни не видели моря, да ещё такого красивого, явившегося им в виде фьорда, окружённого зловеще-эффектными стенами скал. Да и на роскошном трансатлантическом лайнере им бывать не доводилось. Пароходы – это такое творение человеческих рук и разума, что не оставляют равнодушным никого своей грандиозностью, особой, ни с чем другим не сравнимой эстетикой и некоторой противоестественностью. Плавающий город из стали, способный пересекать моря и океаны со скоростью курьерского поезда – есть в этом нечто не от мира сего. Не зря как-то Воронцов сказал, что на его «Валгалле» можно прожить всю жизнь, и жизнь будет нескудной.

Майю же с Татьяной сильнее потрясло мгновенное перемещение на другую сторону Земли и почти на век в прошлое. Только теперь, пожалуй, они окончательно поверили, что никто не морочил им голову, и всё, о чём им рассказывали – истинная правда.

Ляхов посмотрел на Татьяну и отметил, какое громадное облегчение отразилось на её лице. Как у человека, долго плившего к берегу, потерявшего последние силы и вдруг почувствовавшего под ногами твёрдое дно. Он её понимал, на протяжении последнего года тщательно изучая жизненный анамнез пациентки.

Их встретили Воронцов с Натальей, как и положено скупающим хлебосольным помещикам, обрадованным появлением в своей уединённой усадьбе многочисленных неожиданных гостей. Что-то из «Мёртвых душ» здесь чувствовалось, и Вадим сильно подозревал, что Дмитрий Сергеевич это отлично осознаёт и намеренно форсирует сюжет именно в эту сторону.

После взаимных представлений и Майя с Татьяной, и каждая из девушек удостоились нескольких тёплых приветственных слов с предложением чувствовать себя как дома. Вестовые из палубной команды приняли багаж и унесли его в каюты, а гости отправились на ознакомительную экскурсию по Шлюпочной и Солнечной палубам. Расположенные на самом верху надстройки, не такие просторные, как остальные, они, тем не менее, имели площадь по четыре с лишним тысячи квадратных метров каждая. И в них размещались самые фешенебельные помещения общественного назначения: – бары, кафе, рестораны, музыкальные салоны, зимние сады, плавательные бассейны, спортивные площадки и так называемые курительные комнаты. В девятнадцатом – начале двадцатого века так назывался некий гибрид библиотеки и клуба, куда допускались только мужчины, желавшие в обществе подобных себе отдохнуть от постоянного присутствия рядом жён, любовниц, дочек, племянниц и прочих представительниц прекрасного пола, в окружении которых приходилось путешествовать. И где действительно разрешалось курить, пить и говорить что и сколько хочешь.

Сейчас, конечно, этот анахронизм места не имел, однако название и антураж сохранялись – традиционно. Вообще на «Валгалле» традиции соблюдались трепетно. Воронцов с Натальей обоснованно считали, что в сумятице миров и времён непременно должен существовать островок стабильности, не подверженный никаким посторонним влияниям известных и пока не известных реальностей. Потому на пароходе поддерживался первоначально установленный с момента спуска на воду уклад.

Всё увиденное восхитило даже ко многому привычных «кавалерственных дам», не говоря о курсантках. Жизнь, в которую им повезло попасть через смерть (о чём, они, конечно, не подозревали), продолжала демонстрировать им свою самую привлекательную сторону, о которой всего три дня назад они не могли и помыслить.

Прогулка заняла не меньше полутора часов, и это при том, что в большинство помещений они только заглядывали, чтобы составить первое впечатление.

– Сейчас, милые девушки, вестовые проводят вас в каюты, вы там осмотритесь, расположитесь и по специальному сигналу вернётесь вот сюда. – Воронцов обвёл рукой сплошь остеклённый салон, из которого открывался чудесный вид на фьорд и посёлок, увенчанный замком. – Часа вам хватит, я думаю.

Курсантки ушли, возбуждённо щебеча, словно на самом деле вообразили себя самыми обычными девятнадцатилетними девчонками. «Да так ведь оно и есть, – подумал Ляхов. – Они ведь ни на какой конкретной роли до сих пор не зафиксировались». Ему неизвестна была формула или методика, с помощью которой каждую из них предполагалось превратить в то, к чему они готовились. Ну и слава богу. Дадим волю случаю и естеству. О том, что это естество может завести совсем не туда, он не задумывался. На то есть старшие «братья и сёстры», легко решавшие задачи и посложнее.

– Ну, теперь давайте прикинем, что делать будем, – предложил Воронцов Ляхову и его спутникам. Все они разместились в плетёных креслах бара на широком балконе, окружающем верхний кормовой салон. Стюард немедленно подал дамам красное шампанское, мужчинам – фирменное пиво в литровых оловянных кружках.

– В качестве культурной программы предлагаю прогулку в открытый океан, в сторону Южных морей, – сказал Дмитрий, раскуривая трубку. – Я и так собирался пробежаться до Австралии, машины прокрутить и в навигации потренироваться, ну а теперь просто курс на восемь румбов²⁷ поменяем.

– Великолепно, – согласился Ляхов. Он сам с детских лет мечтал увидеть эти края, а уж на таком пароходе и в такой компании – чего лучше? Немного жаль стало, что нет с ними здесь Сергея Тарханова. Так и сидит безвылазно в своём кабинете, занимаясь чрезвычайно важными, но, увы, такими скучными делами.

Хотя, коль речь идёт о лечении Татьяны, он здесь был бы безусловно лишним. Сначала вернём ему (через сутки или неделю, сколько бы здесь ни прошло времени на самом деле) здоровую жену, тогда и подумаем о совместных развлечениях.

– Девушек мы решили поселить в стандартные двухкомнатные люксы на верхней палубе²⁸, – сказала Наталья. – Они ничего лучшего всё равно не видели, им должно понравиться, ну а для вас, Таня, найдём что-нибудь поинтереснее. – Майю она пропустила, считая, что если у Ляхова есть положенная по статусу каюта, то они там вдвоём и устроятся. Если не последует специальной просьбы.

– Вы какой стиль любите?

Татьяна не то чтобы растерялась, просто не поняла вопроса. О том, какими возможностями в смысле размещения гостей располагает «Валгалла», она не догадывалась.

– Да я... я и не знаю... Если девчат в двухкомнатные, мне зачем больше? Но, если предлагаете, наверное, есть и получше?

– Есть, есть, – с тонкой усмешкой, вместо Натальи Андреевны, ответил Вадим. Представляя, как будет поражена Татьяна, увидев нечто подобное его собственной «каютке». А уж апартаменты Ларисы, где сам он никогда не был, но кое от кого слышал отзывы, привели бы госпожу Тарханову в полное изумление. Что-то в этом роде имела в виду и Наталья, успевшая узнать о проблемах гостыи и представлявшая, на собственном опыте²⁹, терапевтический эффект внезапной реализации заведомо неисполнимых желаний.

– Смелее, смелее, Таня, – поощрил её Воронцов. – Полностью растормозите воображение. Просто из любопытства. Представьте себя богом, размышляющим, сумеет ли он создать неподъёмный для себя камень.

²⁷ Девяносто градусов по горизонту.

²⁸ Верхняя – в данном случае четвёртая палуба, считая сверху вниз, от Солнечной.

²⁹ См. роман «Одиссей покидает Итаку».

Татьяна посмотрела на Ляхова и Майю, пытаясь сообразить, в чём подвох. Вадим улыбался сочувственно и поощрительно, а подруга сама находилась в её положении, не понимая, о чём идёт речь.

– Я не знаю... Все самые шикарные номера кавминводских отелей, санаториев и частных вилл я видела. Работа у меня была такая, – сочла нужным пояснить, – признаться – ничего за пределы воображения выходящего. – Слегка подумала и решилась. А что? Если хозяева перед ней подобным образом вопросы ставят, деревенщиной воображают, она ответит. Пусть сами потом выкручиваются. – По слухам, есть в Париже отель «Риц», а в нём апартаменты для арабских шейхов, в сутки – дороже хорошего автомобиля. Как? Можете предложить? Допустимо?

Воронцов коротко рассмеялся и, подняв глаза к подволоку³⁰, процитировал: «Что отварные порционные судачки?! Дешёвка это, милый Амвросий. А стерлядь, стерлядь в серебряной кастрюльке, стерлядь кусками, переложенная раковыми шейками и свежей икрой?»³¹ – Впрочем, пусть будет так. Всегда можно переделать. Пойдёмте?

Лифт опустил их тремя палубами ниже. Человеку непривычному тишина и пустота корабельных коридоров, где должна была бы кипеть жизнь (по проекту прототип «Валгаллы» принимал на борт две тысячи пассажиров и нёс такое же количество команды и обслуживающего персонала), должна была показаться зловеще-пугающей. Или – наоборот. Сейчас на пароходе находилось чуть больше двадцати живых людей и полсотни андроидов.

Воронцов указал на вторую от площадки дверь.

– Входите...

Татьяна перешагнула высокий комингс и замерла, непроизвольно ахнув. То, что она небрежным и недоверчивым тоном попросила, распахнулось за стандартным тамбуром.

Огромная гостиная, устланная прекрасными коврами, круглый стол посередине, украшенный причудливыми деревянными кружевами и перламутровой мозаикой. Кожаные кресла и диванчики вдоль переборок, обтянутых парчой. Большие окна, полузадёрнутые шёлковыми шторами.

Живые, незнакомо и тонко пахнущие цветы в высоких расписных вазах.

Над столом – золотая люстра с сотнями хрустальных висюлек в несколько рядов.

Из гостиной вправо, отделённая фигурной аркой, вела анфилада столь же роскошных комнат. От обилия золота отделки и огромных зеркал невозможно было сообразить, сколько там помещений на самом деле. Бесконечная, сияющая и многократно пересекающаяся перспектива.

За левой аркой виднелся широкий коридор, тоже застеленный ковром, хоросанским, исфаганским – кто его знает? Ворсистым, зелёным, с ярким жёлто-красным орнаментом. Вдоль блестящей вишнёвым лаком переборки – ряд глухих, но украшенных искусной ручной резьбой дверей.

– Это что? Всерьёз? На самом деле? – От изумления и даже некоторого испуга у Татьяны пересохло во рту. В московских царских дворцах она видела и не такое, но там всё было естественно. Соответствовало времени и месту. Но здесь!

Пусть это хорошо подготовленный экспромт-сюрприз, можно допустить и такое. Только как Воронцов мог догадаться, что именно взбредёт ей в голову, если за секунду до вопроса она сама не представляла, о чём пойдёт речь?

Майя считала себя более подготовленной к чудесам «Валгаллы» и Форты Росс, Вадим ей кое-что рассказывал, однако демонстрация могущества «старшего брата» произвела впечатление и на неё.

³⁰ Подволок – по-флотски любой потолок на судне. Точнее – нижняя зашивка, деревянная или металлическая, вышерасположенной палубы.

³¹ М. Булгаков. «Мастер и Маргарита».

С лёгкой усмешкой, демонстрируя выдержку и способность принять любые чудеса как должное, она сказала:

– Чересчур аляповато. Кич, как на Западе выражаются.

Наталья Андреевна молча кивнула головой. Более неразговорчивой женщины Майя давно не видела. Хотя при её внешности и положении могла бы Ларисе дать сто очков вперёд. Воронцов снова хохотнул.

– Что заказывали, дорогие гости, что заказывали. За шейхов я не отвечаю. У каждого свои вкусы... Но копия – один в один.

Майя, иронизируя над «кичем», одновременно испытывала что-то вроде ревности. Татьяне, значит, предложили заказать жильё по вкусу, а ей – нет. Придётся довольствоваться тем, что Ляхов без неё выбирал? Хорошо, хорошо...

– Шейхи – понятно, где им культуры набраться? – Майя потянула подругу за руку. – Посмотрим, как там у шейхов, – и начала обход апартаментов.

Вернувшись обратно в предназначенный для ужина салон, Татьяна погрузилась в глубокую задумчивость, из которой её с трудом выводили точно рассчитанные вопросы Натальи.

Майя с Ляховым и Воронцовым предпочли выйти на палубу, в тень стоящего на киль-блоках моторного катера.

– Итак? – спросил Дмитрий.

– Я поражена, – первой ответила Майя. – Не знаю, как вы такое делаете, но для Татьяны – в самый раз. С её характером и комплексами этой «каютки» хватит, чтобы снова осознать себя личностью, а не несчастной жертвой обстоятельств.

– Какая жертва? – удивился Воронцов. – Мало я знаю женщин, в тридцать лет получивших то, что у неё имелось даже до появления здесь. Не хочу показаться грубым, но не зажала ли ваша протезе?

Тон у него получился весьма неодобрительным. На самом деле, у всех, считай, рыцарей «Братства» к тридцати годам в жизни не случилось ничего подобного. Да и перспективы радужными не казались. А тут – на тарелочке с голубой каёмочкой...

– Вам не понять, Дмитрий Сергеевич, – тихо ответила Майя. – Последний год – конечно. Повезло. И случилось столько всякого... А двадцать девять предыдущих вы не берёте во внимание?

– Думаю, терапия пойдёт успешно, – прекратил их рассуждения Ляхов. – Месяц полной изоляции от собственных комплексов и земной ноосферы повлияют благоприятно. Морское путешествие, желательно – изнурительные тренировки. Как с тем красавчиком у Джека Лондона, которого капитан заставил драить наждаком якорную цепь... Тем более, как говорил мне Александр Иванович, у вас найдётся возможность приставить к ней психотерапевта такого класса, что мне и не снилось...

– Причём желательно женщину в годах, с первого взгляда подавляющую своим авторитетом и квалификацией, – вставила Майя, живо представив Прасковью Ильиничну, только в белом халате и с фонендоскопом на шее.

– И это без вопросов. Завтра с утра и найдём...

Искать Воронцову никого не требовалось, любой андроид немедленно был готов к названной функции, однако он считал, что сегодня должен состояться лёгкий и непринуждённый вечер по случаю прибытия дорогих гостей. Потом Татьяна выпитая в своих апартаментах «а ля Тысяча и одна ночь», а утром или через три дня – видно будет, от чего её лечить, и стоит ли вообще, как в циничной врачебной шутке³².

³² «Ну что, будем лечить, или пускай живёт?»

Девочки вернулись из своих кают, восхищённые не меньше Татьяны, но без её комплексов. Вся их недолгая жизнь прошла в казарме (как её ни назови), они и вообразить не могли, что каждой достанется столько свободного, абсолютно индивидуального пространства, оснащённого виденными в кино или вообще невиданными достижениями цивилизации.

Примерно так себя почувствовали на борту «Валгаллы» белые офицеры после эвакуации, трупоб Константинополя и жуткого галлиполийского концлагеря³³.

За столом каждую обслуживал личный стюард. Капитан парохода, его жена (милейшая женщина) и все остальные относились к гостям со всей внимательностью и нелицемерной заботой. Сейчас Дайяна, Лихарев, другие инструкторы казались бывшим курсанткам совершенно чужими и далёкими людьми, новая встреча с которыми представлялась чем-то пугающим и глубоко неприятным. Невыносимым даже.

подавали жареных бекасов, сегодня только подстреленных в окрестных холмах, всевозможные паштеты и салаты, «морских гадов» в ассортименте, от крабов до трепангов, тушённых с рисом и специями, бокалы наполнялись тончайшими лёгкими винами. И никто не сказал юным красавицам, что сегодняшняя вечер – первый и на очень длительный срок последний. Завтра начнётся суровая служба и питание из «матросского бачка», кстати, по вкусу и разнообразию тоже намного лучше того, чем их кормила Дайяна.

– Если ты не против, – предложил Воронцов, когда настало время покурить, – я приглашу достаточное количество офицеров с «Изумруда», чтобы они заняли девушек и женщин танцами и ни к чему не обязывающим флиртом. Парни очень соскучились по свежим лицам. А мы с тобой в другом месте поговорим серьёзно.

– Зачем – ни к чему не обязывающим? – удивился Вадим. – Пусть господа офицеры проявят себя как раз в способности изобразить обязывающие отношения, а там посмотрим, у кого из девчат какая психологическая устойчивость. Я ведь боевых «валькирий» из них мечтаю сделать, раз мы на «Валгалле» находимся, а кто иначе себя осознает – пусть будут счастливы на ином поприще.

В голове у Вадима гудел ветер свободы (захочу сейчас – тут и останусь, и гори огнём Академия и флигель-адъютантские аксельбанты!), сильно раскрученный запахом моря и личной дозой коньяка.

Воронцов его понимал, сам чувствовал себя похоже, впервые очутившись в Замке, том, настоящем. От службы отказался ради новых возможностей, а главное – шанса переиграть прошлое. Не с Отечественной войной, а с самим собой. Не сумел вовремя, в лейтенантские двадцать три года, убедить любимую в том, что только он ей нужен всерьёз, а тут предложили попробовать снова. Тебе тридцать пять, ей тридцать один, она готова полюбить тебя нынешнего. Ты – готов? Или до пенсии будешь перед сном мусолить очередную упущенную возможность.

Дмитрий выбрал предложенный вариант. Безусловно, выбор был совсем не прост. Но он его сделал. И с тех пор ни разу ни о чём не пожалел³⁴.

– Надеюсь, так и получится, – примирительно сказал Дмитрий. – Если даже какая-то из девушек увлечётся сегодня «не знавшим слов любви» лейтенантом, с начала Великой войны не сходящим с мостиков эсминца, артиллерийских площадок «Валгаллы» или пехотных окопов Крыма – хуже никому не станет. Не думаю, что Дайяна воспитывала своих боевых кошечек в стиле «Кирхе, киндер, кюхе»³⁵.

³³ См. роман «Бульдоги под ковром».

³⁴ См. роман «Одиссей покидает Итаку».

³⁵ Церковь, дети, кухня (нем.).

– А кто её, хозяйку, знает? Вдруг у них через раз: одним первые «три К», другим – вторые³⁶, – возразил, как специалист психологических войн, Ляхов.

– Так тем более! Ты с женой и подругой поживёте недельку-другую и всё сами увидите. Я своих мнений никогда никому не навязывал. Иногда, признаться, – Воронцов вдруг изобразил на лице мечтательность, – не хватало самоконтроля, чтобы удержаться от слов: «А я что говорил?!», – сказанных прямо в лицо адмиралу, явственно для всех севшего в... лужу. После вполне квалифицированного предостережения этого не делать.

– Ах, как здорово! – восхитился Ляхов. – Всю жизнь аналогичная у меня с вашей ситуация. Папаша мой, натасканный в аппаратных играх человек, с детства предупреждал – ничего ты со своей дурацкой натурой в жизни не добьёшься. Защищай докторскую диссертацию и после того носи любую пургу студентам. Те поймут и даже одобряют. Иной способ карьеры для тебя заказан.

– Умный у тебя был папаша. Зря ты его не послушал. Но теперь уж нечего делать. Давай исходить из текущих возможностей... Неделку ты у меня здесь посидишь, отдохнешь и постепенно разберёшься, в чём смысл твоей тамошней жизни. Мы твои варианты обсудим, после чего придём к чему-то среднему. Затем – примешь окончательное решение. До тех пор с вашими жёнами и племянницами поработаем, для общей пользы и удовольствия. Устраивает?

– Да, Дмитрий Сергеевич, – впал Ляхов в телячий восторг уважения к старшему товарищу, – я ведь ничего другого и не хотел...

– Отлично, – вдруг посерьёзnel адмирал, – отлично, что ты так хорошо меня понял. Одна беда – не полностью и не до конца. Видишь ли, тут такая штука. Все мои друзья и твои тоже сейчас застряли в очень трудных временах и позициях. Посылка в виде эти прелестных девчонок – отнюдь не признак успеха и благополучия. Есть мнение, что совсем наоборот. Сразу три войны им вести приходится, англо-бурскую (но это пустяк в сравнении со всем остальным), испанскую гражданскую, и межпланетную на нескольких фронтах с до сих пор не понятыми аборигенами стопроцентно чуждой нам Земли-2. Там вообще мрак. Враги атакуют и в прошлом, и в параллели тридцать восьмого года, которая теоретически не существует, да ещё и постоянно высаживают десанты на Валгалле-Таорэре. Они и сбили флигер с Лихаревым и девушками. А в одной стычке Новиков получил такую психическую контузию, что едва-едва выкарабкался...

Ляхов представил себе то, о чём сказал Воронцов. Ему самому довелось поучаствовать лишь в одном эпизоде этой непонятной и бесконечной войны внутри и между реальностей. А «братья» на ней – как на работе.

Странно и безнадежно, если задуматься. А куда денешься? Он сам – человек военный. От природы, по праву рождения. «Наше дело – стрелять и помирать, если придётся. А за что и когда – государь Император знает». Попробовал вспомнить – а когда-нибудь за всю писаную историю его Россия (и все параллельные тоже), сама начинала хоть одну войну? Просто так, из любви к искусству или в поисках «лебенсраум»³⁷. Нет, не вспомнилось, хотя историю учил хорошо, и в гимназии, и особенно в Академии. Или оборонялись, или в очень редких случаях заступались за обиженных, вроде болгарских «братушек», замордованных до последней крайности агрессивными соседями армян и грузин. Ничего не получая взамен, кроме раскиданных по всему свету солдатских могил и тайной ненависти с камнем за пазухой со всех азимутов.

Так на хрена нам этот крест? России как таковой и «Братству» в частности.

Так он и спросил Дмитрия Сергеевича. В принципе, зная ответ, просто для душевного успокоения.

Тот смотрел на полковника внимательно, постукивая чашкой трубки по ладони.

³⁶ Три «К» для немецких мужчин: «Кайзер, криг, канонен» (Император, война, пушки).

³⁷ Жизненное пространство (нем.).

– Не слышал такой стих? Впрочем, откуда? У вас этот поэт не состоялся.

«Что защищать? Заржавленные пушки,
Две улицы то в лужах, то в пыли,
Косые гарнизонные избушки,
Клочок не нужной никому земли?
Но всё-таки ведь что-то есть такое,
Что жаль отдать британцу с корабля?
Он горсточку земли растёр рукою:
Забывая, а всё-таки земля.
Дырявые, обветренные флаги
Над крышами шумят среди ветвей...
– Нет, я не подпишу твоей бумаги,
Так и скажи Виктории своей!»³⁸

– Доходчиво? Насчёт «заржавленных пушек», конечно, под горячую руку сказано, такого в армии не бывает, а остальное – сам суди. С самого первого дня нашей эпопеи выбора не было ни у кого, ни разу. Да хоть свой личный опыт возьми. Начиная с перевала имелась у тебя в жизни достойная альтернатива? Вот сейчас, ты думаешь, она появилась...

Вадим удивился, как точно просчитал Воронцов его настроение.

– Ничего не появилось. И не появится. Сей крест мы на себя возложили добровольно, раз и навсегда. Поздно молиться: «Да минует меня чаша сия». Христа не миновала, нас – тем более.

Воронцов снова несколько раз сильно потянул трубку, запыхал, разжигая почти погасший огонь.

– Таким образом – в любом варианте незачем без толку дёргаться. Что будет – то и будет. Сам понимаешь – я тебя не гоню. Живи, сколько душа просит. Любому солдату нужен отпуск с фронта. Мы с тобой ещё многое успеем обсудить. А уж потом... Если согласишься – вернёшься в Москву, и начнём работу. Как я её вижу – сейчас не скажу. Сам, надеюсь, догадаешься. Нет, я тебя не брошу, – счёл нужным уточнить он, когда дым из «Петерсена» пошёл, как надо. – Просто – взрослеть пора...

Слова эти в первый момент показались Вадиму странными. Куда уж, казалось бы? Столько он успел пережить, увидеть, повоевать. Потом сам, без подсказки, сообразил. Взрослеть – не стать старше на год или два. Перейти в иное качество. Из куколки – в имаго³⁹. Сначала был обычным, ничем не примечательным человеком. Каким-то образом оказался причислен к послушникам, кандидатам в рыцари «Братства». А теперь – или (когда командиров рядом не осталось) сам первый выскакивай на бруствер с винтовкой наперевес, или...

– Я всё понял, Дмитрий Сергеевич, – ответил Ляхов. – Желаящего судьба ведёт, нежелающего – тащит, как говорили древние. Но давайте сегодня на этом закончим. Я тоже хочу принять участие в общем веселье.

– Как водится. Не смею препятствовать. Только последнее – чтобы было о чём подумать на досуге. Александр Иванович – наставник и рекомендатель твоего брата Фёста. Если хочешь – я буду твоим. Для баланса. Ловушка, чем бы она ни была – явление неразумное. И когда карты хорошо перетасованы, шестёрки объявлены тузами и наоборот – связность системы вполне способна выйти за пределы механического анализа.

– Не совсем понял, – осторожно ответил Вадим, хотя уже начал догадываться.

³⁸ К. Симонов. «Поручик».

³⁹ Имаго (лат.) – окончательная стадия индивидуального развития живого организма.

– Разочаровываешь. Тогда совсем просто. Фёст будет жить и действовать по логике и в стиле Шульгина. Ты – по своей, с учётом манеры Воронцова. В итоге выйдет трудно алгоритмируемый коктейль. Как тебе?

– Гениально, Дмитрий Сергеевич, – без тени лести ответил Ляхов. – При таком раскладе сам чёрт ногу сломит, не говоря о какой-то Ловушке...

– Вот и ладно. А теперь, как на старом флоте принято: «Команде песни петь и веселиться».

Ляхов думал, что состоявшийся у него с Дмитрием Сергеевичем разговор и был тем «серьёзным», что Воронцов подразумевал. Но нет. Серьёзный начался гораздо позже.

Сначала к вываленному на правый борт «Валгаллы» парадному трапу подошёл командирский катер с «Изумруда». Из открытой задней каретки с достоинством поднялись девять лейтенантов и мичманов во главе с кавторангом Белли. Все в белых кителях, брюках и туфлях, при золотых погонах и кортиках на чёрных муаровых лентах. По традиции кают-компания крейсера – в тёмно-красных шёлковых носках и с того же цвета платочками, уголком торчавшими из карманов кителей.

Взошли на палубу, дружно отдали честь встретившему их на шканцах Воронцову, но смотрели вверх и правее адмиральской головы. Уж больно неожиданным было зрелище.

Что адмирал приглашает всю кают-компанию (за исключением трёх неудачников четвёртой вахты) на ужин, командир сообщил, но о том, зачем и почему вдруг – не обмолвился.

Потому как сам не знал. Воронцов любил делать подчинённым сюрпризы. Предпочтительно – приятные. Жаль, не всегда получалось. Зато сейчас получилось в полной мере.

Вот вам, господа офицеры, «пенители морей», подарочек. Тремя палубами выше, вдоль планширя выстроились девять девушек. Невообразимой прелести. Красивые лица, роскошные волосы, открытые платья... Жаль, что фальшборт скрывает то, что ниже пояса. Но ведь ненадолго?

Откуда это чудное виденье?

– Господа, – звучно обратился адмирал к бело-золотому строю. – Направление вашего внимания мне очевидно и понятно. Но прошу уделить толику и мне.

Офицеры вытянулись, согласно уставу, «поедая начальство глазами», а Белли из-за спины всем сразу показал кулак.

– К нам прибыли гости, точнее – госты. Для отдыха и доступных развлечений. В течение сегодняшнего вечера я прошу уделить им настоящее флотское внимание. Ужин, танцы, приятные беседы и всё такое. Время мероприятия как такового не ограничено. Соблюдение распорядка службы оставляю за капитаном Белли.

Ясное дело, адмирал не смог обойтись без очередной иезуитской выходки. То есть предоставил Владимиру решать – позволить прибывшим на «Валгаллу» офицерам гулять «до упора» или в положенное время обеспечить смену вахт. Только, значит, у кого-то (у троих подвахтенных) завяжутся интересные отношения – и извольте. Катер у борта, пожалуйста вниз. Четыре часа кукуйте на мостике, заноса в журнал положение крейсера относительно якорной цепи, и любуйтесь в бинокли на палубу такого близкого парохода. Смотрите, как отстоявшие своё товарищи обнимают девушек, только что обнимавших вас. И нет гарантий, что завтра получится то, что начало получаться сегодня.

Неразрешимая антиномия: «Что лучше – ждать и не дожидаться или иметь и потерять?»

Казалось, раз плюнуть Воронцову приказать «Изумруд» пришвартоваться борт к борту – и никаких проблем.

А вот нет! Служба мёдом казаться не должна. Даже в этом странном мире. Или – именно в нём.

– Есть, ваше превосходительство! – чётко ответил Белли, мгновенно прокрутивший в голове все вышеназванные варианты.

– Приятно слышать, – сделал совсем простецкое лицо Воронцов. – В таком случае – вольно. На меня внимания разрешаю больше не обращать. Я даже китель сейчас сниму. Если вдруг потребуете обратиться – Дмитрий Сергеевич, и никак иначе. А лучше бы и не потребовалось. Моя супруга сейчас всех друг другу представит – и отдыхайте.

Всё ещё скованные дисциплиной и неясностью обстановки офицеры двинулись к трапу. Однако – многозначительно переглядываясь. С понятным всем нормальным мужчинам намёком: если я на какую-то глазури положил, ты уж не мешай, пожалуйста. Только когда явно подальше пошлёт – тогда твоя очередь.

Наталья, перед тем как начать процедуру знакомства, указала, куда сложить кортики. Для непринуждённого общения, тем более танцев – атрибут явно лишний.

Воронцов выбрал для уединения с Вадимом весьма удобную точку – кормовой выступ балкона Солнечной палубы. Снизу их заметить очень трудно, особенно в наступающей ночной тьме, а ярко освещённая площадка Шлюпочной, на которую открывались двери предназначенного для вечеринки салона – как на ладони. И видно и слышно.

– Дмитрий Сергеевич, – спросил Ляхов перед тем, как Воронцов начнёт свою тему, – зачем вы пригласили девять офицеров, а не семь?

– Неужто взревновал, полковник? – Дмитрий поднял руку и неизвестно откуда возникший вестовой наполнил бокалы терпким хересом. – Вроде врач, психолог, командир-единоначальник, – оценка прозвучала скорее разочарованно, чем иронически. – Как-то вас в вашем мире... недоучивают, что ли? Куда уж проще? Семь мичманов и лейтенантов перессориться должны, что ли? Они у нас ребята воспитанные. В танцах и прочих беседах две дамы постоянно остаются лишними. Из вежливости пригласишь, а в это время товарищ перехватит ту, что тебе больше других интересна. И так далее. Затем – вашей Татьяне терапия нужна? Пусть ею для начала бравадный мичманец займётся. А твоя Майя чем хуже? Была такая песня в моей молодости: «Стоят девчонки, стоят в сторонке. Платочки в руках теребят. Потому что на десять девчонок по статистике восемь ребят...» Или девять, не помню точно. От тебя так и так не убудет, а ей – молодость вспомнится...

Возразить было совершенно нечего. Однако – не совсем та психология у адмирала. Правда что – из другого мира человек. Близкого – но другого.

Пока Воронцов объяснял Вадиму, каким образом тому следует вести себя в отношениях со своим двойником-аналогом, в обеих нераздельно-неслиянных реальностях, и каким образом можно будет использовать окончивших стажировку на «Валгалле» девушек, банкет внизу набирал обороты.

Майя через Анастасию передала остальным, что все боевые инстинкты до утра следует забыть. Любое действие кавалеров воспринимать исключительно как знак симпатии и восхищения. Но – без крайностей. Если у кого вдруг и появятся «чувства» – сохранить на будущее. Жизнь не сегодня кончается. И не завтра, скорее всего.

– Эти люди – наши. Такие как я, Татьяна Юрьевна, Вадим Петрович, Андрей Дмитриевич... Александр Иванович, – чуть замявшись, добавила Майя. Смешно ведь, а на мгновение смутилась. Эта девчонка испытывает к Шульгину (почему-то она так вообразила), те же чувства, что и ей довелось, пусть всего на несколько часов. Но был ведь момент. Совсем не любовь, и не короткое сексуальное влечение, неизвестно с чего могущее возникнуть даже в отношении полного ничтожества, а...

Майя не сумела это выразить, не только словами, но и на уровне ощущения.

– Поцеловаться, если очень захочется – можно, – продолжила она инструктаж скучным голосом. – Пообниматься в укромном месте – тоже. И достаточно...

– Майя Васильевна, – неуверенно спросила Настя, – а если вдруг замуж пригласят?

Ох, ты! И такие мысли у красоток в голове бродят. Дайяна внушала или от чтения не предусмотренных программой книжек в головах возникли?

– Рано вам замуж, – Майя придала голосу интонации Прасковьи Ильиничны. – Сначала здешний «курс молодого бойца» пройти надо, хоть полгодика на окружающую жизнь посмотреть. К парням как явлению природы присмотреться, вдруг через месяц «тот самый, единственный» встретится, а ты – уже! Запомни и другим передай – «Береги честь смолоду».

– «Честь» – это к нам не относится, – с некоторым вызовом сказала Вельяминова.

– Это кто же тебе такую херню сказал? – Майя только в мужском обществе придерживалась приличий, в женском – выражений не выбирала.

– Дайяна. Так и сказала. Для вас это – оружие и инструмент, а человеческие выдумки – пусть для них и остаются.

– Вот стерва старая! – возмутилась Майя. – Вам что было сказано? Теперь нас слушаться будете, на остальное – наплевать и забыть. Доходчиво?

– Так точно, Майя Васильевна.

– Слава богу. Когда можно будет – я скажу. Теперь идите, развлекайтесь...

– Насколько я понимаю, – продолжал ранее затронутую тему Воронцов, – у вас там скоро начнутся очередные события. Не могут не начаться...

– Отчего вдруг? – удивился Вадим. – Порядок вроде навели, власть императорская укрепляется, народ доволен, оппозиции, считай, что и нет, кроме «высочайше утверждённой». Господин председатель кабинета министров и канцлер Каверзнев своим бывшим соратникам отчётливые рамки очертил...

– Снова ты, брат, наивность демонстрируешь. Впрочем, как же иначе? Мы тоже поначалу вообразили, что все проблемы решены, остаётся жить и радоваться. Оказалось совсем не так. Законы Ньютона не только в физике, они в природе и в политике так же точно действуют. «Действие равно противодействию», «Угол падения равен углу отражения» и тому подобное.

Если даже принять, что после акции Шульгина наши реальности от Великой Сети изолированы, так, по сути, ничего ведь не изменилось. Представь, что мы потерпели кораблекрушение (тьфу-тьфу-тьфу), оказались на необитаемом острове. Но на корабле кроме нас имелаась партия хищников, как в «Полосатом рейсе». Или, как в «Таинственном острове», несколько вооружённых пиратов. Вот и дилемма – или мы их, или они нас. Тerciо нон датур. В нашем случае это – Ловушка, оставшаяся вместе с нами внутри изолята. Продолжающая исполнять прежнюю программу: не допустить победы вновь создаваемых мыслеформ над изначально заложенной в неё схемой мироустройства...

– Вы-то откуда это знать можете?

– Само собой – ниоткуда. Косвенная информация. От Антона, от Замка, путем личных наблюдений и размышлений... Но отсюда вытекает нормальный вывод – путём экстраполяции. Если даже всей вашей мощью удастся удержать ситуацию внутри страны – непременно начнётся что-то извне. Скажем спасибо, если и у вас дуггуры не объявятся. Но и без них врагов в избытке. Поскольку, что очевидно, нынешнее государственное устройство России заведомо не предусмотрено, поскольку при дальнейшем развитии способно перевести её из химерической в натуральную реальность. Доходчиво?

– Не совсем. Почему это при демократическом устройстве моя Россия является «химерой», а при монархии – уже нет?

– Да просто потому, что развилка случилась не там, где надо. Если бы до февраля семнадцатого – монархия сохранилась естественным образом. Если после восемнадцатого – должны

были победить красные. Опять же никакой демократии. А у вас, как мы просчитали, единственная трёхдюймовка бахнула с перелётом на одно деление, генерал Корнилов остался жив и сумел переломить ход Гражданской войны. Точно, как если бы адмирал Макаров не взорвался на mine в Порт-Артуре. «Химера», брат...

Аналогично – серьёзные беспорядки начнутся и в мире Фёста. Синхронно или со сдвигом по фазе – предсказать не берусь. Если наша команда в ближайшее время со своими делами не разберётся – рассчитывать вы с Фёстом можете только на себя, меня да ещё вот на девочек... В крайнем случае – будет куда отступать. Только именно в крайнем. Я рассчитываю на более оптимистичный исход...

Ляхову стало неуютно. Возвращаться домой, где скоро начнётся нечто такое, в сравнении с чем его предыдущие приключения – мелкая рябь на воде? И не возвращаться нельзя. Это в мирное время отъезд по личным делам – отпуск той или иной продолжительности. В военное – дезертирство со всеми вытекающими последствиями. Не военный трибунал, так суд совести.

– Запомни следующее. Пока не было случая, чтобы наши мыслеформы Ловушка сумела подавить. С трудом, но мы всё равно выигрывали. Так и дальше будет. Наши силы растут, она слабеет...

– С чего бы вдруг? – удивился Вадим.

– Один человек сказал. Без постоянной подпитки извне её моторесурс вырабатывается. Мы всё время выдаём ей вводные почти на пределе возможностей. Непрерывно меняем логики. Тут недавно ещё один хороший товарищ к нам присоединился, тоже из «химеры», две тысячи пятьдесят шестого года. Большой специалист по искусственным разумах и всякой прочей хреновине. Он и просчитал, что Ловушка, если она есть, просто обязана работать в режиме истощения. Противодействие будет слабеть, принимаемые ею решения, примитивно выражаясь, проявлять все признаки старческого слабоумия... Так и сдохнет, забыв, кто она, зачем она, пуская слюни и оправляясь под себя.

Образ получился впечатляющим.

Вестовой снова налил им вина. Ляхов сверху видел, как высокий черноусый лейтенант кружит Майю в подобию вальса. И той это очевидным образом нравится.

А уж как бал, жаль, что не маскарад, нравится девчонкам!

Те прямо сияют, порхают, тают... Какие ещё обозначения их эмоций можно придумать?

– Вот поэтому, для окончательного приведения Ловушки в означенное состояние, и работают наши товарищи, – продолжил Воронцов, сделав глоток. – А мы им в поддержку откроем ещё два фронта. Для полноты стратегической внезапности Фёст у себя действует полностью автономно, не посвящая в свои планы ни меня, ни тебя. Ты его до поры тоже к своим заботам привлекать не станешь. Вот и посмотрим, какая в итоге конфигурация выстроится...

– Но цель! У любой операции должна быть цель. Иначе будем кружить на месте, как слепой в тумане... – Труды теоретиков от Сун-Цзы до Клаузевица и генерала Брусилова Вадим уже успел изучить досконально. Более современных начнут преподавать на следующем курсе.

– Цель у вас с Ловушкой будет общая. По форме. Сохранение стабильности во вверенном регионе и недопущение возникновения посторонних мыслеформ. Поскольку сам ты их пока создавать не умеешь, особого интереса для Ловушки не представляешь. А вот если дестабилизирующие мыслеформы начнёт конструировать кто-то другой, ты с помощью вверенных вам с Тархановым спецслужб это непременно обнаружишь. Вот тут тебе девчата и пригодятся. Интуиция насчёт всякой чертовщины у них природная. Да и здесь за время учёбы мы их немного поднатаскаем... На сегодня всё. – Воронцов поднялся с кресла. – Иди, повеселись с народом. Завтра, глядишь, что-нибудь ещё интересное в голову придёт, тогда и продолжим.

Глава 6

Весна в этом году выдалась ранняя и удивительно тёплая. Уже в первых числах мая вся городская растительность буйно зазеленела, и готовились цвести каштаны. Температура устойчиво держалась около двадцати пяти градусов, и пусть море пока оставалось прохладным, в купающихся на пляжах Аркадии, Ланжерона, Лузановки не было недостатка.

Вдоль улиц и бульваров появилось множество столиков под яркими зонтами, время за которыми проводили в основном местные жители. Настоящего наплыва отдыхающей публики пока ещё не было, в холодной и дождливой Центральной России людям трудно было поверить, что на Юге погода совсем другая.

Сравнительно молодой человек, не так давно переваливший сорокалетие, сидел на веранде кафе метрах в тридцати от Воронцовской ротонды, откуда открывался прекрасный вид на Потёмкинскую лестницу и на всю перспективу Приморского бульвара до самой Думской площади. Изредка поднося к губам побуревший от времени и дыма мундштук слоновой кости с вставленной в него сигаретой без фильтра, он любовался то ли великолепными древними платанами, то ли девушками и дамами, прогуливавшимися под их сенью.

Означенный господин, с точки зрения физиономиста средней руки или рядового сотрудника губернского жандармского управления (заинтересуй он их), выглядел не более чем небогатым лицом «свободных профессий»: коммивояжер, провинциальный журналист, помощник присяжного поверенного, в крайнем случае. Костюм так себе, туфли и снову не из лучших магазинов, а сейчас изрядно поношенные, и весь остальной антураж того же класса. Да и кружка пива, которую он тянет слишком долго, словно на вторую денег может и не хватить, дополняла картину. Никого такой человек не заинтересует.

Тем не менее Игорь Викторович, никуда не спеша, с истинным удовольствием отхлёбывал время от времени из высокой фарфоровой кружки очень недурственное «Большефонтанское» пиво. Торопиться ему действительно было некуда, а уж заказывать ли ещё или перебраться в другое заведение – ему лучше знать, в чужих советах не нуждается. В этом смысле он и ответил нагловатому половому, позволившему себе заметить, что второй час занимать столик, ничего не заказывая, – не по делу.

Выразился Чекменёв на самом деле гораздо грубее, порадовавшись одновременно, что стиля не утратил и в состоянии выглядеть человеком, которому каждый лакей считает возможным в открытую хамить. Заодно проверил и другую способность – так глянуть и так процедить сквозь зубы сугубое оскорбление, одно из самых модных в этом сезоне на Молдаванке, что парень отшатнулся, будто получил удар не словесный, а физический. (По случаю отсутствия масштабной Гражданской войны и последующей советской власти Молдаванка в Одессе сохранилась в почти первозданном виде, архитектурно, психологически и по роду занятия большинства её обитателей, продолжая радовать любителей местной экзотики).

Сделав половому успокаивающий жест, мол, вали отсюда, шлемазл, я тебя не трону, Чекменёв продолжил своё занятие, то есть – покуривал, изредка поднося к губам кружку, рассеянным взглядом озирает то набережную, то сверкающее солнечными бликами море, удивительно пустынное сегодня.

«Всё ж таки моё положение имеет массу преимуществ, – думал Чекменёв, – не занимаемая штатной и публичной должности, оставаясь неизвестным в лицо и по имени подавляющему большинству населения, и даже журналистам и дальновизорщикам, можно вести себя как заблагорассудится, исходя исключительно из пользы дела. Главное, чтобы вовремя получалось эту самую пользу обосновать и подтвердить весомым результатом. Остальное спишется...»

Действительно, вскоре после коронации Олега Константиновича, Олега Первого на российском престоле, Чекменёв оставил достаточно обременительный пост начальника разведу-

правления штаба Гвардии, якобы по причине того, что в связи с изменившимися обстоятельствами смысл и содержание этой должности более не соответствовали его интересам и квалификации. На самом деле, в новой самодержавной России его служба из единственной опоры и надежды «латентной монархии» начала превращаться в достаточно рядовое учреждение вновь формируемой системы власти.

В России началось четвёртое, после Смуты, Петровских реформ и Гражданской войны, полное переформатирование государственного устройства Великой Державы. Слава богу, пока гораздо менее болезненное, не влекущее за собой слома жизненных устоев миллионов «простых» и не очень простых людей. И в этом процессе такому человеку, как генерал Чекменёв, нужно было искать подходящую характеру и обстоятельствам экологическую нишу, политическую и нравственную.

Никуда, конечно, Игорь Викторович из ближайшего окружения Императора не ушёл, просто превратился в очередного «криптократа» – «человека с тысячью лиц». Для тех, кто его хорошо знал и раньше – устранившегося (или отстранённого) от практической работы, но оставшегося ближайшим генерал-адъютантом Его Императорского Величества, с обширнейшими, как все понимали, но неопределёнными полномочиями. Серого кардинала, имеющего, как те же «знающие люди» понимали, власть, почти сравнимую с императорской. И разведка с контрразведкой из его рук, пожалуй, никуда не делись, и массу новых функций он наверняка приобрёл. А попробуй разберись в текущих раскладах, если все карты на столе – рубашками вверх.

Для всех же прочих такой фигуры как бы и вообще не существовало. Под многими именами Чекменёв имел достаточное количество вариантов личностей, в которые, по мере необходимости и желания, перевоплощался. Что давало ему возможность, в отличие от иных сановников его уровня, находиться, наподобие Гарун аль Рашида, в центре реальных обыденной жизни и постигать её изнутри, а не посредством профильтрованной нижестоящими инстанциями информации.

Олег Константинович вполне поощрял означенную методику, по соображениям как государственным, так и личным. Постоянное пребывание Чекменёва рядом с собой его моментами утомляло. Напорист и настойчив временами Игорь Викторович был сверх всякой меры. Только кто эту меру определял?

Да, в море перед Одессой не видно было ни одного заслуживающего внимания теплохода, пассажирского или торгового. Это удивляло. Словно действительно уже началась война, и город подвергается дальней блокаде. Как писал Паустовский, живший здесь и ходивший по этим улицам почти сотню лет назад: «Море было таким пустынным, как в те времена, когда человек не научился строить даже плоты. Можно было неделями и месяцами всматриваться с бульвара в даль и не увидеть ничего, кроме вспышек солнца и колебания волн»⁴⁰.

Только у самого горизонта внимательный глаз мог различить идущее с юга судно, тип и класс которого пока определить было невозможно за дальностью расстояния. Невооружённым глазом, естественно. Когда генерал поднёс к глазам портативный, но десятикратный бинокль, стало ясно, что это именно то, что он и ожидал здесь, под тентом кафе чуть левее памятника Дюку и знаменитой, единственной в мире лестницы.

Одна из личных яхт господина Катранджи. Кажется, «Лейла», силуэт достаточно характерный, две мачты, надстройка, занимающая две трети палубы, довольно высокая, чуть склонённая назад дымовая труба. Очень красивое судно, а внутри, по агентурным данным (от безвременно погибшего Фарид-бея, господина Насибова тож), вообще «Сказки венского леса». Богатейший человек, не входящий в «Периметр» мира, глава «Чёрного интернационала» и

⁴⁰ К. Паустовский. «Время больших ожиданий».

вообще чёрт его знает кто ещё, имел такую простительную в его положении слабость – в нерабочее время наслаждаться жизнью «на всю катушку», как в России почему-то говорится.

В рабочее – умел довольствоваться глотком воды и куском лепёшки, если обстановка того требовала.

Да и тот факт, что он решил лично прибыть для переговоров в самое логово врага, имеющего к нему серьёзнейшие претензии, говорило о многом. Достойный противник.

У Игоря Викторовича было достаточно собственных подходов к окружению Ибрагим-бея, и при необходимости он не преминул бы ими воспользоваться. Только до определённого времени не считал нужным этого делать. Фрукт должен созреть. Ну вот, кажется, это случилось.

Две недели назад от одного из своих агентов Чекменёв получил зашифрованную абсолютно нераскрываемым (спасибо математику Маштакову) способом телеграмму, которая имела вполне внятный и разумный текст, но при перекодировке через специальный трансмиттер приобретала совершенно другое содержание.

Агент, совмещавший собственный бизнес с должностью почётного консула России в Тунисе докладывал, что на него вышли люди Ибрагим-бея, прекрасно осведомлённые о его связях с российской разведкой.

«Хорошо хоть, что только «о связях», а не о том, что носящий вполне арабское имя владелец небольшой паровой компании является подполковником этой самой разведки», – подумал Чекменёв. Отчего и почему Катранджи избрал именно такой способ контакта, хотя без всякого риска и «потери лица» имел массу способов обратиться напрямую, он вникать не стал. Несущественный пока момент.

Агент сообщал, что без всяких дипломатических околичностей ему было предложено, «за приличное вознаграждение» передать по своим каналам приглашение господину Чекменёву встретиться в ближайшее время и в любом удобном месте с лицом, которое ему, безусловно, известно, но до сих пор не имевшим возможности повидаться с глазу на глаз. Никаких недостойных высоких договаривающихся сторон заверений в гарантиях безопасности, конфиденциальности встречи и тому подобных глупостей письмо не содержало.

Императору об этом послании Игорь Викторович докладывать не стал. Обычный оперативный случай. Вот если появятся какие-то конкретные результаты, тогда и поговорим.

Он связался по обычному международному телефону с указанным ему резидентом номером, как рядовой клиент, и открытым текстом сообщил, что условия контракта его устраивают, фрахт подтверждается, груз необходимо доставить франко-порт⁴¹ Одесса не позднее такого-то числа.

Собеседник выразил полное удовлетворение взаимовыгодной сделкой и пообещал сегодня же перезвонить и уточнить место и время встречи со стивидором⁴².

Чекменёв надеялся, что со своей стороны Катранджи примет все необходимые меры предосторожности. Ему самому на территории России опасаться было нечего. Разве только «Чёрный интернационал» решит вдруг, используя имя Катранджи как приманку, предпринять совершенно бессмысленную акцию по устранению или захвату в плен столь насолившей им в своё время фигуры.

Разумеется, смысла в этом никакого, рассуждал генерал, роль его личности в нынешних условиях не столь уж и существенна. С Чекменёвым или без него, Империя продолжит выполнять свою геополитическую миссию, но кто-то может считать иначе, руководствуясь ложным пониманием законов «исторического материализма». Или просто друзья покойного Фарид-

⁴¹ Франко-порт – вид фрахтового договора, предусматривающего доставку груза до места назначения за счёт отправителя.

⁴² Стивидор – лицо, ведающее погрузкой и разгрузкой судов в иностранных портах.

бека, спохватившись, решат наконец отомстить за Пятигорск, Варшаву и всё прочее. Но тут уж ничего не поделаешь. Назвался двадцать лет назад груздем – изволь соответствовать.

Подстраховаться, конечно, придётся. Так для того и существует Управление, отдел «Глаголь» и отряды «Печенег».

До Одессы он доехал поездом, в лучшем в мире по комфорту и сервису вагоне первого класса (куда там пресловутому «Восточному экспрессу»), с одноместными купе, оснащёнными всем необходимым, включая душ и туалет. Не все же любят самолёты, а если нужно ехать от Москвы до Владивостока или Порт-Артура, ничего лучше не придумаешь. И неумолимо, и впечатлений масса.

Тарханов (по-прежнему начальник управления спецопераций, ждущий генеральских погон) отрядил в сопровождение бывшего начальника два десятка лучших офицеров под командой прославленного многими делами (уже после польской кампании) подполковника Уварова. Не обманул тогда Валерия старый волк полковник Стрельников, пообещавший, что в «Печенегах» чины идут не хуже, чем на подводном флоте⁴³.

А заодно и подтвердил жизненность армейской загадки: «Кто такой полковник? Это тот, кто в мирное время сидит и ждёт, пока его догонит поручик». Так и вышло. Уваров за два года дослужился до подполковника, а Стрельников – в прежнем чине.

Уваров занимал сейчас должность замначальника отдела «Глаголь» по строевой части. То есть фактически командира всех шести отрядов «Печенег», составлявших отдельный спецбатальон, если не полк, по-кавалерийски считая⁴⁴. Не с руки было сейчас такому человеку руководить всего лишь взводом в рутинной операции, но задание показалось интересным. Сам Игорь Викторович, пригласив Уварова для приватной беседы на одну из конспиративных квартир неподалёку от Кремля, сказал, что хотел бы поработать лично с ним. Хотя лицо у него при этом было отнюдь не располагающее к излишнему оптимизму.

– Вы же понимаете, Валерий Павлович, – говорил Чекменёв, чисто машинально помешивая ложечкой кофе, который был заведомо сварен с сахаром и в такой процедуре не нуждался, – что я всегда строго разделяю так называемых офицеров войны и офицеров мирного времени...

Уваров с лёгким интересом слушал, стараясь не встречаться с бывшим начальником взглядом. Мало ли что они там друг у друга увидят. Не отрицая его высочайших профессиональных качеств, граф относился к Чекменёву прохладно. Не мог забыть и простить его иезуитского поведения сразу после захвата Бельведера. Как специалист – понимал, а как человек чести – нет. Последующие награды и повышения в чинах и должностях ничего не искупали.

– Потому понимаю, как вы ко мне относитесь, – спокойно, почти равнодушно продолжил Чекменёв. – Наверное, в том, как всё у нас сложилось, моя ошибка. Не слишком внимательно прочитал ваши характеристики. Да и когда было бы, и надо ли – на каждого поручика время тратить, если у них есть непосредственные командиры. Тут-то всё правильно, Стрельников и Тарханов вас поняли лучше. Поначалу... – подчеркнул вдруг голосом генерал последнее слово и указал пальцем на буфетный шкаф за спиной Уварова.

Когда тот принёс и разлил редкостных кондиций коньяк, в бутылки не фасуемый и в магазинах не продающийся, Чекменёв поднёс к губам край рюмки, но едва ли выпил, скорее – просто вдохнул аромат. Уваров свою порцию опорожнил разом, если начальство предлагает – нечего сноба корчить.

– Дело в том, что я несколько иначе отношусь к личным и деловым качествам сотрудников, нежели они, – продолжил генерал. – Отсюда и возникают некоторые недоразумения. Я,

⁴³ См. роман «Бремя живых».

⁴⁴ Кавалерийский полк по штату состоял из пяти-шести сабельных эскадронов плюс пулемётный эскадрон и подразделения обеспечения.

видите ли, иду от результата, и если в результате деятельности человека, пусть героической и вполне соответствующей приказам и инструкциям, страдает Главное дело, мне трудно быть объективным. Так случилось и в вашем случае. Я сумел взять себя в руки и поступить по чести. Но... видите ли, нам до сих пор приходится с большим трудом нивелировать последствия вашего «геройства». Вот и сейчас предстоит операция, в которой не было бы нужды, если бы остались в живых некоторые лица, уничтоженные в Бельведере... Вами.

Уваров молча слушал, ожидая, чем завершится это лирическое отступление.

– Вы – человек войны. Один из лучших в моём окружении. Поэтому мне долгое время приходилось указывать вашим руководителям, где и как вас следует использовать, заранее предвидя возможные результаты инициативности и бьющей через край мушкетёрской отваги. Это достаточно утомительный процесс. Как командир вы меня понимаете?

– Так точно, понимаю, – кивнул Уваров. – Не могу не признать, в отношении меня вы приняли идеальное решение. Получив столь высокий для моего возраста пост и чин, я одновременно вряд ли сумею слишком уж сильно навредить, поскольку не имею права принимать каких-либо принципиальных решений вне контроля вышестоящих структур, которым и предоставлена привилегия «оперативно мыслить». А командиры отрядов, в свою очередь, обладают той степенью самостоятельности, что позволяет им не воспринимать меня как поставленного над ними единоначальника.

– Совершенно верно. И это не должно вас обижать. Не комплексуете ведь по поводу того, что вам не доверен пост главного военного дирижёра...

– Не комплексую, – согласился Валерий.

– Вот и хорошо. Точки расставлены. Поэтому слушайте задание. Не приказ. Как вы понимаете, в нынешнем своём качестве приказы вам через голову вышестоящего начальства отдавать не могу.

– Вот как раз без этих уточнений я вполне могу обойтись. Дело есть дело.

Чекменёв и перешёл к делу, удалив занозу, которая, по его расчётам, в качестве раздражающего фактора могла осложнить дальнейшие отношения, требующие полного взаимного доверия и понимания.

– Как я уже сказал, мне сейчас предстоит утрясать кое-какие проблемы, которых не возникло бы, останься в живых завербованные мною люди из близкого окружения Ибрагима Катранджи... Простите, что повторяюсь.

Кто таков этот персонаж, Уваров, разумеется, знал, но – чисто теоретически. Как одну из политических фигур мирового масштаба. Но и только. В сферу его непосредственных интересов не входили детали биографии этой незаурядной личности, психологический портрет и иные специфические моменты, нужные разведчику.

– Придётся ознакомиться. Всё, что на него есть, вы немедленно получите. Дело в том, что у меня с ним назначена встреча, а вам я хочу поручить оперативное прикрытие этого мероприятия. Сутки на изучение документов, ещё сутки на отбор людей и экипировку. Послезавтра вылетаете. Все рабочие моменты решаете с полковником Тархановым. Вопросы?

– Если сказано – с Тархановым, зачем же я буду ваше время отнимать?

– Резонно. Дополнительные указания получите на месте. Не смею задерживать.

В Одессе они встретились как бы невзначай, прогуливаясь по Дерибасовской. Вечером, в потоке текущих вверх и вниз людей подобные встречи знакомцев происходили почти непрерывно. Одни просто раскланивались, продолжая путь, другие задерживались для короткого или долгого разговора, третьи устремлялись к столикам кафе или пивных, растянувшихся на всём протяжении улицы по обеим её сторонам, или спускались в подвалчики, вроде знаменитого, а также пресловутого «Гамбринуса», чтобы продолжить общение в более располагающей обстановке.

Ничем не выделяясь среди праздной публики, Чекменёв с Уваровым нашли удобный столик под платаном, увешанным, как экзотическими плодами, электрическими лампочками. Романтично и уютно. Вправо и влево – хорошо просматриваемая перспектива вечно праздничной улицы.

– Прикрытие я обеспечил, – доложил подполковник, когда официант, поставив на стол пивные кружки и подходящую закуску, удалился на достаточное расстояние. – Никаких хвостов ни за вами, ни за мной не замечено.

– Да кому мы тут нужны, – ответил Чекменёв. – Не те обстоятельства. Вот завтра, может быть...

Он сжато, но исчерпывающе объяснил Валерию, что именно должно произойти завтра, и каковы его действия в предполагаемых вариантах.

– За яхтой наблюдать непрерывно. На всякий случай посадите на подходящие позиции двух-трёх снайперов с крупнокалиберными винтовками. Не исключаю попытки захвата «Лейлы». Не знаю, кем, но если есть объект... Сам понимаешь. За всеми сошедшими на берег людьми – плотный контроль. Как его организуете – решайте сами. То же касается места намеченной встречи. Отслеживать издалека, исключив даже теоретическую возможность обнаружения ваших людей. В группу непосредственного прикрытия направьте человека три, не больше. Сами сообразите, где и в каком качестве они будут располагаться. Схема связи – стандартная. Весь мой разговор с объектом записывайте. Вмешиваться – только в критическом случае, то есть по моей команде или – если я уже буду не в состоянии её отдать.

– Проще говоря – если с вами случится нечто непоправимое – я получаю свободу рук? – уточнил Уваров.

– Именно. Но это случай маловероятный. Убить меня можно было и в Москве, не стоило огород городить с имитацией встречи. И тем не менее... Вдруг клиенту крайне важно сначала перекинуться со мной парой слов, а уж потом принимать окончательное решение? Давай уточним несколько моментов. Глядишь, сумею что-нибудь полезное подсказать исходя из прошлого опыта...

Чекменёв ждал своего партнёра уже почти два часа, и теперь с интересом и понятным нетерпением наблюдал процесс его высадки на берег. Налажено всё было чётко. С досмотровой партией наверняка было согласовано заранее, поэтому катер таможенно-пограничной службы встретил яхту на границе территориальных вод, все положенные формальности были совершены в предельно сжатые сроки. По своим каналам Игорь Викторович тоже поспособствовал гостеприимству местных властей, параллельно дав, кому следует, поручение выяснить, какие именно структуры окажутся наиболее внимательны и предупредительны к заморскому гостю.

Новая-то государственная власть только устанавливалась, и разбираться с тем, кто и что осталось от прежней, предстояло по всем направлениям. Особенно – на окраинах Империи, да ещё столь специфических, как этот, за время демократической власти ставший фактически «вольным» город.

Де-юре любое лицо, обладающее паспортом государства, с которым Россия поддерживала дипломатические отношения, могло безвизово въезжать на её территорию, но тут был особый случай. Особенно после событий на Северном Кавказе и Привислянском крае: причастность к ним господина Катранджи была безусловно доказана, правда, исключительно оперативным путём. Судебных перспектив (кроме как в военно-полевом суде) эти претензии не имели.

Кроме того, известный, хорошо изученный враг гораздо удобнее нового.

Так что, милости просим, Ибрагим-бей!

Катранджи в сопровождении всего лишь одного человека сошёл на пирс Морвокзала, фуникулёром, как простой смертный, поднялся на набережную и неспешно направился к заве-

дению, где его ожидал Чекменёв. Бинобль Игорь Викторович не стал прятать, положил на край столика по левую руку.

Турок вежливо приподнял белую широкополую шляпу, радушно улыбнулся из-под пышных усов.

– С приездом, – тоже улыбнулся генерал, вставая. Обменялись рукопожатием.

– Рад вас видеть воочию, – на чистом русском ответил гость. – Это – мой секретарь, – указал он на хорошо сложенного, но отнюдь не выглядящего бодигардом мужчину лет тридцати пяти, одетого в такой же, как на хозяине, светло-оливковый костюм и похожую шляпу. В руках он держал небольшой изящный портфель. – Он посидит пока вон там, за крайним столиком, не возражаете?

– Чего бы мне возражать? Пусть сидит или гуляет по бульвару, как ему и вам удобнее. Что желаете – кофе, вино, пиво? Я распоряжусь.

– Холодное красное вино, с вашего позволения. Сухое. Большой бокал...

Минут десять они обменивались дежурными формулами вежливости и взаимной приязни. У каждого хватало способностей и выдержки говорить так, что и Станиславскому бы непременно понравилось. Особенно тому, что описан в «Театральном романе» Булгакова.

– На каком заявленном уровне беседовать будем? – спросил наконец Чекменёв, давая окурок сигареты в пепельнице. – Инициатива ваша, вот и предлагайте формат и тему...

– Ну, Игорь Викторович, не усложняйте. Мы ведь не дипломаты.

Генерал опять подивился мастерскому владению собеседника русским языком. Ему-то, при его положении и капиталах, стоило ли напрягаться? Переводчиков бы хватило. Но раз когда-то счёл необходимым поступить не куда-нибудь, а в Петербургский университет, и вполне прилично его окончил и с тех пор продолжал совершенствоваться, да так, что не отличишь в нормальном общении от образованного российского гражданина восточного происхождения – значит, имел свой интерес.

Как тот же Фарид. Оставался бы «купцом Насибовым Фёдором Михайловичем», до сей поры пребывал бы в добром здравии, а так – раскидало клочья его организма по углам и стенам Бельведерского зала.

Жалко будет, если с самим эфенди повторится подобная неприятность. Очень уж нехорошо тянула ноющей болью под солнечным сплетением интуиция, черти с матерями её побрали бы.

Едва ли Катранджи уловил в глазах генерала такой посыл, но, наверное, хватало и общей ауры. Слишком серьёзные партнёры сошлись.

– Это меня крайне радует, – ответил Чекменёв. – Терпеть не могу дипломатов. Никчёмная публика. Ничего нельзя по-настоящему доверить. Русская армия, к примеру, в 1878 году вышла к пригородам Стамбула, и ваше военное командование вкупе с султаном сдали бы город в течение суток, к всеобщему согласию, а тут как раз дипломаты и вмешались...

– Не сразу, – поправил Катранджи. – Сан-Стефанский договор был одинаково выгоден и для России, и для Турции. И лично для меня. Потом был Берлинский. И Россия, прошу прощения, конечно, струсила...

Чекменёв на мгновение приподнял удивлённо левую бровь и тут же вспомнил. Ну да, ну да! Если Сан-Стефанский договор остался бы в силе, то предки Ибрагима становились полноправными суверенными владельцами Египта, Палестины и кое-чего ещё. А тут вмешался «европейский концерт»⁴⁵, на Берлинском конгрессе лишил Россию половины её успехов, а заодно обрезал перспективы и для дедов-прадедов несостоявшегося Катранджи-паши. Обидно, конечно. Игорю Викторовичу, к слову, тоже.

⁴⁵ В XIX веке так назывался довольно рыхлый союз европейских держав, объединяемый в основном стремлением противодействовать России по всем направлениям её внешней политики. Иногда – вопреки собственным государственным интересам.

– Пожалуй, так. Прояви Александр Второй характер, послав всех европейцев подальше, заяви о готовности воевать с несогласными впрямую – история опять пошла бы иным путём. Пожалуй, с турками с глазу на глаз мы смогли бы договориться о более приемлемых условиях. Но ведь ваши предки (османы, я имею в виду) параноидально боялись любых нормальных отношений с Россией, предпочитая роль шестёрок Англии, Франции, Германии – последовательно... И чем кончилось? Особенно в Мировую войну.

– Вы правы, господин Чекменёв. Обозначенные вами факты имели и до сих пор имеют место. Но и вы попробуйте понять. Последние двести лет Турция воевала с Россией, со смыслом и без смысла только потому, что её властителям казалось – дружеские отношения поведут к немедленному и необратимому поглощению нашей страны – вашей. Вы поглотили Закавказье, Армению, так же легко, даже и без войны просочились бы в Анатолию до Трабзона и дальше, с запада вашими союзниками автоматически стали бы греки, боснийцы, фракийцы и прочие. Да и у самих турок нет ни малейшего иммунитета к перспективе ассимиляции. Имперский народ, только с противоположным знаком, чем ваш русский. Вполне готовый, без сопротивления и с удовольствием принять власть над собой более сильного сюзерена, с определённой выгодой для себя, конечно.

Ну, такие мы есть. От природы. Властвуем, когда можем, не возражаем, если власть переходит сильнейший. Лишь бы нам было хорошо. Этому можно сопротивляться только созданием образа вечного, непримиримого врага и непрерывными войнами. Двадцать лет мира – и всё! Теряется смысл суверенного существования.

– Как же, как же, – усмехнулся Чекменёв. – Византия, в которую вы пришли в пятнадцатом веке, до сих пор давит своей психической энергией... Кто вы и ЧТО Византия? Айя-София, как пример. Шестьсот лет там ваша мечеть, а всё равно воспринимается, как православный храм. Ну и Россия рядом, само собой. Никто ведь не отрицает её роль правопреемницы. Даже вы сами. Заключать союзы с англичанами, французами, немцами – куда легче.

– Правильно. Они не претендуют на подавление нашей идентичности.

– Естественно. Четыре года воевать в Мировую войну под командой немецких генералов и с треском её проиграть, потеряв почти всё. Зато идентичность – на высшем уровне. Результат – Кемаль Ататюрк! Русский советник (или даже наместник) за ношение фесок головы точно бы не рубил. И адмирал Колчак на месте адмирала Сушона⁴⁶ к жизням турецких моряков относился бы гораздо бережнее. Немцы ведь ваших матросов и даже офицеров по-настоящему и за людей не считали. Нет?

Игорь Викторович откровенно развлекался. В чём и состоял замысел. Раскрутить собеседника, заставить его выйти из себя в любом направлении. Его позиция была абсолютно непробиваемой: он от Катранджи ничего не хотел, одновременно имея возможность очень крепко нагнуть его вместе со всем «Интернационалом», особенно когда у него появились серьёзные выходы на европейскую «Систему», тоже переживающую не лучшие времена.

Турок же козырей, по мнению Чекменёва и его аналитиков, на руках совсем не имел (или они были для другой игры). Иначе за каким же чёртом столь авторитетный человек поехал в логово исторического врага для разговора с безусловно частным лицом? Никто не смог бы заявить, а тем более доказать иного.

– ...Мы с вами неплохо повоевали в былые дни, – с оттенком печали в голосе сказал Катранджи.

– Да уж, – согласился Чекменёв. – Причём в основном игра шла в ваши ворота. Счёт 3:1, как я представляю, или даже 4:1, смотря как считать.

⁴⁶ Сушон – немецкий контр-адмирал, осуществивший прорыв крейсеров «Гебен» и «Бреслау» из Средиземного моря в Дарданеллы в 1914 году. Стал фактическим командующим турецким флотом в 1-й Мировой войне.

– Не следует так уж преувеличивать. Да, конечно, вы, можно сказать, вышли в финал, но ведь и я тоже. А «промежуточные матчи»... Ваши потери в людях как бы и не больше. И турнир ещё не закончен.

– На «людей» мне как раз наплевать. Хотите сказать, что жертвы пятигорских, варшавских, московских событий для вас – люди? Для меня – нет. Люди – это в данный момент мы с вами. И ещё определённое количество ключевых фигур. Остальные – расходный материал. В той или иной мере. По «ключевым фигурам», кстати, – счёт сухой. Я не потерял ни одного важного для меня человека. Вы – увы...

– Ваш цинизм удивляет даже меня, – с оттенком печали в голосе ответил Катранджи, опустив глаза и передвинув по шнурку несколько зёрен крупных деревянных чётков.

Для отвлечения внимания или это какой-то условный знак, способ связи?

– А что вы хотите? – с оттенком превосходства спросил Чекменёв. – Ту войну, что вы захотели вести с нами, иначе не выиграть. Только – заведомо не считать противников за людей. Ибрагим-паша, это вы для себя определили с детства, разве не так? Я о вас кое-что знаю, как и вы обо мне. Так не нужно делать вид, что вы ждёте от меня чего-то иного. Например – воображать, что я – европеец, скованный некими парадигмами, для вас не обязательными. Я (мы) воюю с вами по вашим правилам. Не ждите от нас другого. Предыдущие войны научили. А поскольку мы сейчас равны в цинизме, да и по положению, будем исходить из максимы «Пусть победит сильнейший». На данный момент это скорее я. Я способен игнорировать идею «чести», которой, как вам кажется, должен руководствоваться. Она существует, но не для вас. В своём нынешнем состоянии я могу наплевать на так называемое офицерское слово, потому что вы и ваши клеветы никогда не воспринимали даже самого поверхностного смысла этого понятия. Несмотря на ваше европейское образование, вы ведь в глубине души не стали европейцем?

Так отчего вы думаете, что русский генерал должен в общении с вами соблюдать не для этого места и этого времени принятые правила? Они ведь вызрели исключительно в ходе взаимодействия равных по силе, одинаковых по культуре баронов средневековой Европы. И ни в каком другом случае не применимы. Не работали на Руси до и после монгольской. В родных вам краях тоже вызвали бы искренний смех, предложи вы их своим соотечественникам в качестве образца. Я уже упоминал Атаюрка. Ни хрена он из вас европейцев не сделал. А уж как старался. Петр Великий в этом деле более преуспел.

Но тоже крайне поверхностно. У меня нет сдерживающих принципов и идей, кроме одной, недоступной вам по определению...

Игорь Викторович двумя глотками допил свою кружку пива и опять закурил. Он сказал всё, что хотел. Можно было бы ещё, как кадровому самураю, прочитать подходящее к случаю хокку. Например:

– Нет, нет, я не погиб в пути!
Конец ночлегам на большой дороге
Под небом осени глухой.

Это он и сделал. Другого навскидку не вспомнилось. Но прозвучало неплохо.

– Так что давайте переходить к делу, Ибрагим-паша. Мы хорошо друг друга поняли. Теперь скажите, что вы от меня хотите, и как мы это организуем, если придём к соглашению...

– Я очень хорошо вас понял, Игорь Викторович. Вы сейчас хотели выглядеть передо мной этаким генералом Ермоловым, с позиции силы увещающим какого-нибудь Гази-Магомеда. Понимаю. Только зря вы недооцениваете моё европейское образование. И тот факт, что я с вами говорю по-русски, а не вы со мной по-турецки – подтверждает это. Улавливаете? Я надеялся – вы оцените.

– Давно оценил, Ибрагим... Как вас назвать по отчеству? – спросил Чекменёв, будто не знал этого давным-давно.

– Рифатович, – сказал Катранджи.

– Очень хорошо. В смысле – дорожка для совместной прогулки обозначилась. Пойдём?

Катранджи хлопнул по столу большой ладонью и рассмеялся настолько искренне, что и Чекменёв почти поверил. А почему и нет? Верить всегда лучше, чем пребывать в бесконечных сомнениях. Ну, бывает, ошибёшься, а всё равно ведь...

– Не думайте ничего плохого, Игорь Викторович. Хоть полчаса не думайте. Способны?

– А за каким же... я здесь с вами сижу? – деликатно ответил Чекменёв.

– Тогда перейдём к делу. Я правильно понимаю вашу роль, как ближайшего, но неофициального сотрудника и советника Императора?

– Это вы сказали. Наши западные друзья в подобных случаях отвечают: «Ноу коммент».

– Ваш бинокль – не записывающее и передающее устройство? – спросил Ибрагим, взглянув на направленные прямо на него просветлённые объективы.

– Можете разобрать его на детали, – генерал протянул турку «Цейс». – А ваш секретарь нас не пишет через что-нибудь, спрятанное в портфеле?

– Аналогично. О том, сколько ваших сотрудников могут за нами наблюдать с крыш окружающих зданий, я не спрашиваю.

– Оставьте свою паранойю. После испытания вашего «Гнева Аллаха» и того, что вы устроили в Москве, а мы достойно ответили, винтовка на крыше – как минимум смешно. Согласны? Давайте разговаривать, как взрослые люди. Я – по официальному статусу сейчас никто, вы – в одних местах кто-то, а здесь – тоже никто. Вернее – не более чем купец, прибывший для обсуждения контракта. И это правильно. Ваше слово первое, Ибрагим Рифатович.

Катранджи, приняв предложенные условия, заговорил. Как ни крути, а он ведь действительно, пусть и опосредованно, через Чекменёва, был допущен к прямым переговорам с могущественным самодержцем всея Руси. Совсем другой уровень, чем конфиденциальный разговор с премьером одной из европейских держав. Особенно если учесть всё предыдущее, он мог быть доволен. Исторический противник зла не таил, говорил всё, что думает, а это подтверждает возможность начать отношения как бы с чистого листа.

Так и сказал, присовокупив, что ценит подобное, достойное мужчин отношение. И неплохо бы им сохранить такие и впредь. Основываясь на европейских понятиях, если Игорь Викторович категорически не приемлет «восточных».

– Отнюдь. Вполне приемлю. Но – на паритетных началах. Чтобы потом недоразумений и лишних обид не возникало, – усмехнулся генерал.

Он, разговаривая с Ибрагимом, одновременно отслеживал качество работы Уварова. Неплохое, кстати. Среди фланирующей по бульвару публики он, с известной долей вероятности, определил только двух персонажей, могущих быть сотрудниками «Печенегов». А ведь, зная подполковника, тут их должно крутиться не меньше десятка. Или очень хорошо маскируются, или Уваров организовал прикрытие совсем не так, как предполагал Чекменёв. В любом случае – лишний плюс ему.

Катранджи объяснил своё желание вступить в контакт вполне разумно. С момента воцарения Олега Константиновича мировая геополитическая карта кардинально изменилась. Информация о том, что Император собирается сменить приоритеты и сосредоточиться исключительно на собственно российских интересах, своевременно стала известна «кому надо» и встретила полное понимание.

– Собственно говоря, Игорь Викторович, вы не можете не признать, что все наши предыдущие действия определённым образом сыграли вам на руку?

– Не могу, – легко согласился Чекменёв. – Наши партнёры по ТАОС слишком быстро и крайне непрофессионально раскрыли карты. Тем самым подтвердив, что ничего в их отно-

шении к нам не изменилось. Ради того, чтобы в очередной раз напакостить России, забыли о своих действительно «жизненных интересах». Ну и ради бога. Баба с воза, кобыле легче.

– Очень приятно это слышать. Мы, со своей стороны, хотим сделать вам предложение, от которого вы едва ли сможете отказаться.

– Хотелось бы верить. Излагайте.

– Если Россия действительно решит выйти из ТАОС и отвести все свои экспедиционные войска в пределы естественных границ, мы готовы гарантировать, что впредь эти границы не будут подвергаться сомнению, а тем более – нарушаться. Может быть заключено большое количество торговых и иных соглашений, безусловно взаимовыгодных. И это кроме того, что высокие договаривающиеся стороны автоматически получают массу преференций, прекратив тайное и явное противоборство, направив ресурсы на иные цели...

– Я так понимаю, Ибрагим Рифатович, что вы предлагаете учредить новую мировую конфигурацию. Северный альянс без России, Россия как автаркия, сохраняющая нейтралитет в историческом противостоянии Севера и Юга, и... как же мы назовём третью сторону? Употребляемый у нас термин вряд ли точно отражает суть дела.

– «Чёрный интернационал»? А почему бы и нет? Что он не красный – безусловно. Но – интернационал же! Если иметь в виду цвет кожи и волос значительной части его членов – вполне подходяще...

– Для того, чтобы стать третьим полюсом мира, требуется кое-что ещё, – сказал Чекменёв. – Хоть какие-то признаки государственности. Конфедерация, халифат, ассоциация... Подобие выражающего общие интересы руководящего органа, Дее– и правоспособного. Ну, вы понимаете. С кем же, в противном случае, хоть о чём-то договариваться?

– Это пусть вас не волнует. Названный орган может объявить о своём формировании в ближайшее время.

– Когда объявит, тогда и думать будем. А пока, Ибрагим-паша, у нас с вами простая негация, деловой разговор двух купцов, ищущих собственной выгоды и за все последствия отвечающих только своим карманом. Нормально?

– Я и сам хотел примерно так выразиться...

– Приятно, что наши мысли и устремления совпадают. Сейчас я, от себя лично, могу сказать только одно. Если ваши... единомышленники прекратят свою деятельность на подконтрольной нам территории, мы отнесёмся к этому с пониманием. Столь же положительно будет воспринят факт передачи нам информации об известных вам, но не входящих в вашу организацию антиправительственных организациях на территории России. В свою очередь, мы готовы благожелательно рассмотреть некоторые интересующие вас вопросы. А сверх этого... – Чекменёв развёл руками. – Любой меморандум, составленный двумя частными лицами на столике пивной, даже заверенный у ближайшего нотариуса, будет иметь... сами понимаете, какую силу.

– О чём речь, Игорь Викторович! Какие меморандумы? Я счастлив, что вы с государем Императором согласились начать разговор со мной, как с лицом, заслуживающим вашего высокого внимания. Могли бы и отказать, «без объяснения причин».

Ирония в голосе магната чувствовалась, но скорее обращённая в сторону неких посторонних по отношению к ним сил. По-своему он прав. Удайся его авантюра – он сразу переходил в совсем другую политическую категорию...

– Знаете, что бы я вам посоветовал, Ибрагим-паша...

Чекменёв вдруг прервал фразу.

Проезжавшая мимо девушка на дамском велосипеде несколько раз тренькнула звонком, предупреждая собравшихся переходить аллею двух старушек с мальтийской болонкой на поводке. Видно было, что ездить она, несмотря на почти двадцатилетний возраст, толком ещё не умеет. Слишком напряжена и рулём всё время дёргает. Зато, поймав взгляд генерала, сделала рукой условный жест, дополненный мимикой.

«Тревога второй степени, необходимо переместиться в более защищённое место».

«Второй степени» – ничего особенного. Просто предупреждение, что вокруг охраняемого объекта появились пока не установленные личности, ведущие себя не вполне адекватно. Можно и проигнорировать, до уточнения обстановки, но факт, с точки зрения обеспечивающих, имеет место.

Не зря генерал полагался на Уварова.

– Давайте-ка быстро встанем и пойдём отсюда, – сказал он, опустив голову, чтобы губы со стороны были не видны. – Торопиться не нужно. Если что, моя охрана сработает. Впереди и справа вход в ресторан. Идём туда. Скажите сейчас громко, что проголодались и мои советы предпочли бы выслушивать за хорошим обедом... Дальше, что хотите...

Катранджи среагировал мгновенно и правильно.

– У вас здесь хоть и юг, а ветер с моря прохладный. Неуютно. Да и время, похоже, обеденное... – Он извлёк из жилетного кармана большие золотые часы, как бы не позапрошлого века, щёлкнул крышкой, спрятал обратно. – Не согласитесь ли преломить со мной хлеб? А где – на ваше усмотрение...

– Охотно. Наши сугубо теоретические разговоры и меня изрядно утомили. Пойдёмте.

Жестом велел секретарю оставаться на месте. Чекменёв это оценил.

Пошли они вначале вдоль балюстрады бульвара, будто желая направить свои стопы в «Лондонскую», славящуюся своим рестораном, и вдруг резко свернули к вполне среднему заведению в угловом здании, знаменитому единственно тем, что из его окон памятник Дюку виден был как раз «от четвёртого люка»⁴⁷.

⁴⁷ Одесская шутка-пожелание: «Видеть тебе Дюка от четвёртого люка». От четвёртого на площади канализационного люка памятник Дюку де Ришелье представляется в достаточно фривольном и многообещающем виде, поскольку свиток грамоты Екатерины Великой об основании Одессы в его правой руке в нужном ракурсе выглядит...

Глава 7

Ресторан с гостиницей, незамысловато именуемый «Потёмкин», был заранее подготовлен Уваровым для приёма, в случае необходимости, высокопоставленных гостей. Особого труда это не составило. В местном жандармском управлении имелось несколько сотрудников, с полным сочувствием относившихся к случившимся в стране переменам и поддерживавших контакт с Москвой в «инициативном порядке». Они и дали подполковнику наводку на хозяина, господина Самуила Циреса, вполне надёжного и благонамеренного негласного осведомителя. Уж больно удачно было расположено его заведение, чтобы не слишком богатый ресторатор, купец всего лишь второй гильдии, мог без поддержки властей второй десяток лет оставаться его собственником, успешно отражая неоднократные атаки куда более сильных конкурентов.

«Потёмкин» предоставлял управлению весь спектр специфических услуг: организацию прослушки нужных клиентов, предоставление отдельных кабинетов для конспиративных встреч, содержал в штате девушек и молодых людей для «подводки», ну и тому подобное. В конце концов, и сами офицеры нуждались в надёжном месте для проведения досуга, не связанного с исполнением служебных обязанностей. Вдали от посторонних глаз и ушей, без риска каких-либо неприятностей и недоразумений. Опять же – не возникало вопросов по поводу почти неограниченного беспроцентного и бессрочного кредита. Хозяин в любом случае внакладе не оставался, поскольку добрую половину весьма состоятельных клиентов к нему направляло названное управление, и никто никогда не задавал неудобных вопросов по поводу «побочных доходов».

Прямо в вестибюле гостей встретил сам Уваров и один из официантов.

– Проходите, пожалуйста, немедленно всё будет организовано в лучшем виде, – с любезной, но не подобострастной улыбкой пригласил подполковник, изображающий метрдотеля, указывая на неприметную дверь рядом с гардеробом. За дверью скрывалась чугунная винтовая лестница, ведущая в бельэтаж. Для обычных посетителей имелаась другая, в центре холла, широкая, двухпролётная.

Официант повёл Ибрагима наверх, Чекменёв чуть задержался внизу.

– И что там у вас? – брюзгливо спросил он, оставаясь в образе исполняемого сейчас персонажа. Великий актёр умирал в Игоре Викторовиче. На подмостках Вахтанговского или Малого театра ему бы цены не было. У него даже уголки губ вяло опустились, намекая на нездоровый, расслабленный образ жизни хозяина и его скверный характер. Веки отяжелели и полуприкрыли мутноватые, скучные глаза.

Уваров, и тот поразился. Как соотнести brave офицера-кавалериста, очень похожего на Вронского, каким любил представляться генерал своим подчинённым на полевых занятиях, с почти точной копией Каренина, играемой сейчас без малейшего грима? Только он не понимал – зачем?

– Обнаружено как минимум пять человек, проявивших интерес к вашей встрече. Работали крайне профессионально. Двое вели непосредственное наблюдение, возможно, вели запись. Остальные перекрывали лестницу и бульвар с обеих сторон.

Но мы тоже кое-что умеем. Всё под контролем. Те, что писали, далеко не уйдут. До первой подходящей подворотни. В резерве, кроме своих, десяток опытных местных филёров. Лично начальник жандармского управления выделил. Втёмную, разумеется. Но это, прошу прощения, не ваша забота.

Докладываю по месту. Переговоры продолжайте спокойно. Здесь кабинет совершенно изолированный. Общий зал из него просматривается. В случае чего – отдельный выход на кухню, через неё можно спуститься в хоздвор и ещё ниже, в подвалы...

– Не нравишься ты мне сегодня, Валерий, – лениво, врасстяжку, по-барски грацируя, сказал Чекменёв. – Какое, на хрен, «в случае чего»? Стоило брать с собой лучшего боевика, чтобы такое слышать...

– Вы уж простите, вашество... – В устах метрдотеля, которым изображал себя Уваров, такое обращение прозвучало нормально, но генеральский слух царапнуло. – Пока живы, всё исполним в лучшем виде. А если нет, так сами понимать должны. Тот раз в Бельведере моя карта сверху легла, вдруг сегодня – чужая? Тройка, семёрка, туз – слышали?

Чекменёв отчётливо скрипнул зубами. Бесил его этот наглый подполковник до крайности. Но и деваться некуда!

– Если чего... Скажи ещё, что и с катакомбами из подвалов связь имеется.

– Так точно. Проверено.

– Ну, ты... – Генерал дважды вздохнул через нос. – Молодцом. Продолжай. Мы здесь пару часиков посидим, дальше видно будет...

Кабинет оказался в меру просторным и уютным. Два четырёхместных столика по разным углам, один возле дугообразного кожаного дивана, второй у венецианского окна, из которого видно и лестницу, и море, и бульвар с зацветающими каштанами. Очень приятный ландшафт.

Здесь они и разместились, но Игорь Викторович предварительно подошёл к большой картине на противоположной стене. Полюбовался видом вечерней Дерибасовской, затянутой сеткой осеннего дождя. Неплохо написано, в стиле Камиля Писарро.

Правда, художественные достоинства его сейчас не слишком интересовали. Намётанным глазом осмотрел массивную резную раму. Примерился, ткнул пальцем в одну из завитушек. Холст сдвинулся вбок, как шторка фотографического затвора. За ним – зеркальное, чуть синеватое стекло, сквозь которое виден весь общий зал. Три десятка столиков, штофные драпировки стен, небольшой мраморный фонтан посередине. Посетителей совсем немного, время ещё раннее.

Попросту всё сделано, без всякой электроники. Старомодно, но надёжно. С той стороны обычное зеркало. Ни сбои в электропитании не помешают наблюдать, ни самые хитроумные устройства ничего не обнаружат.

Катранджи тоже оценил, одобрительно поцокал языком.

– А на нас сейчас откуда-нибудь тоже смотрят?

Генерал развел руками:

– Не Москва здесь, не моё ведомство. Всяко может быть...

Расселись, полистали книжки меню, сделали заказ. Официант удалился, и лишь после этого Ибрагим, закуривая, спросил, как и подобает восточному человеку, о главном.

– Так ради чего вы тревогу подняли?

Чекменёв честно пересказал то, что услышал от Уварова.

– Это были не мои люди. Гарантирую. Гораздо хуже, что МОИ – ничего не заметили и нужного сигнала не подали, – сказал Катранджи встревоженно.

Похоже, Ибрагим расстроился или пришёл в тихое внутреннее бешенство. Которое вполне могло завершиться репрессиями, вплоть до посадки нерадивых телохранителей на кол. Прямо на палубе его «Лейлы».

– Не берите в голову, Ибрагим Рифатович. Просто у ваших – подготовка не совсем та. О чём мы недавно и говорили. Даже не касаясь глубин истории и былых русско-турецких войн, результаты которых нам обоим известны, один маленький пример (вам, наверное, об этом и не докладывали) – в Пятигорске некоего Фарид-бека, по документам – кадрового майора, на

самом деле, мне кажется, не меньше чем генерала, тактически переиграл наш строевой армейский капитан. При соотношении сил один к двумстам⁴⁸.

А взял оного Фарида в плен и разоблачил обычный юнкер четвёртого курса горно-егерского училища. Правда, курдский этот парень знал в совершенстве, о чём ваш майор не догадывался и со своими поделчиками, уже будучи арестованным, разговаривал открытым текстом. Наверное, думал: «Где уж этим северным варварам знать столь цивилизованный язык!»

К этому моменту сразу два официанта подали закуски и графинчики, наполненные всем, что захотелось попробовать русскому и турку в столь напряжённой обстановке.

Катранджи, демонстрируя свой «чёрный интернационализм» и не маскируя душевного раздрая, махнул большую рюмку водки, закусил ломтиком селёдки.

– Поделитесь, я действительно не в курсе. Фарид, как мне казалось, был очень умный, верный человек, на измену не способный... Погиб, как мне известно, отнюдь не на вашей стороне. Был бы он вашим агентом, вы бы такого не допустили. Верно?

– Верно. Но и мы не боги. Да ничего особенного и не случилось. О покойнике можно сказать много плохого, вопреки римской поговорке. Сволочь, между нами, первостатейная. Вы вот, милейший Ибрагим Рифатович, что бы обо мне сказали, если бы я в одном из дорогих вам на исторической родине мест захватил человек пятьсот близких вам людей и начал над ними издеваться, как османы над армянами в тысяча девятьсот пятнадцатом году? Обиделись бы, наверное. В одном варианте – к мировому сообществу за поддержкой обратились бы, в другом – мстить начали... Нехорошо ведь так в цивилизованном двадцать первом веке поступать...

– Достаточно. – Лицо Катранджи неприятно исказилось. В другом месте эта гримаса была бы достаточным основанием, чтобы собеседника в лучшем случае сгноили в зиндане. А то и начали бы с него кожу сдирать одноразовыми безопасными бритвами турецкого как раз производства.

– Не нервничайте так, – тихо сказал Чекменёв. – Знали, куда ехали. И с кем говорить собрались. К стопроцентно европейскому бывшему премьеру нашему, господину Каверзневу, не обращались отчего-то. Мне кажется, раз русский едва ли не лучше меня знаете, в Петрограде Блока почитывали. А то и дурам-девушкам цитировали, с известными целями.

Игорь Викторович улыбнулся очень мягко, а Катранджи ответил неприличным оскалом.

– Что именно? «Я пригвождён к трактирной стойке, я пьян давно, мне всё равно...»

Забавляется господин Катранджи, хоть как-то отыгаться пытается.

– Браво, Ибрагим Рифатович. – Генерал, свободно переигрывавший в словесных и шахматных поединках нынешнего Императора, с удовольствием убедился, что этот «вождь мировой деревни» легко покупается на самую примитивную провокацию. – Не зря вы однажды выразились, что предпочли бы быть немцем в Германии, и русским – в России... Не знаю, как в Германии, а у нас бы получилось. Мы бы вас за своего приняли...

– Вы и это знаете? – Эфенди снова был сбит с позиции.

Слова те были сказаны наедине с очень верным человеком, тоже мёртвым сегодня. И вот...

– Зачем удивляетесь? «Ид-диния зай хьяра – йом фи-идак, йом фи-тизак»⁴⁹.

И эти слова Катранджи вспомнил. Их он сказал, с издёвкой, поляку Станиславу, посланному организовывать очередное антироссийское восстание и погибшему вместе с Фаридом от наудачу брошенной тогда ещё поручиком Уваровым гранаты⁵⁰...

– Дошло, коллега, что наша контора умеет работать? – благодушно спросил Чекменёв, разливая по второй. – А у Блока я другую цитату подразумевал. Вам поближе будет...

⁴⁸ См. роман «Билет на ладью Харона».

⁴⁹ Жизнь что огурец: сегодня в руках, а завтра в заднице (араб.).

⁵⁰ См. роман «Дальше фронта».

Игорь Викторович откинулся на спинку кресла, окутался табачным дымом и начал читать глубоким голосом почти профессионального декламатора:

«Наш путь – степной, наш путь в тоске безбрежной,
в твоей тоске, о Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной —
Я не боюсь.
Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснёт святое знамя
И ханской сабли сталь...
И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...»

– Наверное, хватит, – оборвал себя Чекменёв нормальным, даже утомлённо-тихим голосом. – Вы знаете, что дальше было. Не стоит друг друга сверх меры нервировать. «Трактирную стойку» я вам простил, простите и вы мне эти строфы. Там дальше ещё интереснее, если помните. Так что, поговорим за Фарид-бека? Расскажу, ибо мёртвые сраму не имут.

Мужчина он был, конечно, серьёзный. До поры, естественно. Сначала капитан Неверов в одиночку перестрелял в гостинице «Бристоль» полторы сотни ваших отборных нукеров или аскеров, хрен их знает. Потом прилетели на подмогу наши пацаны из Ставропольского горно-егерского училища. Зачистили прилегающую территорию, как учили, согнали пленных в отдельное помещение. Вот тут Фарид, никак внешне не отличимый от обычных боевиков, не выдержал и начал по-курдски раздавать инструкции. Как себя держать, что отвечать на допросе и его ни в коем случае не выдавать. Иначе и им, и их семьям, и родственникам до седьмого колена «секир башка» и прочие неприятности. Слабость, согласны? Или – трусость и глупость?

– Отчего же? – возразил Ибрагим. – Нормальное поведение.

– Для кого как. У нас командир даже взвода первым делом назвал бы себя и принял основную ответственность, попросив отнестись к рядовым бойцам именно как к рядовым.

– Так то у вас... – ответил Катранджи, но без бывшего куража.

– А я о чём? Далее – названный ранее юнкер, осетин, то есть лучший друг россиян на Кавказе, православный, по странному совпадению знающий пять восточных языков (не считая европейских), оказался в нужное время в нужном месте.

В эту экспедицию попал случайно, в бою не погиб (неразумно было такого полиглота в огневой бой бросать, так разве у нас кто о таких вещах думает?), и в двух шагах от опытного разведчика оказался. Повезло, можно сказать, но юнкер своим везением очень правильно воспользовался...

– Остановитесь, Игорь. Вы всё время пытаетесь навязать мне неправильные выводы... Конечно, курдский – в ваших краях язык редкий, почти как чукотский в Турции, и всё же... Не следует...

– Чего там не следует? Наши парни, в отличие от ваших, службу несут по уму и по присяге...

Катранджи опять произвольно оскалился, но сумел удержаться в рамках цивилизованности. А ведь Чекменёв провоцировал его изо всех сил, переходя границы самого примитивного приличия.

– Слушайте дальше. Доложил об услышанном юнкер старшему по команде, и уже к вечеру вашего Фариды доставили на беседу лично ко мне.

Ещё раз прошу прощения, Ибрагим Рифатович, но тот же юнкер дольше бы продержался под вашими пытками. Возможно – до мучительной смерти. До чрезвычайности меня удивляет такая черта ваших единоверцев – шахида из себя изобразить, подобно японскому камикадзе – кое у кого получается. А на допросах сразу колятся. И в плен сдаются сотнями тысяч, как в прошлую нашу войну при Эрзеруме, Карсе и Баязете. Нет среди вас бескорыстно убеждённых в своей правоте людей, готовых за неё беспрекословно умирать. Вы же в Питере учились, по музеям, хотя бы от скуки, ходили... Был такой художник – Верещагин. С большим талантом эпизоды восточных войн изображал...

– Давайте лично о Фариде, – мрачно сказал Катранджи, Чекменёвым почти подавленный. Ещё не сломанный, но очень близкий к этому. По ситуации. Если бы они с Игорем Викторовичем сидели в его дворце... Да в любом дворце, от Каира до Рабаула, совсем бы по-другому вёл себя наглый русский генерал.

Здесь же Ибрагим-бею исторические и психологические экскурсии Чекменёва удовольствия не доставляли. Но факты – интересовали. По статусу.

– Ну а что ещё сказать? – мягко улыбнулся генерал. – Пошёл он на перевербовку, не ко мне даже, к обычному фронтовому полковнику. А вы знаете, Ибрагим Рифатович, – почти шептал Чекменёв, – умирать вашему брату очень страшно. Независимо от ожидающих гурий. Вы – не пробовали? А Фарида предложили. С соблюдением наиболее невыносимых мусульманину процедур. Мы, русские, знаем, как кого из вас достать. За триста лет душевного общения научились.

Он, дурак, думал, что мы его к стенке поставим. И бодрился. Расстрел, мол, чепуха. Воздаяние получу и всё такое.

Хотя какое, на хрен, воздаяние сможет получить от Аллаха, Христа или Будды такой человек? Ну, правда, мой офицер ещё насчёт замены расстрела повешением намекнул, с последующим заворачиванием трупа вместо савана в свинячью шкуру. В виде психологического эксперимента. Сработало или нет – не уточнял, но сдал Фарид всех известных ему персонажей, с кем работал и должен был работать впредь.

Отдохнул, три дня запрещённые Кораном напитки хлестал, как рязанский извозчик. Протрезвел и согласился выполнять полученное от вас задание под моим контролем, регулярно отчитываясь. Так бы и до сего дня, наверное, длилось, если бы войсковая разведка с ним в Варшаве не пересеклась. Те ребята простые: враг обнаружен – враг должен быть уничтожен. Языков брать и через фронт тащить у них возможности не было. Жаль, конечно, что так получилось, да что ж поделаешь теперь...

Наверное, турок сильно бы удивился, узнав, что принимавший его «метрлотель» как раз и руководил ликвидацией Фарида, Станислава и прочих.

«Бывают странные сближенья», как писал поэт.

– М-да, ни на кого нельзя положиться, – сокрушённо покачал головой Катранджи. – Вечная проблема – если человек знает мало, он не сможет эффективно работать. Если знает много – много и выдаст при случае.

Чекменёв мог бы дать по этому поводу несколько полезных практических советов, но просвещать пока ещё врага не входило в его намерения. Может быть, когда-нибудь потом...

– Я вас очень хорошо понимаю. Но вернёмся к нашим баранам. Если вы уверены, что за нами следили не ваши люди, а я уверен, что и не наши тоже, значит – кто? Давайте вместе подумаем. Утечка, скорее всего, имела место с вашей стороны. Я с почти стопроцентной гарантией могу утверждать, что информация о нашей с вами договорённости и факт моего приезда сюда не известен никому, за исключением самых ближайших и абсолютно надёжных лиц. Поэтому на это направление можно не отвлекаться. Следовательно...

– Ваша посылка принимается. О том, что я направился в Одессу, знает достаточно много людей. Я этого и не скрывал. Мои коммерческие интересы столь обширны, что я провожу в поездках и перелётах большую часть своего времени. Это давным-давно никого не удивляет.

– Причины визита в Одессу, и именно в это время достаточно замотивированы? Могло что-либо заинтересовать чисто деловых людей? Конкурентов. Мол, если Ибрагим-эфенди затекает нечто в России, нет ли шанса ухватить и свой кусок...

– Вряд ли, Игорь Викторович. У меня нет конкурентов, способных на столь опрометчивые шаги. Я же не базарный торговец. На моём уровне вопросы решаются совсем другими способами.

– Вам виднее, я от любых видов бизнеса далёк. Значит, чистая политика? Кое-кому захотелось просто посмотреть, с кем вы надумали вдруг встретиться?

– Безусловно, политика.

– Хорошо. Теперь поставим себя на место руководителя некоей организации (или частного лица?). Если он не глупее нас с вами, первое, что должно прийти в голову – к чему такая демонстрация? Есть масса способов организовать действительно тайную встречу. На очень нейтральной территории и с гарантией неразглашения. Берусь навскидку предложить десяток вариантов, не требующих никакой специальной подготовки. А тут – письмо консула, яхта, набережная, сотни свидетелей... И главное – времени любому, кого способна заинтересовать наша встреча, отпущено для подготовки сверхдостаточно. Тоже будто специально.

Что бы подумал я на месте некоего «мистера Х»? И что подумали бы вы на своём месте?

– Ну, давайте рассуждать вместе. Спокойно и последовательно. Первое – я не утверждал бы столь смело, что наша встреча выглядит именно демонстрацией. Контакт с консулом был организован с соблюдением всех предосторожностей. О намерении посетить Одессу я никому не докладывал. Даже капитан яхты до последнего момента был уверен, что мы идём в Констанцу. За время, прошедшее с момента изменения курса, никаких выходов в эфир с «Лейлы» не было. А иных способов связи пока не придумано. За исключением почтовых голубей, которые с борта тоже не взлетали...

– Неубедительно, – прервал Ибрагима Чекменёв. – На примере с Фаридом мы уже выяснили, что даже вскользь и наедине брошенная шутка способна дойти до ушей начальника вражеской контрразведки. В нашем случае мы имеем дело с гораздо большим массивом информации и числом причастных к её прохождению людей...

Вот вам простейший сюжет. За вами могли наблюдать с подводной лодки. После изменения курса определили направление, подвсплыли, передали радиограмму на неизвестной вам частоте. Полусуток достаточно, чтобы подготовить несколько человек, начавших за вами слежку. Пока только слежку, никаких силовых вариантов я не предполагаю. Рано. Им же нужно выяснить, с кем и зачем вы встретились. А аналитики вступят в дело позже или уже работают, идентифицировав меня и вас...

– Вы исключаете, что «хвост» привели вы?

– Почти абсолютно. Я готовился к встрече весьма серьёзно и принял все известные меры предосторожности. В чём вы только что убедились...

– Тогда отчего вы сразу не предложили иное место встречи? Хотя бы то, где мы сейчас находимся?

– Прежде всего, прошу заметить, это вы изъявили желание встретиться именно на бульваре...

– Возможно, это моя ошибка. Но я посчитал, что на открытом месте будет удобнее и безопаснее. Учтите, я ведь формально и фактически абсолютно частное лицо, и встреч, подобных этой, у меня ежемесячно бывают десятки. И с деловыми партнёрами, и... не только.

– Не имею возражений. Однако в Россию вы раньше подобным образом не ездили. Учились очень неплохо, да, я не затруднился просмотреть ваши зачётные ведомости. На разного

рода деловые переговоры и аукционы приезжали – тоже было, и неоднократно. Иногда инкогнито, иногда – явно. А тут уж как-то интересно совпало. С точки зрения людей, которых ОЧЕНЬ волнует наметившееся изменение мировой конфигурации...

Официант подал чанахи в пышущих жаром обливных горшочках, собеседники выпили и обратились к еде. Они на самом деле сильно проголодались, да и пауза для размышлений на темы вышесказанного требовалась и тому и другому.

– Себя имеете в виду? – усмехнулся Катранджи.

– Ибрагим Рифатович, – в свою очередь, сделал милейшее из своих лиц Чекменёв, – не пора ли нам раз и навсегда, да-да, именно это я и сказал – «навсегда», перестать валять дурака друг перед другом? Жизненного опыта, политического чутья, реальной деловой практики нам с вами хватает, надеюсь, чтобы понимать, чем мы занимаемся и к каким идеалам стремимся. Разочаровать вы меня не сможете, ибо я знаю вам цену, а вы – мне. Мы можем ещё какое-то время морочить друг другу голову, только – зачем?

Хоть убейте, не вижу я за вами такой силы и такой идеи, чтобы вы сейчас захотели сыграть за моей спиной на собственный риск и с нулевой суммой.

Чекменёв отложил ложку, разлил коньяк, старательно размял папиросу.

– Так уж? – осведомился Катранджи.

– Увы, коллега. В длинный покер поигрывали? Считайте, что у меня каре тузов с джокером. Шанс у вас один, как у Остапа... Пояснение требуется?

– Пожалуй, нет. Если вы совершенно убеждены, что на вашей стороне вся мощь Российской империи, воля нового Императора и решимость идти до конца – что ответить бедному турку, обладающему всего лишь сотней миллиардов золотых рублей и миллионом верных ассасинов?⁵¹ Что ответить человеку, представляющему четырёхсотмиллионную Империю с сильнейшей в мире армией, не склонную останавливаться ни перед чем?

– Наконец я слышу слова мужа. Не будем брать близких примеров, Пятигорска или Варшавы. Ещё полтора-два столетия назад генерал Кауфман отрядом в тысячу триста малограмотных, едва освобождённых из крепостного права крестьян взял Ташкент, окружённый высокими стенами и обороняемый гарнизоном в пятьдесят тысяч человек, настоящих моджахедов, как сейчас выражаются... Верных Аллаху, молившихся пять раз в день, вооружённых английскими винтовками. Разве им это помогло? Вы меня очень простите, Ибрагим Рифатович, но суть нашей встречи я улавливаю так: вам захотелось показать – не совсем точно представляю, кому именно – лондонской «Системе», лучшим людям вашего «Интернационала» или «Орби эт урби»⁵² сразу, что вы теперь не абы кто, а клеврет⁵³, или даже равноправный партнёр Императора. С соответствующими выводами для всех заинтересованных лиц. Я ничего не имею против, сам любитель всяких забав, но ведь и предупреждать нужно, заранее. Я бы вам изящно подыграл...

– Короче, Игорь Викторович, вы от меня требуете полной капитуляции? – ответил Катранджи, как бы и не заметив намёка.

– Какая капитуляция? – искренне удивился Чекменёв. – У вас в аттестате по русской истории – «двенадцать», по всеобщей – «одиннадцать». По философии – тоже «двенадцать»⁵⁴. Симбиоз я вам предлагаю, хотя ехали вы сюда с несколько другими целями. Так не выйдет. На вашей половине мира вольны делать всё, что хотите, а уж на нашей – исключительно по моим правилам. Можете выйти отсюда полноправным «другом» нашего Императора, «возлюбленным братом», как он предпочитает выражаться в свойственной ему романтической манере, а

⁵¹ Ассасины – фанатичные воины, преимущественно – тайные убийцы.

⁵² «Городу и миру» (лат.).

⁵³ Приверженец, сторонник (ст. слав.).

⁵⁴ В ряде высших учебных заведений России в то время применялась двенадцатибалльная система оценок.

можете не выйти вовсе: выйдет другой человек, ничем от вас не отличимый внешне, но с иной мотивацией...

Лицо Чекменёва выражало искреннюю любезность, но и сочувствие тоже.

– Двойника подготовили? Не получится. Слишком много деталей не сумеете учесть...

– Какие глупости. Зачем двойники? Вы перестанете быть собой нынешним, и только. Помните встречу на Мальте с профессором Маштаковым? Так то лишь штришок. Стоит мне захотеть, и вы поймёте...

Катранджи немедленно понял. Совсем ничего не изменилось вокруг, та же Одесса за окнами, тот же кабинет, и закуски на столе, и Игорь Викторович напротив. Он всё видел и помнил, что было, что есть, что происходит. Ни гипноза, ни наркоза, ни анаши с кокаином.

При этом частью сознания вдруг ощутил себя действительным статским советником по министерству иностранных дел, каким мог бы сейчас быть, сразу после университета согласившись принять российское подданство и поступить в специальные классы Генерального штаба по восточному направлению. Потом всё равно было бы то же самое – бизнес, сомнительные экономические и политические негодии по всему миру, неограниченная власть, рискованные, но столь пленительные акции, сделавшие его тем, кем он является сейчас. Только всё это – в рамках сверхзадачи, поставленной перед ним Империей. И где-то там, далеко на севере – редко посещаемый кабинет с окнами на Дворцовую площадь, или Красную, в шкафу – золотом расшитый мундир с полудюжиной орденов...

– Готов согласиться, – с некоторым усилием ответил Катранджи. – Не знаю, что за методику вы использовали, неизвестный вид гипноза или психотропное вещество в коньяке... Нечестно, конечно. Но даже если вы так меня переориентируете... Зачем? В нынешнем положении мы можем быть полезны друг другу гораздо больше...

– О чём и речь, Ибрагим Рифатович, о чём и речь. Поэтому предыдущую картинку мы снимаем, и переходим к следующей... Кому вы должны были продемонстрировать, что меняете ориентацию и в нынешних обстоятельствах делаете ставку на Россию?

Чекменёв, естественно, не умел оказывать такого психологического воздействия на собеседников, как некоторые его знакомые, зато он умел создавать впечатление подобного умения, и подчас это имело почти аналогичные результаты. Особенно если психолингвистическое давление сопровождалось несколькими яркими фактами, по определению являвшимися личной тайной испытуемого лица.

– Ну, давайте попробуем говорить откровенно, – согласился турок, у которого, как ему показалось, более достойного выхода из ситуации не оставалось. – На самом деле, в определённых кругах моих коллег и советников возникло мнение, что настало время показать кое-кому, что мы решили сменить флаг. Это ведь по большому счёту очевидно. Был момент, когда Россия рассматривалась как слабое звено ТАОС, и выбить его, превратить могучее государство в конгломерат горячих точек, с предельно ослабленным, ни на что не годным правительством, казалось задачей не слишком трудной.

– Ошиблись, однако, как последние триста лет ошибались все ваши предшественники. Это пленённому Шамилю, отправленному в ссылку всего лишь в Калугу, простительно было, проехав Ставрополь и Ростов, сказать: «Если бы я знал, что Россия такая большая, я никогда бы с ней не воевал...» А для вас вроде и странно моментами... – мельком заметил Чекменёв.

– В том и беда. Уроки истории впрок не идут. Всё время кажется, что уж на этот раз всё получится, как надо. Ан снова не выходит.

– Беда, – согласился Игорь Викторович. – Вспомните, к примеру, эпоху римских «солдатских императоров». Штук двенадцать, кажется, их за пять лет сменилось. И каждый, забывая о горьком опыте им же убитого предшественника, считал, что уж он-то займёт престол окончательно и надолго... Аналогичную картину мы наблюдаем за последние два века европейской политики. Сколько сил, сколько денег – и всё в трубу. А главное – мало-помалу накапливаются

исторические комплексы. Что у вас, что у немцев, что у англичан. Не забивали бы себе голову всякой ерундой, жили бы поживали, в ус не дули. Был у вас один умный человек – Кемаль Ататюрк, так и его не послушались. А могли бы мы с вами с самого семнадцатого века как-то договориться к взаимной пользе и жить как люди. По крайней мере, вы, турки, потеряли бы намного меньше времени, денег и территорий, чем шарахаясь от немцев к англичанам и обратно.

– Зато мы тешились иллюзией, что проводим самостоятельную политику, – с оттенком иронии ответил Ибрагим, как и подобало мыслящему в данный момент по-русски человеку.

– Одним словом, Ибрагим-бей, давайте подводить итоги, мы ведь не на семинаре по геополитике, – предложил Чекменёв, потребовав у официанта кофе и ликёров. – Вашим друзьям, от которых вы в той или иной мере до сих пор зависите... – он резким движением отсёк протестующий жест Катранджи, – не тешьте себя очередными иллюзиями, не существует людей, не зависящих вообще ни от кого, я тоже отношусь к их числу, – скорее всего, потребовалось напугать своих контрагентов, дать им понять, что надежда, опора и финансовый столп «Чёрного интернационала» не прочь начать раскладывать яйца по разным корзинам. Поэтому вам порекомендовали встретиться со мной таким вот именно образом. Чтобы те, кому следует, это увидели и стали несколько сговорчивее в делах, о которых я пока не имею никакого представления. Но узнаю непременно, – обнадёжил Чекменёв собеседника. – «Хантер-клуб» – инвариантная на протяжении вот уже второго века структура, достаточно давно находится под нашим плотным контролем. Те, кто узнает о наших с вами контактах, станут гораздо внимательнее относиться и к вашим мнениям, и к моему. А главное – получают рычаг давления на кого-то третьего. Это не выходит за пределы ваших представлений о «реалполитик»?

– Восхищён, искренне восхищён, Игорь Викторович. Вам бы самодержцем стать, вместо Олега Константиновича... – сказано было почти без заискивания, от души. Тоже почти.

– Ни к чему. Скудное и бестолковое занятие. То же самое, что прерывать преферанс на мытьё посуды, посадку картошки и приготовление уроков с детьми.

– Жена и скатерть – главные враги преферанса, – блеснул одной из почерпнутых в питерском общежитии ма́ксим⁵⁵ Ибрагим.

– Само собой. О! Смотрите! – Чекменёв вскочил и взмахом руки указал за окно, где на рейде в столбе буро-зелёной, поднятой с близкого дна воды разлеталась в небе кусками разного размера яхта Катранджи. – А в запасе – ход конём по голове. Уж это – явно не наша работа...

А сам подумал: «Накаркал, чёрт возьми. Ведь просто так сказал насчёт неприятных случайностей. И – на тебе! Или всё же вертелся в подкорке такой вариант?»

Грохот взрыва докатился несколько позже, как и положено по причине разницы в скорости света и звука.

Лицо турка мгновенно посерело и стало жалким и старым. Лет на десять от реального возраста. Так он сильно испугался? Или – это было другое чувство, но всё равно весьма негативное.

– Если это заложенная заранее мина – вам сильно повезло, – меланхолично отметил Чекменёв, почти силой всунув в руку Катранджи рюмку. – Часовой механизм слегка припоздал. А если торпеда с миниатюрной подводной лодки и работа боевых пловцов – нас ждёт продолжение...

– Это – точно не вы? – поперхнувшись коньяком, спросил Ибрагим.

– Я же сказал, коллега, – нет. Столь грязно мы не работаем, – машинально поправив ногтем мизинца ус, ответил Игорь Викторович. – Что вам должно быть давно известно.

Снаружи вдруг зачастили выстрелы, винтовочные и автоматные. С первого этажа ответили штурмовые пистолеты-пулемёты охраны.

⁵⁵ Выраженный в краткой форме логический или этический принцип.

– ...Более того, – тем же спокойным голосом закончил фразу Чекменёв, – я считаю, что у нас с вами есть около трёх минут, чтобы без суеты покинуть это гостеприимное местечко и углубиться в земные недра...

– Это вы о чём?

Ответить генерал не успел. Он выхватил из-под ремня пистолет, за ним этот жест повторил Катранджи, только в отличие от мощного генеральского «воеводина» у него в руке оказалась несерьёзная в настоящем бою, но богато инкрустированная испанская «астра». Правда, неизвестно, в каких целях он собирался её использовать.

Дверь распахнулась, на пороге появился Уваров с автоматом наперевес.

– Игорь Викторович, атака идёт с двух направлений. Вдоль бульвара, из окон и с крыш домов напротив.

– Подумаешь, испугал, – криво усмехнулся Чекменёв. – Гранатомёта в запасе не имеется? Уваров развёл руками.

– У тебя здесь сколько людей?

– В здании десять. Держать оборону на этаже хватит. Столько же снаружи. Будут связывать маневр противника, отсекают подходы. Пока войсковые части не подскочат...

– Или – наоборот, – бросил генерал. – Предлагаю пробиваться в катакомбы. Там мы любому будем в выигрыше...

Снова вспыхнула стрельба. Отчаянно, заполошно, и гораздо ближе. В соседнем зале, за стеклом, уже начиналась паника.

«Слишком рано, – профессионально подумал генерал. – Несколько выстрелов вдалеке – ещё не повод. Большинство на них бы и внимания не обратило. Значит – всё из одной цепи...»

– Троих – вниз, пусть вход держат. Остальным – расчистить путь в катакомбы. У меня план вот здесь, – он коснулся лба. – Прорвёмся... Любой, тебе лично не знакомый – враг. Из этого и исходи. Ясно?

– Мне ясно, – подкинул на руке «ППС» со сдвоенным магазином Уваров. – Только и вы, Игорь Викторович, что бы ни случилось, не стреляйте в женщин, имеющих бело-сине-красные отметки. В любых сочетаниях. Шарфики, розетки, платочки. Что бы они ни делали... Они – наши.

Не тот был случай, чтобы спорить или требовать объяснений. Чекменёву хватило впечатлений о способностях Уварова во время боёв за Берендеевку и потом, при зачистке Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.